

Петр Катериничев

Тропа барса

ЦЕНТРОЛИТРАФ

Барс

Петр Катериничев

Тропа барса

«Автор»

2006

Катериничев П. В.

Тропа барса / П. В. Катериничев — «Автор», 2006 — (Барс)

Героиня романа Алена потеряла родителей много лет назад и ничего не помнит о своем прошлом. Но, оказавшись в центре жестокой игры могущественных криминальных сообществ, она, как раньше ее родители, вступает в схватку с жуткой реальностью, именуемой «белой смертью». Кажется, когда вокруг царят трусость и предательство, когда ставки велики, а противники безжалостны, возможности уцелеть нет. Но в минуты смертельной опасности даже беззащитный котенок становится барсом...

© Катериничев П. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	66
Глава 13	71
Часть вторая	75
Глава 14	75
Глава 15	82
Глава 16	87
Глава 17	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Петр Катериничев

Тропа барса

Часть первая

НАЕЗД

Глава 1

Коля Воронов отзывался на погоняло Ворон. И специальность у него была самая что ни на есть уважаемая: карманник. Коле было тридцать семь, за спиной – две ходки, но оба срока он хватал как водится: первый – по молодости, второй – по глупости.

Первый раз, еще в восьмидесятом, закатали двести шестую, пьяную хулиганку, с прицепчиком; второй, в девяносто первом, – хранение и употребление. А по основной специальности его подловить кишка тонка у мусорков.

Но поменялось все. Раньше пощипать любого лоха – и сотка, а то и две, как здрасьте! Времена те прошли. Государство своим работягам деньги вовсе платить перестало, так и ворам не жизнь. Думать головой надо, если она голова, а не футбольный мяч.

Жаль, не вышел Коля ни ростом, ни сложением, про таких говорят: шибзик. А он шибзик и был. И даже если по фирме прикинуться – все одно не проканает. Среди богатых таким не потусуешься. Нет, кое-что на жизнь он добирал, на всяких выставках-продажах, где публика слоняется, разинув хлебальники... На булку с маслом добыть вполне можно.

Коля и добывал. Аккуратно платил долю в общак, прижился у одинокой бабенки в Вишневом – до Княжинска рукой подать, ездил каждый день, как на работу; был он тих, по-своему трудолюбив, и бабенка, Оксана, была им очень даже довольна: пил в самую меру, на приносимые деньги дом расстраивался постепенно. Все как у людей, Вообще-то щипачи работали бригадами, так сподручнее и риску меньше: передал «взятку» пареньку на подхвате – и уже нет статьи, и не докажешь! Но Воронин любил работать сам, один. Интереснее ему так было, что ли? Он бы и объяснить не смог.

Правда, порой тоска брала. Не чтобы с чего-то особого, а так, по жизни; ударялся Ворон по кабакам, просаживал денег немерено, пил, кутевал с прошмандовками...

Это был у него вроде как отпуск. А потом опять к той же размеренной и неторопливой жизни. Да и чего еще надо человеку? Иметь на хлеб с маслом, теплую да незлобивую бабу под боком да несильно борзеть, чтобы опять небо в клеточку не высветилось да баланда в алюминиевой миске перед рожей не замаячила. Нет, жизнью своей Коля Воронин был доволен. Почти.

А «почти» заключалось вот в чем. Была у него мечта. Верил Коля в свой воровской фарт, искренне верил, по-серьезному, как игрок. И тихо порой шептал что-то, как молился на везенье, и ждал то особое ощущение, когда знаешь – сейчас, сейчас поперет карта, и готов был все и вся запродать за такой вот момент и забывал, на том он свете или на этом... И вообще, работа у него была такая, что... Нет, кто не испытывал, никогда не поймет! Когда возвращался домой, да взбирался на бабу, да та стонала под ним как заведенная... Как оглядывала потом Оксана его хлипкую «хвактуру» да говаривала: «И откуда что берется? Доходяга доходягой, а жрешь за троих и „паришь“ за семерых». Он отвечал просто: «Маленькая блоха больше кусается», а сам-то знал: после пережитого волнения, азарта, когда вот, могли за руку схватить, и вообще... После этого разряда нужна. И он ее имел.

Но мечта есть мечта. Это почти святое. Ворону хотелось фарта, настоящего фарта, чтобы уши торчком. И еще – хотелось славы. Нет, он не завидовал ни этим качалам, «мясу», торпедам, живущим так удало и так недолго, ни авторитетам крутым из воров – сам понимал, до таких верхов и тронов у него и характеру маловато, и умишко не сфурычит. Сейчас такая крутизна пошла, что умища иметь нужно пуд. Это тебе не царем или там президентом, тут если где прокололся, косяк запорол, так и налетел на пулю. Да и много всего нужно, чтобы сошлось так вот по судьбе, у него не сложилось и уже не сложится. Но...

Ему хотелось сорвать Куш. С большой буквы. И пусть после выплат вобщак, после кутежа останется чуть-чуть, зато пойдет о нем. Вороне, слава: фартовый! А ежели куш будет велик круто, братва и через пять лет, и через двадцать, и через сто о нем попомнит: дескать, был такой Ворон, фартовый вор, и жил по понятиям.

Нет, никакого преступления века вроде ограбления банка, музея или там выставки исторических драгоценностей он не замысливал, но в фарт верил: должно же и ему когда-то повезти. В какой-то книжке он читал про одного вора: жил себе тихо, еще в советское время, держал ребят на «железке» близ ювелирной скупки, и один из тех его парнишечек сторговал у старушенции брошь за четыреста рублей тогдашними деньгами, считай, как за одну оправу рыжую; ни старушонка цены не знала, ни этот лох-мальчонка, а в броши той каменюка был, алмаз с голубиное яйцо в цену немереную! Дальше писатель уже наврал: пошел, дескать, тот вор, сдал эту реликвию историческую то ли в музей, то ли еще в какую контору, да еще и срок за нее потянул – решил честным стать и на свободу после отсидки с чистой совестью выйти! Тьфу! Чем такое вкручивать, лучше бы в альфонсы тот писака подался, бабам арапа заправлять: бабы, они любят, когда врут складно да красиво!

Так и жил Коля Воронин да ждал: должна ведь удача ему хоть раз так-то, по-крупному улыбнуться, а?! А уж он тогда эту синюю птичку за хвост и в клетку – не упустит!

Осень приносила оживление в его профессиональную жизнь. Начинали работать театры и выставки, показы и презентации... И хотя люди в карманах не носили пачки баксов или бриллиантовые кольца, на жизнь нащипать можно было с верхушечкой, с пенками.

Фестиваль «Альта-мода» обещал быть урожайным. Четыре бригады воров готовились к событию. Тут было что пощипать. «Новые» с супругами, подругами и чадами... Да ладно супруги, сами фазаны были птичками жирными: «котлы» по десять штук «зелени», заколки для галстука с бриллиантами, ручки от «Картье», самые недорогие – по три штуки... Есть где разгуляться! Пацаны работали в прикиде полных альфонсов: костюмы с иголочки, прически – волосок к волоску... Нет, не перевелись еще спецы!

А Коля Ворон, как всегда, пошел по индивидуальному «графику». Естественно, тупорыльную охрану он проскочил так, словно их и не было: кургузый мужичок в пристойном рабочем халате и с большой потертой сумкой, полной каких-то проводов, плоскогубцев, зажимов, с маленькой металлической лесенкой... И бодигарды не обратили на него внимания. Ведь работа для «вратарей» при дверях – часть пейзажа. А тут еще такой вавилон! Была бы охрана хоть немного профессиональная, а то так: отметится, что мероприятие под контролем, и известное на весь город агентство «Армард» отрабатывает свои денежки как положено – тупо и не суетясь.

Ворон еще с утра чувствовал азартное возбуждение. Он собирался работать по девчонкам: особого навару это занятие не приносило никогда, но многие из этих кралей были подружками очень значительных задниц, а потому в сумочках вполне могли оказаться и баксы сотенными бумажками, и часики от Картье или «Ролекс», и другие дорогие цацки. Что-то попадется сегодня? Ум Ворона был ясен; он пытался было всякими доводами уговорить разыгравшееся воображение... Но...

Душа чужала скорый фарт. Крупный. Сначала Коля взялся вычислять, кто будет этим «фазаном», потом плюнул: фортуна не любит рассуждений. Ты ей или веришь, или...

Или всю жизнь пашешь мужиком за твердую пайку. Третьего не дано.

Загодя он отомкнул махонькую каптерку электрика: сам электрик его стараниями запил в глухую; нет, Ворон с ним не пил, просто зарядил ребят, что выпивали в забегаловке рядом, а те уже загрузили Толика-электрика по самую маковку. По опыту Ворон знал: после такого принятия на грудь даже сама мысль о выходе на работу противна; ну а чтобы она была совершенно потусторонней, сунул Толяну в карман несколько крупных купюр, чтобы тому было чем занять себя, когда проспится. Сумку и халат он позаимствовал, как и ключи от каптерок и подсобок, причем не навсегда – следующим вечером собирался найти способ вернуть. Ибо четко знал: после сегодняшних краж начнется шум, завтра мероприятие будет наводнено шестерками, и ладно бы только ментовскими – под началом многих терпил, которых сегодня общипают, бывшие волки розыска, а сейчас – не раньше, просто загрузят в машину да так потолкуют, что отдашь то, чего не только не брал, но чего и в свете никогда не было!

А шорох начался куда раньше. Неужели умыкнули что-то этакое? Или у такой персоны, что она обиделась и высочайше повелела устроить показательный шмон?!

Такое было в прошлом году: то ли в поезде, то ли на вокзале у замминистра самых внутренних дел подломили портмоне. Так этот терпила закрыл вокзал на неделю!

Еноту понятно, доходы попадали: воры, кидалы, билетчики, проститутки, квартирники недополучали с пассажиров, менты вокзальные недополучали с них всех, но тут уж ничего не попишешь: стихия. Да и министры не каждый раз ездят.

Не-ет. В коридорах проскакивало множество людей, вроде бы беспечно, но Ворон опытным глазом отметил их целенаправленное ничегонеделание. Он уже подумывал, как бы отыскать себе достойное электрика занятие, чтобы не маячить и прикинуть ситуацию, когда к нему обратились:

– Ну вот, наконец-то! – Красивая, стильная дама лет тридцати взяла его за рукав халата. – Пойдемте! Там задохнуться можно!

Она устремилась вперед, Ворон шел за ней, присматриваясь. Девчонок было множество, все они свалили шмотки – сумочки, сумки, пакеты в малом зале; кто-то из красоток за вещичками бдил, но бдение это было таким, что стащить половину «изобилия» мог бы даже ленивый! Ну да это потом. Ворон верил своему чутью, а чутье подсказывало: не суетись!

– Вы только посмотрите! Здесь задохнуться можно! В маленькой гримерной набилось человек пятнадцать – двадцать девчонок. Здесь же работали стилисты. От сушилок, электрощипцов да и от дыхания набившихся в комнату людей духота действительно была страшная.

– Я уже двадцать минут пытаюсь связаться с кем-нибудь из вашего начальства!

Девчонки скоро в обморок начнут падать!

– Ну, это совсем лишнее...

– И по всей этой линии не работает ни один кондиционер. Напротив во всех гримерных работают, а здесь – нет.

– Разберемся, – авторитетно пробурчал Ворон, щелкнул для порядка тумблером. – Это на щите смотреть надо. И по другим гримерным, если последовательное соединение...

– Да смотрите где хотите, только исправьте! У меня уже здесь голова раскалывается, а всего минуту стоим! – Она обратилась к девушкам:

– Оля, Лена и Оксана, вы готовы? Быстренько, в пятый блок, посмотрите расписание. Олег хочет по этой коллекции хотя бы один прогончик устроить полностью, а то... – Она снова посмотрела на Ворона:

– Сумасшедший дом! Ничего не успеваем! – И выпорхнула.

Ворон прошелся по гримерным, засветился. Теперь у него было полное право слоняться везде. Он снова пересек малый зал, где девочки складывали вещи под надзором то одной, то другой не слишком внимательной красавицы, прошел в коридорчик, нашел в закутке распределительный щит: почему бы не сделать доброе дело и действительно не исправить систему вентиляции? На щите должна быть схема.

Он открыл гвоздиком смешной замочек, а когда увидел того лощеного лоха, словно кто шепнул ему: сейчас.

Мужчина с «дипломатом» шел скоро. По краю зала. Когда он почти приблизился к коридорчику, то сделал неуловимое движение и подхватил из кучи вещей сумку – кожаный рюкзачок. Это движение его осталось не замеченным никем, кроме Ворона.

Сам он поспешил уткнуться в щит, причем открыл дверцу так, чтобы у незнакомца даже сомнения не возникло, что он мог видеть.

Молодой человек скоро прошел мимо Ворона и скрылся в туалете для сотрудников.

Обратно он появился через пять минут с той же сумкой и с «дипломатом», только «дипломат» был заметно полегчавшим, а рюкзачок – заметно потяжелевшим.

Возвращался в другой коридор мужчина тоже через малый зал, и Ворон успел примечать, что бросил он рюкзачок совсем не в ту кучку, из которой взял. Причем обратно его он нес ни от кого не таясь, вроде подруга попросила доставить; подошел к куче вещей, отпустил комплимент девчонке-«стражнице», видно, пошутил или поприкалывался и положил модную сумку среди других вещей: дескать, Оля передала, сама срочно побежала краситься.

Сердце Коли Воронина билось азартно и скоро: это фарт. Он не заспешил, не поленился пройти за молодым человеком и заметил: того пасли. Причем два хвоста – пареньки в джинсовках, сидевшие в служебном кафе с насквозь прозрачными стенками, – чуть ли не вздохнули облегченно, когда «объект» объявился, преспокойно сел за столик и заказал чашку кофе с коньяком: судя по всему, они потеряли его несколько минут назад вчистую, но суетиться, бегать и искать в наглую по каким-то своим причинам опасались.

Один из хвостов проговорил нечто в переговорную рацию, лежавшую на столе, в чем тоже не было ничего необычного – почти у всех здесь были такие: главный режиссер действия командовал с пульта настоящей армией ассистентов, костюмеров, художников по свету, девушек-менеджеров агентств, каждая из которых, в свою очередь, своей стайкой длинноногих моделей.

Права была красивая дама: сумасшедший дом. Но то, что в мутной воде легче рыбку ловить, – факт. И, судя по всему, в этом «пруду» рыбачил не он один.

Ворон вернулся в маленький зал. Одни девушки переодевались к показу, другие носились взад-вперед по ведомым им делам. Рюкзачок лежал там, где его оставили.

Заметил Коля и девчонку: молоденькая, лет семнадцати, русоволосая, она порылась в грудке вещей, спросила что-то у стоявшей рядом девушки – та только плечами пожала; видно было по лицу, что она расстроена. Потом к ней подошла та самая красивая дама, что-то сказала; девочка глянула на часы и направилась в служебное кафе.

На сцене грохотала музыка. Девчонки прибегали, убегали. Рюкзачок никого не волновал. Коля Воронин закрыл распределительный щит, дождался, когда вокруг кучи с вещами никого не окажется. Вышел из своего закутка озабоченно, деловой походкой. Проходя мимо кучи вещей, уронил лесенку. Наклонился поднять. На него не обратили особого внимания. Движение было скорым, отработанным: рюкзачок исчез в объемистой рабочей сумке Ворона.

Он прошел коридор, еще один. Проскочил по кругу еще пяток коридоров, убедился: никто за ним не следил. Через пять минут оказался в каптерке, закрыл за собой дверь на хлипкий шпингалет, перевел дух. Сердце стучало гулко и часто: будет смешно и глупо, если он потянул пустышку и все эти штучки – просто игра воображения. Закурил, перевел дух и только потом расстегнул рюкзачок, развязал.

Увидел, как чуть-чуть подрагивают руки. Запустил их внутрь и выудил обычный целлофановый пакет. Всего восемь увесистых, вглухую запаянных пакетов из толстого целлофана, в каждом – белый порошок. Мужчина улыбнулся одними губами: в том, что это не мука, он был уверен точно.

Ворон почувствовал, как колотится сердце и пот заливает глаза. Уходить, и немедленно!

Автоматически он затолкал все обратно в рюкзачок, сам рюкзак уложил в свою объемистую сумку на самое дно: бросать его в каптерке – это как себе в суп плюнуть! Если рюкзачок найдут-таки здесь, то его очень скоро вычислят, выдернут и вывернут наизнанку. В прямом смысле.

Сверху он уложил кусок дерюги, мотки проволоки, инструменты, стараясь, чтобы какой колюше-режущий инструмент не продрал ненароком рюкзачок. Хотя кожу продрать и не просто, береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет. А то и похуже.

Теперь нужно было чисто уйти.

Не торопясь, Коля выкурил половинку «Примы», вытащил из внутреннего кармана кургузого пиджачишка загодя припрятанную фляжку с водкой, сделал крохотный глоточек, прополоскал рот, чуть-чуть плеснул на пиджак. Загасил пальцами бычок, приклеил к нижней губе. Из каптерки объявился с самым деловым видом, но пошел не через служебный выход, а за кулисы. Полюбовался представлением, дождался, пока музыка дошла до заключительных аккордов и девушки начали спускаться с подиума, пробурчал нечто, шмыгнул в темный зал. Его глаза привыкли к темноте, и потому он уверенно шел по проходу до двери, над которой зеленым горело: «Выход».

Глава 2

После тьмы зала вестибюль сиял, Ворон прищурился, окидывая все единым взглядом, и тут же опустил глаза. Давешний молодой человек шел в сопровождении двух других не менее подтянутых, но куда более накачанных и деловых; притом держался он достаточно беззаботно и свой пустой «дипломат» нес уверенно. Итак, хлопчика повязали, и он веселится, что «приземлят» его чистеньким, как голубя из Ноева ковчега. Хм... Надо думать, он уже нашел или еще найдет способ поделиться со товарищи, где уже заныкал драгоценный белый порошок, и вот тут их всех ожидает разочарование. Очень крупное разочарование. Головы полетят или мозги из этих голов – в пол, в потолок, на мостовые...

Он вышел почти вслед за молодым человеком и сопровождающими, заметил, как того усадили в «Волгу», успел сделать вывод: комитетчики. Хотя здесь они назывались и по-другому, ну да комитетчик, он комитетчик и есть, его хоть горшком назови, хоть корытом – по повадке видать.

Коля шел не спеша, запрыгнул в кстати подошедший троллейбус, снял халат и спрятал сверху в сумку, проехал пару остановок, выскочил, нырнул в метро, два раза поменял линию, вышел наконец на нужной остановке и уже спокойно и не дергаясь добрался до станции. Электричкой до Вишневого было минут пятнадцать.

Дома он оказался в половине двенадцатого. Оксана ждала, в доме вкусно пахло варениками. Коля отомкнул дверь ключом, вошел на кухню. Женщина возилась над раковиной. Ворон уронил сумку, одним махом задрал ей подол и спустил трусы.

– Ой! – вздрогнула Оксана вроде от неожиданности, зашептала скороговоркой:

– Погоди, налетный...

Но когда он вошел в нее, она оказалась влажной и готовой: она ждала, заметила, что он подходит, и ждала, повернувшись спиной, выпятив сдобную задницу так, как ему всегда нравилось... Они повалились на пол, женщина кончила раз, другой, третий, а он знай гонял, зверея и возбуждаясь. Его «парень» был как каменный, он снова развернул женщину спиной, вытащил и с маху вогнал его, влажного, в другую щелочку. Она напряглась сначала, но снова стала постанывать, а он двигал животом, словно неумолимая машина, пока не зарычал, перехватив руками ее спину...

– Ну вот, теперь синяки опять будут, – ласково прошептала женщина, оглаживая его продолжающее стоять «орудие». – То-то ты как бешеный бык... Просто бык, и все...

– Она поцеловала его, а Колян лежал на спине и чувствовал спокойствие и блаженство; казалось, сейчас какая-то фраза «Я тебя люблю» – и он заплачет, разрыдается, будто маленький ребенок, уткнувшись Оксанке в грудь... Но такой глупости она не говорила никогда. И не скажет. А он и подавно. А жаль.

Ворон встал, заглянул в умывальник, подхватил оставленную в прихожей сумку.

– Ты чего, есть не будешь?

– Пока не буду.

– Я и вареники приготовила, с поджарками, как ты любишь.

– Не, Ксюха, потом. Утром. Сейчас устал как зверь.

– В «скворечнике» ляжешь?

– Угу. Там воздух свежее.

– А то ко мне бы под бок.

– Завтра.

– Ну завтра так завтра.

Николай поднялся по скрипучей лесенке в крохотную пристройку, которую называл «скворечником», плотно задернул шторы. Вытянул из сумки пакет, из него – плотный увеси-

стый пакетик. Чувствовал, как дыхание снова стало неровным. Когда-то он баловался кайфом и знал, что... Подстелил на столик чистую белую бумажку, достал бритвенное лезвие и, разом решившись, полоснул по плотно набитому пакету.

Немного порошка просыпалось на газету, он послунял палец, окунул в липкую массу, положил на кончик языка. Героин. Исключительной очистки.

Ворон откинулся на койку, ощущая во рту специфический привкус. Пошарил на столике, вытащил из пачки сигарету, взял зажигалку, чиркнул кремнем. Прикурил.

Долго смотрел на язычок пламени. Захлопнул крышку, огонек погас.

Он лежал и смотрел в потолок. Восемь пакетов. В каждом, если прикинуть, граммов четыреста. Вернее, четыреста граммов. Этот товар любит точный счет. Значит, три килограмма двести граммов. Качество отменное. Ну а общую сумму он может сосчитать и без калькулятора, если грамм этой «дури» на рынке стоит двести пятьдесят долларов. Если он, Ворон, ошибся, то только в сторону уменьшения.

Пожевал губами, стараясь явственнее ощутить привкус на кончике языка...

Удивительной очистки «дерьмо». Сработали из азиатского сырья где-нибудь в здешнем НИИ хорошие лаборанты. Такой очистки на шаромыжку не добиться. Снова пожевал губами. От общей суммы кружилась голова и без всякого кайфа.

Сегодня был фарт. Вернее, Фарт! С заглавной буквы! То, что находится в этих пакетиках... Это будет... Николай снова пожевал губами, и как он ни старался, сосчитать не мог. Выругался, спустился вниз, взял старый задроченный калькулятор, с каким Оксанка приторговывала всяким тряпьем на рынке, вернулся и нажал поистертые кнопочки...

Как он ни был готов, цифра его поразила.

Восемьсот тысяч долларов! Восемьсот тысяч! Долларов! Лежат на полу в «скворечнике»! Сейчас, когда любой отморозок за пару штук «зелени» кончает молотком престарелую старушку, будто она и человеком никогда не была! Восемьсот тысяч долларов!

Это был Фарт!

Ворон снова стал тискать истертые клавиши счетной машинки. Даже если взять самую низкую, даже оптовую цену куда более грязного «дерьма», чем это, цена улетает за полмиллиона долларов. Влегкую.

Ворон почувствовал, как устал. Он был не фраер и не лох, чтобы решить, что такую партию «дури» он сможет спихнуть легко и без потерь, минуя, скажем, Кондрата или Беню-одессита. Хотя... И Украина велика, а Россия – и подавно. К тому же он, хоть и не часто, катался по кайфу, все хаты и всех сбытчиков знал. Такой «дури» в Княжинске не было. Никогда. А за каким рогом она оказалась в «Юбилейном»? Тоже понятно и еноту: титулованных гостей съехалось, как грязи. Ясно, что Карден вряд ли потащит наркоту в сумчаре через бугор, а вот кто-то из педерастических мальчиков или плоских анемичных девочек в этом безразмерном ворохе одежек-без-застежек – вполне. Коллекция Кардена Houte Couture – это звучит. Ни один поганец не решится детально шмонать выставочную одежку от маэстро, не рискуя налететь на звиздюлину от своего же начальства: все-таки впервые почетный гость в независимой Украине! А Княжинск – тот же Париж, как любят заявлять батьки из Верховной Рады!

Кто-то продумал все кардинально. И это кто-то не Кондрат и не Беня: у этих даже на двоих думалка так кучеряво не сработает. Получить «дурь» от черных дрянной очистки, запустить по городу и окрест – это они мастера, а вот сработать через высокую моду – кишка тонка! Так к кому же обратиться? К самому Автархану? Повод?

Повод ох какой значимый: кто-то гонит наркоту на Запад мимо него, да в таких количествах, да такого качества! А в Западной той Европе эта «дурь» – ишь, даже язычок радуется, очищена – суши весла! – улетит в цене к четыреста за граммилечку! Даже если по низшей цифре, это... Мужчина снова потискал пимпочки калькулятора... Миллион двести восемьдесят тысяч! Долларов! Уф! Ворон перевел дыхание, чувствуя незнакомое прежде напряжение и

какую-то тяжелую, тревожную усталость. Хорошо, хоть Ксанке успел заправить: сейчас не то что «гонять дурака» не хочется, а и не шевельнешь его ни краном, ни домкратом, хоть всех этих подиумных красотулек нагишом перед ним построить! Да и не любил он худых. Баба, она в теле должна быть, чтобы дышало все... Хм... Понятно, чего эти банкиры хреновы, по слухам, импотенты все: им бабу трахать надо, а у них сплошная цифирь в башке крутится, да маленькая, да мыслишки гонят не догонят одна другую: как бы не налететь так, чтобы голова на плечах осталась в неприкосновенности. Да и опять же трахать этим банкирам кого? Тех же таранок худосочных, мода теперь такая, хошь не хошь; может, их с пивком и хорошо употребить, а ему, Коляну, нравились сдобные, как пышки, и горячие. И снаружи, и внутри.

Фарт... Нужно теперь помыслить, как этот фарт обернуть в деньги... В хорошие деньги. Да чтоб голова на плечах задержалась. Он ведь не банкир какой-нибудь, чтобы башку не жалеть. Своя, не чужая. А спешить ему куда некуда.

Чтобы как-то отвлечься от тревожных и непривычных мыслей, Колян вытряхнул все из сумки на пол. Ага. Косметичка со всякими бабскими причиндалами, проездной, читательский билет с фотокарточкой. Красивая девчушка, только маленькая еще. А глаза – просто обалдеть можно. То ли досталось ей уже на коротком веку, то ли...

Нет, точно досталось, Ворон повидал таких глаз. Глебова Елена Игоревна. М-да...

Не повезло сегодня Глебовой Елене Игоревне: сумчару умыкнули. А может, наоборот, повезло: заберу комитетчики, или как их там, этот рюкзачок, ей бы отмываться до костей, и все одно – не отмыться. А сумка, подумаешь, – погорюет и плюнет, а впредь умнее станет. Это уж точно.

Еще в сумке оказался мишка. Забавный такой плюшевый медведик, довольно тяжеленький: внутри был механизм. Надо думать, механизм тот сломался давно; плюш на шкурке пообтерся совсем, один глаз – свой, другой – перламутровая бусинка пришита, но пришита крепко, видать, давно медведика чинили, может, лет десять тому; а у девчонки той или детство еще не отыграло, или друг это ее... Вот и таскает везде.

– Ну что, Потапыч, не ведал, что ко мне попадешь? Погляди, как живет фартовый Ворон, позавистничай. Все одно – не скажешь никому, а потому от тебя никакого вреда. Правда, и пользы немного, а, косолапый?

Колян поставил медведика на широкий подоконник, щелкнул ногтем по голове, и она закачалась плавно из стороны в сторону.

– Не соглашаешься? То-то, что не соглашаешься... Может, видывал ты в своих лесах игрушечных куда поболее всего, что людишки знают, а, Потапыч? Молчишь? Ну молчи, молчи... Молчание – золото.

Ворон взял еще сигарету. Хватит попусту языком молотить. Думать надо. И решать.

А то ежели чего, узнает кто из братвы, так они и решат: скрысятничать вздумал Ворон-падаль, куш утаить! Вот тогда и будет о-го-го. По всей форме. Так что как ни крути, а надо к Автархану... Больше не к кому. Пятьдесят кусков ему, Коле Ворону, уж точно обломится, и слава среди братвы – это уже навсегда. Сначала тишком пойдет, шепотком, а все ж...

Ворон чиркнул кремнем, поглядел долгим взглядом на огонек... А все ж... Вот именно: не попробовать этой «дури» – ну никак нельзя. Получится, что он как пес какой: сцапал добычу, поднес хозяину, и сиди голодный, облизывайся, пока косточку дадут. Не, не попробовать нельзя. Нужно даже попробовать, обязательно!

А то вдруг не так вкусна сметана, как бела? Аккуратно заклеил скотчем отверстие в пакете, оставив только то, что просыпалось на бумажку, – граммuleчку.

Остальное загрузил обратно в рюкзачок, а его сунул в шкаф, в самый низ, да прикрыл сверху хламом. Вот бабы! У Оксанки этих платьев – груды, а никакой тряпки спроста не бросит: жалко. Грузит куда можно и куда нельзя – баба!

Колян глянул на часы. Четверть второго. Время есть: отлетай, сколько душа пожелает, Оксана никогда его не будит, если он в «скворечнике» залег; да и к «дури» она относилась спокойно – конченным он вроде не был, а что соломку вываривал... А кто в Вишневом не вываривал? Наоборот, порой он сварит себе дозу, уколется да такое в постели устроит, что... «Болт» как каменный, по три часа соколом летает! Сама Оксанка, правда, ни-ни. «Дури» не терпит, считает баловством зряшным. Вот то ли дело горилки, да на зверобой-траве, выпить, да закусье богато, да песен попеть. Это она охоча.

За размышлениями спустился Колян по скрипучей лестнице; починил бы давно, да такая ему и была нужна: никто втихаря не подберется. А у него там, в шкафчике, «тулка» да патроны с жаканом да картечью: и криминала никакого, а так пропишешь кому незваному, если что, – никакой «Макаров» таких дырок не понакрутит.

На кухне зачерпнул Колян водички из ведра, выпил, чувствуя, как зубы стучат о железо кружки: уже подперло. Не, он не конченный, но уж очень «дурь» хороша, и удерживаться нет ни охоты, ни резона. Да и заслужил он сегодня, точно заслужил.

Зачерпнул еще кружку, бросил туда ложку столовую, поднялся в «скворечник».

Осторожно подхватил сухой бумажкой щепоть порошка, ссыпал в ложку, аккуратно, на пальчиках, по капле, наносил в нее воды. Откинул крышку зажигалки, чиркнул кремнем, поставил ложку под огонек, с удовольствием наблюдая, как пузырится по краям жидкость, прежде чем сделаться однородной. Подержал, пока остынет, аккуратно, по капле, слил в приготовленный пузырек темного стекла.

«Боян» он тоже приготовил загодя. Не какой-нибудь одноразовый стручок, как у всякой там нечесаной швали: фирмовая машинка, своя. Аккуратно наполнил шприц, чуть притравил, пока не показалась на кончике иглы крохотная капля, согнул руку в локте.

Он не конченный и даже не наркоман; так, случается у него, конечно, раз-два в месяц, но это баловство, не больше. Вот и «дорожка» тут как тут, даже и жгута не нужно. Ловко и ласково он проткнул вену, подождал полсекунды и мягко надавил на поршень, давил, пока не опорожнил шприц. Горячая волна мгновенно прошла по телу, стало тепло, голова закружилась, но едва-едва... Ворон извлек шприц, положил на столик, прикрыл полотенцем. Откинулся на подушку.

– Ну что, Потапыч, поехали? – щелкнул он плюшевого медведика и откинулся на постель, прикрыл глаза, ожидая, чувствуя уже первый, самый сладкий «приход».

Мишка укоризненно качал головой.

– Не одобряешь, косолапый? – приоткрыл на мгновение веки Ворон. – Ну и дурак.

Вам, медведям, кайфа не догнать. Так и живете сиротами.

Ворон снова упал на подушку, но не ощущал уже ничего. Тело стало легким, как пух, а легкий, ласковый ветерок поднимал его и готов был мчать к невиданным красотам и невыразимым наслаждениям...

Медведик стоял на подоконнике и косил укоризненно лиловым глазом. Голова его продолжала покачиваться из стороны в сторону, и блики света, играющие в темном зрачке, делали этот взгляд осмысленным, печальным и мудрым.

Глава 3

Хуже всего, когда тебя предают.

Алена смотрела в окно, в последний дождливый день осени и завидовала ему. Осень еще не разучилась плакать. А она сама...

Мысли металась обрывками, и ей казалось, что похожи они на мусор. Вернее... В голове крутились обрывки каких-то песен, мелодий, стихов... Девушка посмотрела в окно. Темнь. И капли стекают по стеклу... Как слезы...

Какая тишина и в доме, и за окнами, В ушах шуршаньем ночь.

И улицы блестят проталинами мокрыми.

Не спится, чем помочь?

Ноябрь перед закрытием слезливо и дурашливо Расплакался дождем, Сливая все события, и важные, и бражные, Под сетчатым плащом.

Последний месяц осени дождем в окошко просится:

Прими и обогрей.

Впусти. Котенком ласковым ноябрь свернется сказкою У теплых батарей.

Сказка... Сказки пропали все... Давно. Они остались в той жизни, которую она не помнит. Совсем.

И еще она, словно наяву, слышала мелодию песни, популярной лет десять – пятнадцать назад, когда была совсем маленькой... «Куда уехал цирк, он был еще вчера, и ветер не успел со стен сорвать афиши...» Афиши тоже уже все сорваны, и ветер безразлично метет обрывки чьей-то недавней славы, успеха, восторга... И все бы это тоже ничего... Хуже всего было... Хуже всего, когда тебя предают...

Телефон прозвонил трижды, сработал автоответчик. Девушка осталась сидеть все в той же отрешенной позе на узенькой софе, прикурила новую сигарету от истлевшей до фильтра, глотнула из стоящей на полу большой бутылки, глубоко затянулась дымом...

– Глебова, возьми трубку, это я, Настя! – прозвучало из динамика.

Та только равнодушно глянула на аппарат и безучастно отвернулась к окну.

– Алька, возьми трубку! Если не возьмешь, я не знаю, что я сделаю! Пойду к Кузьмичу, и мы выломаем дверь, возьми немедленно!

Горькая полуулыбка мелькнула на губах девушки, она подняла трубку:

– Да?..

– Уф... Значит, жива...

– А чего со мной делается?..

– Голос у тебя какой-то странный...

– Уж какой есть.

– Глебова, ты чего? С позавчера – ни слуху ни духу... Ведь договорились же! Я тебе уже обзвонилась. И в дверь вчера ломилась. Ты где была-то?

– Дома, – меланхолично ответила девушка.

– А что вообще с тобой случилось?

– Ничего.

– Ага, «ничего». А то я тебя не знаю. И голос хриплый. У тебя что, простуда?

– По жизни.

– Слушай, да ты напилась!

– Да...

– Что случилось, Алька?

– Ни-че-го. Ровным счетом.

– Ты одна?

– Я всегда одна...

– Я сейчас спущусь. Поняла?

– Хм...

– И не хмыкай! Если не откроешь – дойду до Кузьмича и сделаю как сказала!

Выставляю дверь к чертовой бабушке! Поняла? Ты меня знаешь.

Девушка положила трубку на рычаг. Снова взяла бутылку и основательно приложились. Смотрела на стекло в дожде, пока мелодично не пропел дверной звонок. Поднялась с постели, отомкнула защелку, повернулась и побрела в комнату.

Настя вошла в прихожую:

– Глебова, ты чего нагишом слоняешься? На девушке действительно не было надето ничего, кроме белых носочков. На вопрос она никак не отреагировала – возможно, она его даже не услышала. Молча вернулась в комнату и рухнула на кровать.

Настя, крупная энергичная шатенка лет двадцати семи, двинулась следом, села в кресло перед низким столиком, взяла бутылку, понюхала:

– Сладкие вина – сладкие грезы... Чего пьешь-то, а?

– Мускат.

– Я не о том.

– А-а-а... – апатично отозвалась девушка. – Будешь? Настя сморщила чистый лоб...

И пить ей в такую рань не хотелось... Но девке надо помочь.

– Буду. А чего попроще есть?

– Смотри сама.

Настя подошла к открытому бару.

– Да тут уже и смотреть нечего. – В баре оставалась бутылка лимонной водки и квадратная емкость с шотландским виски – в этой плескалось на доньшке, едва-едва.

Настя окинула быстрым взглядом комнату. Нет, мужчин здесь не было, бар Алька расфурычила сама. Сколько же она выпила, мама дорогая!

– Глебова, ты чего, в «синеглазки» решила заделаться по ускоренной программе?

Девушка лежала, завернувшись в простыню, лицом к стене.

– Так и будешь бревном лежать?

Молчание.

Настя передохнула. Это что же должно было случиться, чтобы девку так развезло? И не от спиртного – по жизни? Вот блин!

– Ладно, хочешь лежать – лежи. Но с подругой-то за компанию выпьешь? – решила она переменить тактику.

Настя ловко откупила маникюрным ножичком бутылку водки, прошла на кухню, вытащила из морозильника простую эмалированную кружку, полную полупрозрачного льда, одним ударом выкрошила два огромных куса, бросила в толстостенные бокалы, плеснула водки, едва-едва, воровато оглянулась на дверь, долила водой прямо из-под крана, вернулась в комнату.

– Кушать подано. Дерябни с дорогой подругой, – протянула девушке стакан.

Та выпила равнодушно. Поставила стакан у кровати. Он неловкого движения подушка упала на пол. На простыне лежал пистолет.

– Ото! – Настя одним махом опорожнила стакан, успев пожалеть, что плеснула себе слишком мало водки, взяла оружие за ствол, посмотрела, чуть сморщив носик, брезгливо, словно продавщица бутика «Валентине», обнаружившая в фирменном белье лежащую там промасленную шестеренку трактора «Кировец». – «Возьмем винтовки новые, на штык флажки и с песнею в стрелковые пойдем кружки...» – пропела она хрипло. – У тебя чего, детство заиграло?

Ленка подобрала подушку, накрыла «мелкаш», легла на спину, глядя в потолок остановившимся взглядом.

– Глебова, да прекратишь ты молчать?! Пьешь как ломовая лошадь, ствол под подушку заныкала... Не, я никогда не разделяла твоих спортивных увлечений, приличной девушке совсем не обязательно уметь стрелять, ей нужно иметь мужчину, который просто исключит всякую возможность баловства с оружием, будь оно по делу или без... – Настя замолчала на секунду, потом произнесла серьезно:

– Ты кого отстреливать собралась, а? Что случилось?

Глаза девушки наполнились слезами, она закусила губу, но не произнесла ни слова.

– Вот что, девка! Если...

– погоди, Настя... Лучше... Лучше, если ты уйдешь.

– Почему это?

– Они могут прийти когда угодно.

– Кто – они?! Колись давай! Я тебе боевая подруга или где?

– Ты все шутишь... А тут что-то очень серьезное. Боюсь, и твой Женька нам не поможет. Да и... Никому не нужны чужие проблемы.

– Это мне решать: поможет, не поможет. А проблемы... Если мы перестанем помогать друг другу, то выйдем. Как стадо дебильных мамонтов.

Настя налила себе водки, сморщила нос, выдохнула и выпила по-мужски, махом, запила теплой кока-колой, вытянула из пачки сигарету.

– Можно хуже, но некуда. Никакого сервиса в ваших апартаментах, девушка. – Закурила, выдохнула дым. – Рассказывай. И никуда я не уйду, ты меня знаешь!

Аля не замечала, как слезы катятся по щекам. Настя поглядела на подругу внимательно, вздохнула... Надо же, как девку припекло!

А Лена смотрела в потолок и не думала ни о чем. С Настей Сергеевой ей вдруг стало совсем спокойно. Была она совершенным исключением из всех и всяческих правил женской дружбы: независтлива, незлословна... Может быть, потому, что, будучи старше на целых десять лет, восприняла когда-то Лену так, как взрослая кошка воспринимает отданного под ее опеку котенка.

...Глебовой было четырнадцать, когда три года назад она поселилась у бабушки Веры, и первое, что она сделала, – это подралась во дворе. Попросту разбила носы двум рослым стриженным пацанам, хотя и ей тоже досталось. Они вмиг почувствовали, что явление русоволосой, стремительной и улыбчивой пацанки может стать прямой угрозой их безусловному лидерству в этом старинном, затененном тополями дворе.

В тот день Ленка вышла во двор, заспешила с ведром к мусорным бакам... Путь ее проходил в аккурат мимо лавочки, где в мирной летней тени лениво припухали три паренька и Валька Кукушкина с Надей Гадалкиной – в дворовом лексиконе их давно переименовали в Несушкину и Давалкину.

Несушкина, кою природа к шестнадцати годам щедро одарила безразмерной грудью, густыми рыжими волосами и простоватым, усыпанным веснушками лицом, колыхнула под майкой могучими прелестями, брезгливо сморщила покрытый тройным слоем тон-крема купеческий носик-пуговку и произнесла:

– Плоскодонка... И корма – хоть доски стругай... – Она отвернулась, всем своим видом показывая свое отношение к этой ошибке природы: «ни сиськи, ни письки, и попка – с кулачок».

Но ребята, похоже, так не считали. Худенькая, длинноногая, стремительная девчонка словно летела над землей, чисто промытые льняные волосы струились в теплом ветерке, и ребята на нее просто загляделись. Да и новизна:

Несушкина и Давалкина стали давно вроде как дежурно-безотказным вариантом, и «новье» было воспринято как надо. Надька Давалкина первой заметила этот взгляд, покраснела от злой досады: как раз вчера она сумела-таки заарканить Мишку Бодухина, по кличке

Бодун, и претендовала в отличие от многомерной товарки на «постоянку»... Появление этой новенькой могло поломать все так славно лежащие расклады.

– Вот это ножки... – восхищенно процедил Витька Корзун, когда Лена приподнялась на носочки и чуть наклонилась, вытряхивая ведро, Надькина досада разом превратилась в глухую, тяжелую ненависть. Ее собственные ноги были попросту кривыми; в занятиях сексом такой недостаток был несущественным, но позволить себе надеть такую вот юбочку она не могла, а потому парилась в джинсах.

– Чего за девка? – повернул стриженую шишковатую голову Бодун.

– Детдомовская. Бабка Вера, Николаева, ее привезла откуда-то.

– Ни-колаева, ни-двораева... Родственница, что ли?

– А хрен ее знает...

Лена возвращалась, Бодун коротко свистнул, та даже ухом не повела.

– Эй, доска гладильная, далеко припустила? – звонко крикнула Несушкина. – Подойди, поздоровайся с людьми... Или вас, выблядков детдомовских, манерам не учили?

Девчонка повернула потемневшее от обиды лицо, на глазах заблестели слезы, она хотела ответить что-то резкое, но поняла, что не получится, что расплатится просто-напросто перед этой раскормленной клушей, закусила губу и пошла прочь.

– Да не торопись, киска, жужжи сюда мухой, чего сладкого дадим! – хрипло выкрикнул Корзун, по кличке Муха, был он мальчишкой на посылках, бегал за водочкой и сигаретами для Бодуна и приговаривал постоянно: «Мухой слетаю». За что и стал Мухой.

Лена замерла, развернулась, выдохнула резко:

– Соси сам, недомерок... – и пошла дальше, легкая, стремительная, будто недоступная ни их пониманию, ни их похоти.

Компания на миг оцепенела от такой наглости. Муха вопросительно глянул на Бодухина:

– Бодун, за такую борзоту пусть ответит.

Тот безотрывно смотрел на стройные загорелые ноги, лакомо причмокнул толстыми, как у негра, губами... Был он уже крученный жизнью парниша, только две недели, как перестали таскать по следователям: так же, вдвоем, трахнули они малолетку-скрипачку из соседнего двора. Он бы и сел, и потянул с пацанами групповуху, если бы нутро оказалось похлипше, а так: девка та вышла-таки без мамашки то ли в магазин, то ли еще куда, Корзун с Гнутым давно ее припасали, взяли в «коробочку»; Бодун спокойно подошел, вынул из сумки дешевую китайскую Барби, пузырек, вытащил притертую пробку и, не торопясь, вылил соляную кислоту кукле на голову. Девочка с ужасом смотрела, как плавятся волосы, как морщится и чернеет разрисованное личико, а тот произнес только, едва разлепляя толстые губы: «Если мамашка твоя заяву не заберет из ментовки, то... – Протянул девочке изуродованную куклу. – А это тебе. На долгую добрую память».

Дело было прекращено. Никакие заверения ментов в том, что и дочь, и ее саму защитят, не помогли: мамашка успела смотаться в дурдом, добыла какую-то справку и написала, что ее дочь больна и все ей просто привиделось. Сожженная кислотой кукла произвела на нее впечатление...

Так что раздумывал Бодун недолго: за эту детдомовскую и заявку подать некому, а еще – девку надо будет во всех позах на «Кодак» отщелкать да бабке Вере фотки с чистосердечным нашим почтением поднести, пока она эту сучку прописать не успела: на бабкину квартирку уже давно люди имели виды; сама бабка – сердечница, глядишь, и копыта откинет пошустрее. Наследников у нее нет, квартирка без всякого мошенства отойдет городу, а там чинуша уже давно поимела на лапу и ордерок выпишет Гуне Старшему... Ему, Мише Бодухину, как раз капнет штука «зелени»... Да и авторитет это дельце среди братанков подымет – дело не последнее.

Все эти мысли промелькнули в шишковатой и еще не вполне отошедшей от вчерашнего жрача Мишкиной голове разом, за секунду, но решили все не они: Бодун не отрывал глаз от упругой попки, едва прикрытой коротенькой юбкой... Волна желаний горячо прихлынула в пах, потом – в голову., .

Девки тоже искательно смотрели на жожака. Эта сиротская дура сама напросилась: как только ее пустят в подвале «на хор», станет она просто общей давалкой, рангом куда пониже их обеих, а то бросят ее пацаны вовсе «под колеса» – обслуживать водителей-дальнобойщиков да зарабатывать пацанам на пиво с водочкой...

– Твое слово, Гнутый, – спросил для проформы Бодухин долговязого сутулого парня, лениво жующего фильтр сигареты длинными и желтыми, как у лошади, зубами.

– А чего тут базлать зря... Править надо биксу, а то...

– Бодун, уходит! Должна ответить! – снова подвыл Муха.

– Ответит... – хрипло выдохнул жожак. – Давайте су-чонку в подвал, там и потолкуем...

– А ну артачиться начнет? – загоношился тот.

– По почкам – и под белы руки. Двое парней скорой рысью сорвались с лавки, предвкушая развлечение.

– Ты чего так завелся на эту? – ревниво протянула Надька, положив руку на взбухшую «мужскую гордость» кавалера. – Разве она сможет так, как я? – И облизала пухлый округлый рот.

– Не болтай, – разлепил Бодун губы-пельмени. – Идите с Несушкой пацанам пособи́те, а то меня обездвигило, блин. Ну да сердцу не прикажешь, – довольно гыгыкнул он, кинув взгляд на штаны. Сейчас, сейчас эту длинноногую сучонку затащат в подвальчик, распнут нагишом на матах, нужно только решить, как лучше попервоначалу, на спинку или на животик... Что и говорить, девка хороша, как нездешняя... Бодун звякнул ключами и, прихрамывая от образовавшегося неудобства, побрел отмыкать ржавый висячий замок подвала, еще два года назад приспособленный им для сходняков и увеселений...

Двое догнали Лену у подъезда, Муха перекрыл двери, Гнутый стал сзади.

– Не спеши, па-а-адруга, – протянул Муха. – Говорливая ты больно, а за база-ар ответить надо.

Гнутый, оказавшись чуть ниже стоявшей на ступеньках девочки, одной рукой приподнял ей юбку, ладонью другой провел по бедрам:

– А ножки гладенькие...

Наседкина с Давалкиной шли не спеша, предвкушая длинное и забавное представление.

Удар локтем был молниеносен, послышалось противное чавканье, Гнутый опрокинулся навзничь, на спину... Маленький, ростом ниже Али, Корзун даже не понял, что произошло, увидел только, как напарник кувыркнулся спиной в пыль, и дальше не видел уже ничего: удар растопыренной пятерней пришелся по глазам, резанула резкая боль, он зажмурился, и тут жуткая боль в паху перехватила до самого горла – девчонка просто двинула коленкой вперед и вверх, снизу, со ступеньки, врезав перегородившему дорогу парню точно и резко. Тот кулем завалился на бок и засучил ногами.

Алька резко обернулась, в руке ее тускло блеснуло тонкое бритвенное лезвие.

– Ну что, клипсы пудренные, кто первая хочет стать буратиной?

Девки замерли. Алка сделала шаг со ступеньки. Девки обе разом бросились прочь, Давалкина завершала тонко:

– Боду-у-ун! Она нас порежет!

Услышав испуганный визг, Бодун выскочил из подвальчика, разом оценил «картину битвы» и с неожиданной для такого увальня скоростью и проворством ринулся к девчонке.

Аля тоже разом поняла, что против этого мамонта она – как мотылек против танка.

Глаза у парня были жесткие, туповато-свинячьи... Девочка знала такой взгляд. Он будет ее бить тяжелыми тупорылыми полувоенными ботинками на шнуровке, пока не изломает. Совсем.

Девочка метнулась по лестнице вверх, перепрыгивая через три ступеньки, нажимая на все звонки. Они звучали в пустых квартирах гулко и обреченно. Все, ей теперь никто не поможет! Сзади уже слышался грохот подкованных металлических набойками «гадов». Он отставал всего на этаж... На пролет... На полпролета...

Выскочила на площадку последнего, четвертого этажа, с маху влетела в тяжелую железную дверь, мертво уцепилась за ручку и нажала звонок.

– Вот так, сука! – Бодун настиг, одним движением намотал волосы на руку. Она зажмурилась, ожидая удара.

И – дверь открылась. На пороге появилась молодая женщина в длинном халате, очень красивая, спокойная, плавная.

– Что происходит, Бодухин? – спросила она, приподняв тонкие брови.

Парень молчал. Глаза его, мутные, блеклые, казалось, не видели ничего. Аля испугалась, что сейчас он ударит и эту женщину, ударит страшно, на излом. Но...

Глаза его чуть изменились, словно сработал переключатель, стали вдруг не то чтобы испуганными, но какими-то заискивающими.

– Да вот, с подружкой разбираюсь.

Волосы девочки он отпустил, но схватил за шиворот платья так, что оно едва не треснуло, и выпускать не собирался.

– Странная у тебя любовь... – насмешливо произнесла женщина.

– А чего она... – гыгыкнул Миша. – Ладно, мы пойдем.

Ждать Аля не стала. Ребром сандалика быстро ударила парня по голени, хватка ослабла, она рванулась, платье треснуло; кусок остался в руке увальня, а девчонка нырнула под руку женщины, в проем растворенной двери.

– Ах ты...

Парень озверел от боли, метнулся следом, но женщина перегородила собой проход:

– А тебе, Бодухин, туда нельзя. У меня ребенок маленький...

– Да она!...

– Нельзя. Карантин. Ты понял? – Женщина произнесла еще раз отдельно, по складам:

– Ка-ран-тин. Лицо Бодуна побелело, рот ощерился.

– Ну ладно, Сергеева... Когда-нибудь ответишь. Не все твоему крутому резвиться... Как-нибудь и мы порезвимся...

– Что? – жестко и коротко спросила женщина, снова чуть приподняв тонкие брови. – Что передать Евгению Владимировичу?

– Ничего. Это я так. – Парень развернулся и загрохотал ботинками вниз по лестнице. Дверь закрылась.

– Чего, Настька обломала? – встретил его внизу Гнутый.

Огромный сбитый кулак со стремительностью пущенного из катапульты булыжника раздробил Гнутому лицо; тот влетел спиной в стену, сполз на пол и затих.

– Пасть разевать он будет... – в сердцах произнес Бодун. Крикнул:

– Муха!

Корзун, старавшийся слиться со стенкой, дабы самому не попасть под горячую руку, объявился мигом и застыл в выжидающем и смиренном молчании.

– Смтайся за водярой, принеси пару пузырей. Пошел!

– Я мигом! – отозвался парниша и, чуть согнувшись, потрусил к магазину. Перечить Бодуну, когда его обломали, нельзя. Он и так-то бешеный, а сейчас... Хорошо полтинник в заначке есть, на пару пузырей хватит. И на закусь останется.

Бодухин вышел из подъезда. Обе девки сидели на лавочке тише воды, ниже травы.

– В подвал обе, живо! – велел парень.

Сейчас он оттянется с этими, а русоволосая... Ее он еще достанет. Ох как достанет! Обоих, эту кралю рыжую тоже! Карантин у нее! Он ей покажет карантин!

Дайте срок!

Бодун глубоко вдохнул чуть спертый, пахнувший мокрой кожей воздух подвала.

Щелкнул выключателем, зажглась тусклая лампочка, освещая шведскую стенку, два истертых мата, дощатый стол, промятый до пружин диван. Прикрыл за собой дверь.

Девки глядели на него приниженно и преданно.

– Ну что стали?! На колени обе! И – ползком ко мне! – велел Бодун, уселся в продавленное кресло, прикрыл глаза, ожидая, когда ловкие девичьи руки расстегнут брюки и освободят ставшую горячей и упругой плоть...

...А Глебова проскочила комнату стремглав, ничего не видя перед собой.

Остановилась лишь в самой дальней, в детской, словно вдруг налетела на невидимую стену, вдохнув запах молока и еще чего-то, что называется уютом и домом, что, она помнила, у нее тоже было когда-то... Ноги разом ослабли, девочка села на пушистый коврик, сжалась в комочек, закусив руку, чтобы рыданиями не потревожить спящего в кроватке малыша...

Настя Сергеева подошла и села рядом. Погладила девочку по голове, та разревелась пуще. Настя только вздохнула. Она была далека от философических обобщений о жестокости мира, просто дала девчонке выплакаться, гладила по худеньким плечам и приговаривала тихо: «Ничего, ничего, все пройдет...» А Аля повторяла и проторяла, поскуливая: «Все равно, все равно я никому не нужна... Никому в целом свете...»

Потом Настя поила ее чаем с малиновым вареньем...

Глава 4

Лена открыла глаза, посмотрела вокруг. Настя сидела в кресле и читала журнал.

Подняла голову, уловив движение:

– С добрым утром, дорогуша. Ты ушла в сон, а будить я тебя не стала.

– Никто не звонил?

– Не-а. Я телефон выключила.

– И в дверь тоже не звонили?

– И в дверь тоже.

Лена села на диванчике, мотнула головой. Внезапно лицо ее потемнело, словно она вспомнила что-то очень неприятное, плечи опустились, губы сложились в скорбную гримаску... Настя подумала: какая же Алька все-таки еще пацанка, но вслух произнесла:

– Не киснуть! А ну под душ!

– Под душ?

– Живо!

Настя быстро схватила подругу за руки, сдернула с кровати, подтолкнула в сторону ванной. Девушка включила воду, сжалась в комочек: горячую по эту пору всегда выключали. Потом привыкла, подставила лицо под струи...

– Будет! – скомандовала Сергеева, появляясь с жестким вафельным полотенцем. – А то ангину заработаешь! Вытираться, быстро! И приоденься, это тебе не подиум – нагишом шастать.

– А там никто так и не шастает.

– Тем лучше.

Когда Лена появилась в толстом махровом халате, в комнате стоял густой аромат только что сваренного кофе. Две чашки дымились на маленьком столике.

– Роскошно... – Лена глотнула, обожглась, стала пить медленнее.

Настя прихлебывала свой, внимательно наблюдая за девушкой. Терпеливо ждала, пока та прикончит чашку, сходила на кухню, долила из джезвы до краев. Лена взяла сигарету, закурила.

– Что случилось, Аленка? – спросила Настя. Взгляд девушки снова потух, выражение лица стало жалобным, но губ она не разомкнула, продолжая молчать.

– Глебова, ты же знаешь, я не отвяжусь, я настырная! С моей лучшей подругой происходит черт-те что, она пьет как последний извозчик, и ты думаешь, я стану такт проявлять? Алька, что случилось?

– Самое плохое.

– Да?

– Сашка меня предал.

Настя постаралась сделать лицо безразличным, посмотрела в окно:

– Что, к какой-то еще девчонке в койку залез? Или в свою затащил? Нашла из-за чего переживать! У мужиков это бывает куда чаще, чем мы можем даже себе представить. – Помолчала, добавила:

– Да и с нами такой грех нет-нет да и случается. Если бы лишь это... Тогда что?

Он меня выставил, – хрипло произнесла Лена. В смысле – решил расстаться и сделал это... таким «джентльменским» образом? Вот коз-зел!

– Да нет... Я пришла к нему... Я пришла к нему отсидеться, сказала, меня преследуют...

– Преследуют?!

– Да. А он... Побледнел сначала. Потом взялся меня ободрять... А потом – убеждать, что все мне привиделось... Сказал, что нужно обратиться к психиатру...

И смотрел так, словно я сумасшедшая. Дура! Зачем я рассказывала ему о психбольнице и вообще все?! Просто... Просто мне казалось, что ему можно рассказать все, понимаешь, Настька, мне казалось, что я могу рассказать все кому-то, кроме тебя... Мне хотелось, чтобы был мужчина, который... Ты же понимаешь!..

– Ага.

– Ну вот. А потом... Потом приехала та машина, я ее в окно разглядела... Он снова стал белый как полотно... Да и я не ожидала, что они найдут... Наверное, у кого-то из девочек узнали... Подошли, звонили в дверь, но света мы не зажигали, сидели тихо, как мыши... А дверь у него металлическая...

– погоди, Алька! Кто тебя преследует?! И когда это было?! Начни сначала!

– Сначала?.. – повторила девушка вопрос, кажется не вполне понимая его смысл. – Сначала... Вчера вечером...

– Ты же работала на показе, в «Юбилейном»... откуда все остальное-то взялось?!

– Дверь они ломать, конечно, не стали, да и не смогли бы... – Алена произносила фразы медленно, и Настя сообразила, что подруга ее вопроса даже не услышала, ей нужно было выговориться. – Вечер был уже поздний, любой из соседей, затаив скандал, милицию мог бы вызвать, а я так поняла, никаких скандалов с милицией им не нужно...

– Кому – им? – попыталась все же Настя уточнить.

– ...поэтому они стали звонить. По телефону. Знаешь, это жутко, когда пять звонков, десять, двадцать, сорок... Телефон мы сразу не выключили, а потом Саша сказал, что делать этого нельзя: вдруг кто-то стоит за дверью и слушает звонки... И если они поймут, что мы дома, то... А так – у них не будет уверенности... А потом телефон звонить перестал. И гудеть перестал: видно, они провод выдернули, чтобы, если мы все же дома, никуда сами прозвониться не смогли, в милицию или там еще куда...

Лена потянулась за сигаретой, прищурившись, вынула из коробки спичку, по чирку попала только с третьего раза, сосредоточившись, откинулась обессиленно на подушку кресла. Выдохнула дым.

– А потом он меня выгнал. Выставил. С ним началось что-то вроде истерики... Он стал говорить, что мои разборки его не касаются, и нечего к нему на хвосте водить бандитов, и что я сама во что-то влезла, но свои проблемы каждый должен решать сам... Я пыталась ему объяснить, что сама не понимаю, что происходит, но он... Я даже не рассказывала ему, как все страшно было на самом деле, пожалела... Настька, я ему совершенно не нужна, понимаешь, совершенно... Так, кукла для постели... Но... Но ведь он был такой хороший, он такие слова говорил... Раньше... И еще... Насть, что, мужики все такие трусы? Ведь твой Женька совсем не трус, хотя с виду вовсе не герой...

– Лен, я тебе говорила, эти спортсмены – все самовлюбленные кретины. Но ты разве слушать что-то хотела? Чуть с тобой не поругались тогда насовсем! Я и замолкла тогда, чего усугублять, а подумала себе: жизнь сама покажет, who is who...

– Он меня выставил. Ночью. Так разнюнился, что... Все выглядывал из-за тюлевой занавески: машина стояла... Он даже допытываться не стал, в чем дело, да я сама и до сих пор не знаю, но он даже не попытался узнать... Испугался, что я скажу что-то, стал меня убеждать, что мне лучше уйти... Что и сам он тоже смоеется к приятелю, живущему в том же доме... Ха... Думаю, он с перепугу вообще рванул куда-нибудь за тридевять земель! А меня выставил в пустой черный подъезд и закрыл за мной свою массивную дверь. У него там три замка и засов, все сварное, танком не проедешь... А я присела на корточки у мусоропровода и плакала...

Знаешь, было желание выйти и сдаться... Если бы они должны были меня просто убить, я бы так и сделала... Выстрел – и тебя нет. А зачем жить, если ты никому не нужна?.. Настька, ты понимаешь, он меня предал! Я... Я бы никогда его не предала, честно, а он...

– Не горюй, Глебова. Просто ты приняла этого Сашеньку за другого.

– За какого другого?

– Когда встретишь – поймешь.

– Встретишь... Насть, жить, когда никому не нужна, незачем... Вовсе... Ну скажи, ну почему так?! Была баба Вера, добрая была, хорошая, и умерла... Еще я бабу Маню любила, еще давно, до детдома... Она тоже умерла... Насть... Почему добрые умирают, а злые живут?! И бьют друг друга, и стреляют, а не переводятся...

Знаешь, я из детства своего помню какие-то картинки: дом деревенский, и квартиру помню, и маму с папой помню, вот только не лица, а руки... А лица не помню...

Словно огонь их заслоняет... Почему, Насть?.. Я же в дом ребенка когда попала, мне десять лет было... Сначала я и не говорила ничего, молчала. Невропатологи разные меня смотрели, это еще когда баба Маня была жива, она все заботилась да и по врачам меня таскала... А потом, как умерла она, меня никто никуда не водил...

Росла себе, как трава... «Сахарная тростиночка, кто тебя в бездну толкнет...»

Ты знаешь, эту песню я тоже помню из самого раннего детства, из которого не помню почти ничего... Песни какие-то помню, голоса, стихи... Считалочку вот помню: «Ехала машина темным лесом за каким-то интересом...» Знать бы еще, за каким?..

Девушка уронила истлевшую до фильтра сигарету в пепельницу, замолчала.

Отхлебнула черной, уже остывшей жидкости:

– Бр-р-р... Гадость какая.

– Кофе надо пить или горячим, или холодным. А вино детям – вредно.

– Да ладно тебе... Понимаешь, такое чувство после всего, что улитка скользкая в горле застряла... А спиртное ее смывает... А вообще... От такой жизни... Мне кажется, мне не восемнадцать скоро, а восемьдесят...

– Так кто за тобой гонится? И почему? И как ты от них смылась?

– Смылась просто: дом, в котором Сашка живет, имеет такие балкончики на лестницах, там ведь лифт, по лестницам люди только ночами ходят, когда лифт отключен... И еще балкончики по торцам в коридорах... Спустилась я тихонько, как мышка, на третий этаж – на второй побоялась, вдруг они там стоят, окошко открыла, спрыгнула...

– С третьего этажа?

– А там крыша магазина... Потом на землю... Потом рванула, пробежала с квартал.

Машину боялась ловить сначала... Ну не пешком же идти... На каком-то «жигуленке» сюда доехала, вернее, не доехала, остановить попросила метрах в ста, на Житомирской, домой прошла дворами, закрылась... открыла бар и... Да и не придет им в голову меня дома искать: решат, что таких дур уже нет. Вот, одна осталась, перед тобой сидит.

– Алька, ты можешь сосредоточиться хоть на минуту?! Кто – они? И что им от тебя нужно?! Если бы я была медичкой, но тут же бы набрала 02 и отправила тебя, дурку: делириум трерум.

– Чего?

– Белая горячка. На почве систематического отравления алкоголем молодого неокрепшего органа. Кстати, ты давно пьешь?

– Вчера весь день, ночью, когда просыпалась...

– Ну ты даешь! Ни один козел не стоит того, чтобы так убиваться.

– Да я не из-за... Просто плохо, когда тебя предают. Совсем плохо.

– Кто бы спорил. Знаешь, Алька... Я в журнале каком-то читала. Эксперимент такой проводили то ли с мышами, то ли с крысами... Клетку, где эти крысы сидели, делили на две части. Под полом одной части проводили электрический ток, там же оставляли еду. Крыса пошла кушать, а тут ток. Ну, не убийный, но неприятный достаточно. Сначала животные визжали, а потом привыкли. Тащили еду на «хорошую» половину и там отдыхали. А ученые взяли и поменяли условия. После первой, совершенно такой же безобидной дозы тока на «хоро-

шей» половине крысы орали благим матом на своем крысящем языке, словно их режут! Две сразу откинули лапы, остальные были в нешуточном возбуждении несколько дней: метались, жрать отказывались. Когда тех, дохлых, вскрыли, оказалось, что они скончались от инфаркта! Померли не от тока, а от стресса, ты поняла?! От возмущения, что та территория, которую они считали безопасной и защищенной, их «ударила»! Вот и у тебя получилось то же самое... Ну и конечно... Просто ты долго одна росла, ни любви, ни ласки особой, вот и запала на первого попавшегося, который тебе принцем сказочным показался... Ладно, стресс для тебя не смертельный, а впредь умнее будешь.

– Насть... Но ведь люди – не крысы...

– Не-а. Многие – куда хуже, – Хуже... Да и... Знаешь, как не хочется порой быть умнее?

– Знаю. Уж поверь мне, знаю. Я пока Женьку своего нашла, всякого нахлебалась.

Все по той же бабьей дури. А он пусть и не идеал, и наорать сгоряча может, и собак спустить – я не обижаюсь. На самом деле он добрый и очень сильный. По характеру. За ним – как за железным занавесом. В хорошем смысле этого слова. Вот у меня подружка есть, еще со школы. Галька Высоцкая, гуляет от мужа как заведенная. «Почему?» – спрашиваю. А она отвечает: «Скучно». А я вот тебе скажу: просто не любит она своего Андрея, да и мужа держит за мешок с деньгами и за ширму одновременно. Со школы такая была: чтобы все внешне было тип-топ, а за «ширмочкой» этой – твори что хочешь! А он ее любит. Такие дела. Сергеева закурила, выдохнула.

– Ладно, что-то я тебя завоспитывала, как старая свекровь «любимую» невестку!

Глебова, а ты чего по телефону не отвечала?! Я же тебе названивала незнамо сколько! Отозвалась бы, а то пропала девка, и все тут.

– Да я только сегодня догадалась на автоответчик переключить и на громкую связь.

– Слушай, а виски и мускат ты так в одиночку и приговорила?

– Ну.

– Сильна.

– Да я и сама не пойму... Пила, думала: должна от такой дозы давно срубиться, а... Потом даже не засыпала, а словно в яму проваливалась.

– погоди, Глебова. Давай разберемся. Так кто же тебя все-таки преследует?

– Не зна-ю! – раздельно, по складам произнесла девушка. – Наверное, бандиты.

– А почему?

– Им нужна моя сумка.

– Сумка? Какая сумка?

– Ну, рюкзачок, помнишь?

– Помню. А зачем?

– Не знаю.

– Так отдала бы! У тебя что там, акций «Газпрома» на сто миллиардов?

– Я не знаю, что в этой сумке и где она вообще, ты понимаешь?! Не знаю!

– Прекрати орать.

– Да не ору я. Просто нервы.

– Понятно.

– Сумка пропала.

– Когда?

– Да в «Юбилейном», во время показа. Там же тусовка какая, ты подумай! Только из нашего агентства тридцать человек девчонок, а всего, наверное, под сотню. Если не больше. Два каких-то детских театра, жонглеры с клоунами, какие-то администраторы бешеные, менеджеры из разных агентств, охрана, продюсеры, да еще и хрен знает кто, кого только не было; Меня девчонки предупреждали: не отходи от кучи, кто-то должен за вещами смотреть, а там разве уследишь? Сумочки пропадают, туфли, платья, сотовые телефоны. На таких мероприя-

тиях всегда столько воришек орудует, да и девчонки, наверное, есть, которые крадут. Вот кто-то сумочку и умыкнул, пока я на подиуме была занята.

– В этой сумке точно ничего не было такого?

– Да точно.

– Так. Рассказывай дальше. Как все было.

– А как? Просто. Пришла я с показа, посмотрела, у меня до следующего выхода, в другой коллекции, еще час, пойду, думаю, в буфет кофейку выпью. Стала сумку смотреть – нету! Побежала в буфет, Наташку Сегейкову там встретила, так и так, говорю, сумка пропала. А она пожалала только плечами: девки вообще на взводе, у кого туфли умыкнули, у кого – просто деньги. Наша Оксанка к администрации: дескать, так, мол, и так, бригада воров работает, а те только: смотреть, барышни, за вещами надо! Как будто тут усмотришь! Короче, ко всей свистопляске добавились еще какие-то мужички, видно, из того агентства, что взялось этот performance охранять, да еще другие, то ли из милиции, то ли хрен знает откуда!

Впрочем, сначала я не особо переживала, думала еще, найдется сумка, просто взял кто-то из девчонок зачем-нибудь – помадой там попользоваться или... Да мало ли!

Ну, попила кофе, пошла еще один показ отработала, думаю, класс – отдыхать.

Никакой мой рюкзачок так и не нашелся, хотя больше у девчонок из нашей группы ничего и не пропало; конечно, сначала было жалко, все-таки двести баксов стоит, ну да ты меня знаешь – если обо всем жалеть, жалелки не хватит! Решила: нищей я от этой потери не стала, да и вообще добро – дело наживное. Будут деньги – еще куплю. Куда больше было жалко мишку. Помнишь, такой маленький, плюшевый, он еще заводился ключиком, на спине, сзади...

– Ну да. Он у тебя в шкафу всегда стоял. – Вот его больше всего и жалко. Я, дура, мишку с собой как талисман взяла: это же первый мой большой показ. И вот что вышло. Даже не знаю как жалко! Ведь это у меня единственное, что осталось от детства. Которого я не помню. Совсем.

– Не грусти, Алька. Может, когда-нибудь...

– Ага, не грусти... Я сама так раньше думала: ну должна же когда-нибудь я все вспомнить! Фигушки!

– Ничего. Как только исполнится восемнадцать, возьмем у моего Женьки денег и махнем к какому-нибудь светиле-профессору.

– В Москву?

– Да куда надо, туда и махнем! В Москву, в Рим, в Копенгаген! Должен же быть человек, который разберется, что у тебя произошло в детстве! И ты все вспомнишь!

Может, и родители тебя ждут не дождутся...

– Настя... не надо... пожалуйста... – Девушка закрыла лицо руками. – Я же уже не ребенок маленький, чтобы ты меня кормила сказками про родителей.

– Извини. Да я и не кормлю. Все же-а вдруг?

– Были бы... Короче, если они живы, давно нашли бы. А если не нашли, значит, не нужна я им. И Саше не нужна. Ни-ко-му.

– А ну, прекрати хныкать! Мне нужна, поняла! И Женьке моему! И Олежеку маленькому больше всех нужна, ты же от его кровати не отходила, он тебя чуть не второй мамой считает, а уж сестрой – подавно! И бабе Вере была нужна, и бабе Мане! Ну же, Ленка, прекрати!

Девушка смахнула слезы:

– Извини, Насть... Это я так. Больше не буду.

– Будешь, еще так будешь! Но давай как-нибудь потом похнычем, на пару, ладно?

– Ладно.

– Так что такое там все-таки произошло?

– В «Юбилейном»?

– Ну да.

- Произошло. – Аля наморщила лоб, вздохнула, повторила тихо:
- Еще как произошло.

Глава 5

– Отошла я от девчонок, показ закончился, еще в буфете кофе чашку выпила, поболтала. А уже вечер, домой пора... Тут подходит парниша, вежливый такой, прикинутый по фирме, дорого, но видно сразу: слуга. Вообще-то красивый парниша, только... Красивый как зверь, как животное... И еще – от него словно опасность какая-то непонятная исходит, словно... Ну ты понимаешь...

– Ага. Навидалась.

– Вот и я навидалась. Но многие девки как раз от таких и тащатся больше всего.

Ладно. Короче, подходит и вежливо так сообщает: со мною поговорить хотят.

Знаешь, подиум место такое: кто только не крутится, одни – дела делают, другие – девчонок в подружки зовут; у «новых» классная подруга – такой же атрибут, как галстук или представительская машина, никак иначе нельзя, престиж. Ну я и подумала: какой-нибудь пан ясно-вельможный решил в «куклы» пригласить. Почти у всех девчонок кто-то такой имеется. И тут тоже искусство: не хочешь – не соглашайся, но откажи так, чтобы человек не обиделся. Проще всего сказать:

«Занято». Тогда и вопросов не возникает. Не всегда, конечно, но как правило.

Если не жлоб полный или не лох из породы «задниц»: эти ни фига не понимают, ну да их не так много. Хотя и не так мало.

– Задниц?

– Ну да. Есть такая порода. Это чьи-нибудь дети или родственники. Зятя, к примеру. Их на какое место посадили, на том они и сидят. И не рыпаются. Те, которым местечко скверное досталось, – то есть когда-то, когда папашка сажал, очень клевое было местечко, ученым секретарем или просто умником-кандидатом в институте каком-нибудь научно-завернутом. И делать ни фига не нужно, и съезды-выезды, и булка с хорошим куском масла, а то и с икрой сверху. Но времена изменились, и остались эти задницы не при делах и злы на всех, особенно на родителей, которые их не на то место усадили. И делать ничего органически не способны, а жаба ест: их ровесники кем-то стали, а он все сидит ученик да на папашкином «жигуленке» семьдесят второго года выпуска на дачку с грехом пополам ездит...

– Чего у него там пополам?

– Не вяжись к словам.

– Ленка, тебе сколько лет? – удивленно приподняла брови Настя.

– Восемнадцать скоро, а то не знаешь.

– Вот я и думаю...

– Да нет, не сама я такая разумница, я же в агентстве третий год кручусь, а девки разные, чего только не наслушаешься. Та с этим живет, та-с тем...

Интересно же.

– Погоди, но научные работники – это оч-чень давно.

– Ну. Лет десять назад. А то и двенадцать. Но у нас и ветераны есть: одной двадцать восемь, а она дефилирует – упасть не встать!

– Алька!

– Чего?

– ЕСЛИ бы не выкармливала тебя с соски, как щас врезала бы!

– За что? – искренне удивилась Лена.

– Ве-те-ра-ны... – симитировала Настя.

– А... – Девушка покраснела, прыснула в ладони, подняла лицо. – Ну я же в другом смысле.

– Двадцать восемь – это, по-твоему, старушка?

- Нет, просто... Насть, ты чудо как хороша, я всегда хотела быть на тебя похожей.
- Ладно, не подлизывайся. Еще попомнишь. Если бы одни люди старели, а другие нет, это было бы очень обидно. А так...
- Насть, я правда не хотела...
- Ладно. Давай дальше.
- АО чем я говорила?
- Ну да. Память-то девичья. О «задницах».
- Нет, ты меня не сбивай...
- Подошел к тебе кто-то.
- Ага. Подошел. Вежливый, приятный, корректный. Правда, морда тупая, как у носорога. И глазки такие же, свинячьи.
- И много ты носорогов видела?
- Да ладно тебе. Это я чтоб понятнее было. Ну вот. Этот говорит: дескать, некий внимательный господин пообщаться желают. Думаю себе: пойду пообщаюсь, от меня не убудет. Лощеный самец провожает меня к люксу, – знаешь, эти костюмерные в «Юбилейном» еще с тех времен остались, там всякие народные артисты гримировались, а когда торжественные заседания проводились, разные крутые перцы водочку, надо полагать, кушали... а когда концерты – там . и Алла Пугачева, и мужчинка ее, «махонький Филиппок», короче, звезды одни прихорашиваются или отдыхают, – тут у меня, дуры, и сердечко забилося: думаю, вдруг сам Пьер Карден заметил, какая я умница, красавица, рукодельница...
- И писаешь чистым апельсиновым соком.
- Ананасовым. И решил включить в какую-то свой постоянную группу.
- Карден? А его каким ветром к нам занесло?
- Не шаришь ты в вопросах высокой моды, Сергеева.
- Да уж чем богаты...
- Там же в рамках фестиваля «Альт-мода» еще и конкурс молодых дизайнеров проводился; Кардена пригласили председателем жюри. У них там давно в тираж вышел, вот его к нам и таскают.
- Ушучила. «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...» – хмыкнула Настя.
- А чего ты от меня хочешь?! Что, скажешь, не так?! Да спроси любую девчонку из тех, что на кастингах тусуются. Каждая верит, что когда-то придет час, и ей скажет кто-нибудь – Карден, Валентине или хоть Стивен Спилберг: милая девушка, только вас у нас и не хватало!
- Угу, или: «Сударыня, не вы ли хрустальный башмачок обронили? Давайте-ка применим!...»
- Или так. Почему нет? Сказка, а в сказки хочешь верить! Ведь не зря же их столько! Без них, наверное, не выжить. Совсем. Знаешь, в детдоме про своих родителей целые истории сочиняют! И ждут, ждут... Даже если точно помнят и мать-пьяницу, и отца, умершего с перепоя, а все равно сочиняют и верят в это и с теми, кто не хочет играть в эту игру, дерутся насмерть! Потому что без сказки не выжить ни там, ни здесь!
- Не заводись, убедила.
- Еще бы! Короче, подводит меня этот служка к двери, приоткрывает галантно и в спину – толк! Вот, думаю, debil! И испугалась сразу: вдруг, думаю, какой-нибудь маньяк? Тем более никто особенно из знакомых и не видел, как он меня увел, да и увидели бы – кому какое дело! И времени уже одиннадцатый час... Не по себе мне стало, чего объяснять!
- А этот – дверь за мной закрыл, стал рядом с нею, как грум, ручки сложил и в какую-то ведомую ему точку на стене уставился: прямо монумент, только одеколоном зачем-то опрысканный. Огляделась: кресло, маленький столик, в кресле – мужик, грузный слегка, но здоро-

вый, а лица его особо и не разглядишь: свет был сзади, это он мое хорошо видел. Да и свет боковой, были включены только бра, верхний не горел.

В комнате люкса, кроме меня, этого мужчины и парня у меня за спиной, «монумента», никого не было. Но была дверь, ведущая в другую комнату или в ванную, я не знаю: в первый раз я была в таких апартаментах и, если честно, больше не хочу. Ну а дальше – вообще жуть какая-то началась...

«Как вас зовут, милая девушка?» – произнес этот, за столом. Голос у него был странный для такого крупного мужчины: вкрадчивый, ласковый, как у певца из тех, что романсы поют. Но и неприятный чем-то, чем, я сказать не могу, неприятный, и все. Сиплый, вот. «Что вам нужно?» – спросила я, уже поняв, что ни в какой Париж меня приглашать не собираются. Хотя спокойно так спросила. «Это вместо „здравствуйте“? Деловой подход». – «Нормальный», – отвечаю я, а самой все же страшно. Пацанка сопливая, дура безмозглая – поперлась на ночь глядя с Карденом почирикать! Запихнут, думаю, сейчас в мешок, потом в машину и – привет родителям. Тем более, что и родителей-то никаких нет.

– Воображение разыгралось.

– Ну разыгралось, а что? Знаешь, когда за спиной какой-то жлоб маячит, а перед тобой сидит мен с голосом кастрата или сифилитика и фигурой ожиревшего молотобойца... Заволнуешься тут.

«У нас проблема, – заговорил он снова. – Мы потеряли одну вещь. Она в вашем рюкзаке. Эта вещь нам нужна». – "У меня тоже проблема, – ответила я ему в тон.

– Рюкзачок мой потерялся. Вместе с вашей вещью. – Помолчала и добавила:

– Которая вам нужна".

Мужчина ничего сначала не ответил, опешил, что ли, от такой наглости? Только склонил голову по-птичьи набок и произнес высоким голосом, будто сорока: «Вот как?» – «Ага».

Настька, наверное, я дура! Не нужно было так отвечать! Даже не знаю, что меня завело: нет чтобы сказать просто: украли сумку какие-то козлы! Повыпендривалась!

Хотя понятно: уж очень противно, когда... Короче, когда настраиваешься на что-то хорошее...

– На Кардена, например...

– Например. А вместо этого тебя просто строят, как буратину какую: ты нам, кукла, не нужна, нам нужна твоя сумка, мы там вещички свои сложили. Выдай-ка нам их и вали отсюда, и радуйся, что отпустили, а не в печке спалили, как полено...

Вот и сорвалась. Короче, он мне не поверил.

– Не поверил?

– Угу. Не знаю, что там за ценность они уложили и зачем в мою сумку, а только...

Голос у него стал на полтона ниже, вообще превратился в шипение какое-то:

«Потерялся, значит? Вместе с нашей вещью?»

А я снова, как дура, нет чтобы честно покивать: украли, ребята, и знать не знаю, что за вещь ваша там, говорю: «Ага. И с моей». – «Что же у вас там было ценного?» – «Медвежонок». – «Медвежонок?» – «Ага. Плюшевый такой. Он еще головой качает, если ему чего не нравится». – "Плюшевый медвежонок качает головой... – задумчиво так произнес он снова своим шипящим голосом, потом снова:

– Плюшевый медвежонок качает головой..."

Думаю, дурдом какой-то, говорю, стараясь, чтобы вышло развязно; знаешь, я в раннем отрочестве в разные истории попадала и поняла одно: порой чем наглее, тем лучше.

«Ну я пойду, мальчики. Найдется сумочка, подошло, это без балды», – разворачиваюсь и... утыкаюсь в грудь этому мастодонту. Тот меня схватил, развернул, свел сзади локти так, что больно стало, а этот, в кресле, все повторяет, да еще голос мой пытаюсь имитировать, отчего его

собственный становится еще противнее: «Медвежонок... Плюшевый такой... Он еще головой качает...»

Вот тут мне стало по-настоящему страшно: ну, думаю, маньяки сумасшедшие! Может, нарочно сумку стибрили, нашли какой-нибудь платок носовой да дрочили на пару, а тут – хозяйку платочка захотелось. Нет, ты не думай, я же в дурке два месяца прокантовалась, помнишь, я тебе рассказывала... Отличить психа от имитатора на раз сумею. Так вот, этот, сипатый, точно псих! Натуральный! Ну а дальше вообще жуть была. Сидел он, сидел, потом позвал, будто собаку: «Дина!»

Вышла Дина из той самой маленькой дверцы, но не собака, а девчонка. Лет, наверное, как мне, по виду – модель, вся в черном... И волосы черные. А взгляд... Слушай, она наркоты, по глазам видать, такую запредельную дозу приняла, что ничего не соображала, абсолютно... И мурлыкала, мяукала, шеей крутила, как настоящая кошка...

«Киска ты моя черненькая... Сядь на своего котика...» – просипел этот.

Девка, мурлыча, подняла юбку-эластик до пояса, трусиков на ней не оказалось, села перед креслом на пол, растянула мужчине брюки, долго там мусолила...

Потом уселась ему на «палку» и давай раскачиваться и орать, как кошки на вязке орут... Потом слезла, снова села у кресла, лизать начала...

А я думаю: точно влетела. И этот, сзади, крепко держал, у меня синяки на запястьях, можешь посмотреть, и главное, невозмутимый как удав. Молчу – а что делать-то? Орать? Эта «киска» уж так орала, что мертвый бы расслышал! Но ведь это артистическая гримерная для самых-самых, здесь стены звукопоглощающим материалом уделаны, двери двойные, да еще и с прокладкой поролоновой – склеп.

Тоскливо так стало, что и сказать нельзя!.. И чего, думаю, я такая «везучая»?..

А этот, в кресле, вдруг говорит своей ширнутой подружке: «Ты теперь не киска, ты теперь мишка плюшевый... Мягкий такой мишка... Плюшевый... повтори...» – «Я мишка мягкий, плюшевый...» – покорно произнесла та. «Он еще головой качает туда-сюда, туда-сюда...» Мужчина взял ее крепко за волосы и давай ртом нанизывать... Затих, застонал, видно кончил, спросил меня тихо, еле слышно:

«Так твой мишка головой качал? И ты так хочешь?»

А я губы кусаю, чтобы не зареветь в голос!

И вдруг...

Одним движением он повернул ей голову как-то набок, послышался неприятный треск, девчонка засучила ногами по ковру и замерла... Он убил ее, ты понимаешь?! Убил!

Одним движением! Словно эта девочка и не человек была, а так, зверушка никому не нужная... Голова ее безжизненно упала на грудь, словно у куклы, а он взял за волосы, помотал из стороны в сторону: «Или так?!»

Я заорала, заметалась, парень этот, сзади, заткнул мне рот. Ноги подкосились, но он удержал, я не упала.

Сиплый наклонился вперед, его лицо попало в полоску света.

Ну и урод же он! Вернее, даже не знаю, как объяснить...

Глаза шальные, но не безумные, и взгляд такой, словно он в тебя раскаленный прут втыкает! И еще... Вроде все в лице нормально – если можно считать нормальным такого параноика, – но оно... Оно как бы сделано из двух разных лиц, из двух кусков! Когда-то, видно, это был уродливый шрам, но хирурги-пластики потрудились на совесть; может, ему вообще лицо изменили, но остался, шрам не шрам, какая-то красная полоса... Словно трещина на зеркале! И мне стало совсем жутко.

А Сиплый сказал: «Мишка плюшевый... Нам не нужны ни ты, ни мишка... Рюкзачок здесь?»

Не знаю почему, но я кивнула или моргнула, во всяком случае, он понял так, что я ответила утвердительно.

"Вот и умничка. Это тебе урок: не пожелай чужого добра. И не играйся со взрослыми дядями в вымогательство. А то шустрая сейчас молодежь вызрела, а, Шалам? – обратился он к мордороту, что стоял сзади. Не дожидаясь его ответа, спросил у меня:

– Так где рюкзак?"

Я уже боялась им сказать, что не знаю. Почему-то казалось, что, пока они считают, что сумку я где-то припрятала, меня не тронут. Там было что-то ценное для них, очень ценное...

«Я... Я не могу объяснить... Я в этом дворце всего во второй раз... Я показать могу...» – «Ну что ж... Значит, так: проводишь Шалама к рюкзачку, и вместе вернетесь. Ты там ничего не трогала?»

Наверное, я мотнула головой, но не помню даже, ничего точно я не помню, кроме его лица...

«И не вздумай привлекать к себе внимание: документы у него, – он кивнул на моего сопровождающего, – в полном порядке, если что, просто скрутим и увезем, как наркоманку... И смерть этой плюшевой киски тебе покажется скорой и легкой, как поцелуй, ты поняла?»

«Я поняла».

"Ну вот и умничка. А за эту кошечку не переживай особо: конченная была. столько марафета на себя изводила, что... Конченная. Хотя и заводная. А ты заводная, а? И не волнуйся, маленькая шлюшка: свою дозу ты получишь, ха-а-аро-шую дозу, я умею быть благодарным... Если ты будешь послушной... – Он снова засмеялся, на этот раз мелко, кашляюще, словно какой-то механический человечек. Приказал этому парню, Шаламу:

– Пойди осмотрись".

Он отпустил меня, отомкнул замок, вышел. Вернулся, распахнул приглашающе дверь, протянул руку, чтобы взять меня за запястье... Я стояла вроде ветоши, дышала впол-вздоха, а тут – сорвалась! Знаешь, как-то разом накатило: терять мне было нечего, и еще я поняла, что, как только он меня схватит, из этой железной лапы мне уже никогда не вырваться! И от них – тоже!

Но все это я даже не думала, просто врезала ему мыском в пах, резко разогнув ногу в колене, – в детдоме это у меня был коронный удар, если с пацанами дралась! Я попала. Не ожидая, пока он согнется и рухнет, пнула его в голень, и этот Шалам упал на бок, как столб, а глаза – абсолютно белые от боли. Сиплый, видно, опешил от такой борзой прыти, вряд ли даже из кресла успел встать, да я на это не смотрела – летела по коридору со всех ног. Через выходы, ни через главный, ни через служебный, я не побежала: Сиплый мог вполне расставить там своих людей и связаться с ними по «говорильнику». Это я рассказываю долго, я соображалка у меня на полном автомате работала, со скоростью пули!

Выбралась я через второй этаж, там, где кабинеты администрации, выбила ногой замок в одном, они там хлипкие, запирать-то нечего; вбежала, затаилась на секунду, посмотрела из окошка через жалюзи: никого. Всего ведь секунд сорок прошло, как я подорвала, может, «вратарей» этот Сиплый и оповестил, а вот оцепить здание не успел, или у него людей столько не было, но какие-то люди, наверное, все же были! Так что медлить – ну никак!

Пошарила взглядом по полкам, схватила какое-то полотенце парадное, рушник, из-под портрета Тараса Шевченко, обмотала кулак, одним ударом выставила стекло: оно там «цельноскроенное» было, под кондиционер, ни одной «открывашки», без звона было не обойтись. Кое-как выдрала осколки и выпрыгнула во двор «Юбилейного».

На звон кто-то уже бежал. Я юркнула под машину, под ближнюю. Несколько пар ног протопали мимо. Вся территория двора была огорожена забором железным типа фигурного такого частокола, но в плуще, не видать: лезет кто, не лезет... Они, видно, побежали к дальнему концу, а я выскочила и стремглав – к воротам. Выбегаю – у двери два охранника о чем-то

базарят, меня не видят, вернее, внимания не обращают. А я... Два раза выдохнула, промчалась по затененной территории, затаилась и дальше пошла как на подиуме: плавно, спокойно, хоть и чуть пружинисто. Ни дать ни взять подгулявшая девка домой идет не спеша... Если они и срисовали меня, то среагировали не сразу; а я, как только дошла до угла первого же дома, рванула так, что ветер в ушах засвистел! В прямом смысле! Хорошо еще, сообразила сразу после показа туфли снять и кроссовки надеть... Хм...

Кроссовки-то у меня обыкновенные, румынские, на них никто не позарился... А рюкзачок – сплыл... И с чем-то таким сплыл, за что шею сворачивают даже не по делу, а показательно!

Знаешь, сдуреть можно, сколько я пробежала! Это дворами-то и переходами!

Потом... Словно ступор какой наступил: почувствовала, что задыхаюсь, упала на землю, и меня вывернуло... Таких судорог у меня в жизни никогда не было! Лежала где-то на траве и корчилась, как червяк! Наверное, еще и рыдала, не помню...

Одно знаю точно: не орала. Горло словно обручем схватило, и никак этот обруч не сглотнуть... Наверное, сколько-то лежала в полном оцепенении... Потом... Потом оклемалась, выбралась на дорогу... Уже ночь была... Или вечер совсем поздний...

Шла по улице, какие-то машины притормаживали, приглашали, а я такая, видно, отможенная была, что они снова по газам – и уезжали: кому дура ненормальная нужна? Ты знаешь, я брела и все повторяла какую-то дурацкую детскую считалочку:

"Ехала машина темным лесом за каким-то интересом... Инте-инте-интерес, выходи на букву "С". Странно... У меня такое чувство, что это со мной уже было... В других обстоятельствах, в другое время, когда-то, но было... Или... Или я действительно ненормальная и схожу потихоньку с ума?..

Так я и добрела до Сашки, пешком. Побывала у него. А потом... Потом машина приехала. Наверное, ихняя. Часа в три ночи. Потом... Потом он меня выгнал.

Настька, а ведь я ему даже не говорила, что на самом деле произошло, сказала только, пьяные какие-то на машине привязались, а я им стекло выбила. В джипе. И все равно он меня выдал. Предал. Хуже всего, когда тебя предают...

Алена замолчала, перевела дыхание, закурила, спалив в одну затяжку полсигареты.

– Потом, когда домой пришла, напилась, как баобаб в тропический ливень. Залезла в ванну и там заснула. Как на кровать перебралась, не помню – автопилот. Потом снова прикладывалась, ночью.

Девушка опять замолчала.

– Может, тебе выпить налить? – тихо спросила Настя.

– Нет. Хватит; То просто я сдурела малость. От переживаний. Напьюсь – тут меня тепленькую и возьмут. Хватит. Я хочу жить, я это точно знаю. Это сначала плохо совсем было, из-за Сашки. Насть...

– Да?

– Ведь будет же у меня в жизни еще что-то хорошее? Ради чего стоит жить, правда?

– Обязательно. Иначе и быть не может.

– Вот и я верю.

Девушка помолчала, задумчиво поводила по полировке стола пальцем.

– А знаешь, что я себе думаю, Насть? Все было там жутко и страшно, но... Больше всего меня напугало... его лицо. Этого Сиплого. Словно... Словно я видела его уже, в каком-то давнем ночном кошмаре... Или в жизни?.. В той жизни? И еще – мне кажется, я знаю его имя: Карачун.

– Кто-кто?

– Что-то непонятное у меня в башке вертится... «Ехала машина темным лесом за каким-то интересом...» Карачун – это злой колдун, который хотел погубить девочку и плюшевого

мишку Потапа... Настя, если бы знать, что же все-таки случилось в той жизни! Я ведь в интернат попала, как глухонемая была: ничего не говорила, ничего не слышала... Потом только на имя стала отзываться. Живут же люди: и имя есть, и фамилия, и дом... И вместо того, чтобы быть счастливыми... Ладно, это все лирика.

Длинный звонок разорвал установившуюся на миг тишину.

– Я же выключила телефон, – вскинулась Настя.

– Это не телефон, – разом посеребрившими губами произнесла Аля. – Это дверной.

Спокойно встала, вынула пистолет из-под подушки, быстро оглядела, щелкнула предохранителем, взвела курок, произнесла тихо и абсолютно спокойно:

– Можно открывать.

– Можно открывать, – повторила Аля тем же лишенным всякого выражения голосом. И добавила:

– Но нужно ли?

– Алька, может быть... – Настя смотрела на подругу как-то по-новому: та подобралась и изменилась разом, словно превратившись из девочки, жалующейся старшей сестренке на детские обиды, во взрослую девушку, которую несчетно раз обижали на ее коротком веку и которая умеет давать сдачи.

– Не может. – Девушка свела губы резко и жестко. – Все просто: я застрелю любого, кто посмеет... Настя, это не люди. У них другие правила. Но пусть не думают, что я не смогу по ним сыграть. – Она подошла к двери, спросила резко:

– Кто?, – Аля была уверена: стрелять через дверь не будут. И еще металась мысль: почему они звонят? Конечно, эту дверь одним ударом не собьешь, дом сталинский, дверь и замки – тех же времен, а лишнего шума им не нужно, и все же...

– Елена Игоревна Глебова здесь живет? – спросили за дверью.

– Что надо?

– Пожалуйста, включите телефон. С вами хотят поговорить.

– И все?

– Все, – ответили из-за двери. Потом она услышала шаги человека, спускающегося по лестнице.

– И все, – повторила Аля обессиленно. Вернулась в комнату. Вставила штекер в розетку.

Звонок раздался незамедлительно. Она сняла трубку и услышала голос, от которого все ее тело от омерзения покрылось мурашками:

– Вы меня не забыли, девушка? Глебова Елена Игоревна?

– Нет, – ответила она коротко и услышала свой голос словно со стороны – грубый и резкий.

– Вот и славно... – сипло забулькало в трубке. – Оставим в стороне романтические перипетии нашего вынужденного знакомства, перейдем сразу к делу.

– Я слушаю вас, – быстро ответила Аля.

– Вы забрали чужое. Вы что, собираетесь бегать всю жизнь? Всю жизнь не пробегаешь, особенно такую молодую, как ваша...

– Я слушаю вас, – еще жестче повторила девушка и сама удивилась собственному самообладанию: что-то подсказывало ей, что вести себя следует именно так.

На том конце провода возникла пауза. Она продолжалась десять секунд, пятнадцать, но нарушать ее Аля не собиралась. Ей почему-то казалось, что скажи она, что у нее нет того, что они ищут, и она не доживет даже до сегодняшнего вечера. Вряд ли у этого Сиплого было желание расшифровывать свою персону в связи с тем, что находилось в ее рюкзаке, а он уже сделал это... Сейчас главное было выиграть время. И дозвониться Жене, Настиному мужу. Когда у тебя за спиной сила, подкреплённая стволами и деньгами, чувствуешь себя куда увереннее.

– Ну что ж... – проговорил Сиплый. – Значит, будем играть на деньги.

– Будем, – подтвердила Аля.

– Вы нам наврали вчера – мои люди обыскали весь дворец, но вашего рюкзака там не было.

– Да? – удивленно отреагировала девушка, и это удивление было вполне искренним.

И еще – у нее возникла полная уверенность, что разговор она строит правильно.

– Но вы должны отдавать себе отчет в том, что дом блокирован, телефон прослушивается, этаж блокирован также и покинуть свою квартиру вы не сможете. И это означает, что мы сможем встретиться с вами, даже если вы этого не захотите.

– Да? И что?

– В смысле?..

– Чего вы этим добьетесь? Того, что вы ищете, у меня здесь нет, и где это, я вам не скажу...

На мгновение Але самой стало смешно: «Доктор, у меня это...» Но только на мгновение... Что же это за вещь все-таки, если из-за нее убивают? Какой-то страшный государственный секрет? Но как тогда он попал в ее сумку? Ветром занесло? Вот ведь везет как утопленнику!

– Есть разные способы воздействия... – просипело на том конце провода. – И после некоторых из них никто не назовет вас не только очаровательной, но и девочкой даже. Вы превратитесь в старую покалеченную каргу... – Голос был монотонен и равнодушен, и у Али не было никаких сомнений, что это не пустые угрозы.

Девушка покраснела разом; страх, ужас помимо ее воли парализовал, спазм сковал горло; она прикрыла трубку ладонью, глазами указала Насте на стакан. Та поняла все мгновенно, моментально смоталась на кухню. Так же, прикрывая трубку ладонью, Аля сделала глоток, судорога отпустила.

– Чушь, – произнесла она веско и неожиданно даже для самой себя. – Чушь. Тогда вы не получите то, что вам нужно, никогда.

– Да?

– Именно. Я не знаю, где сейчас мой рюкзачок.

– Не знаете?

– Совсем.

– А что же случилось?

– Да ничего особенного...

Аля лихорадочно пыталась сообразить, что же ответить. Может быть, сказать правду? Сумку украл неизвестно кто... И тогда... Тогда весь этот кошмар прекратится разом...

Нет. Не прекратится. И если бы она тогда, в комнате, сказала это, ей просто бы свернули голову, как мороженому цыпленку... Думай, думай! Ведь он почему-то совершенно уверен был сразу, что она знает, что в сумке, и просто не хочет отдавать. Что-то ценное, но не деньги. И не документы. Что?! Драгоценности?

Или...

– Вы же сами понимаете, – произнесла она тихо, чуть дыша, осторожно, – я не сумею реализовать...

– Я рад, что вы это оценили...

– ...и не хочу, чтобы мне свернули шею...

– И это правильно...

– Но... – Аля сделала паузу, передохнула. Конечно, что еще могли запихнуть в ее сумку, кроме... Она вспомнила девочку Дину, ее шальные глаза, ее мяуканье...

Вспомнила сиплый голос: «За эту кошечку не переживай особо: конченная была, столько марафета на себя изводила, что... А ты заводная, а? И не волнуйся, маленькая шлюшка: свою дозу ты получишь, ха-а-арошную дозу...» Этот Сиплый, конечно, псих, и по нем плачет и спец-

больница, и плаха, но... Он сразу решил, что она наркоманка и именно поэтому не отдала то, что в сумке... Нар-ко-ти-ки.

Какая сволочь?! Какая сволочь подставила ее в такую гнусную бодягу?! Какая сволочь?! Ладно, потом. Надо выпутываться.

– Я вас внимательно слушаю... – почти вкрадчиво напомнил голос.

Аля облизала пересохшие разом губы. Сколько же «дури» могли запахнуть в ее рюкзачок? По самым скромным прикидкам – на пол-лимона баксов... Кто, зачем – это вопросы второстепенные. Нужно придумать, как выпутаться быстро... Ведь если этот Сиплый нагрелся на такую сумму, то он не только сам нагрелся, но и подставил кого-то... Наркотики – бизнес коллективный. А если так, то положение Сиплого немногим лучше ее собственного... Думай, девчонка, думай!

– Я отдала рюкзачок...

– Да? И кому же?

– Одному человеку. Он не станет интересоваться, что там.

– Зато мы сразу поинтересуемся: кто он, где живет, чем занимается...

– Это немолодой человек. И дорожит мной.

– Хм...

– Где он живет, я не знаю.

– Девочка, не вешай лапшу на уши взрослым!

– Я не вешаю. Я объясню. Сами понимаете, мне не нужен целый мешок «дури»...

– Пожалуйста, без комментариев. Давай назовем это... спички.

– Спички так спички. Мне не нужен мешок спичек. Совсем не нужен. Но мне нужны деньги на жизнь.

– Жить стоит хорошо.

– Стоит. Я подстраховалась. Короче, если этот человек не позвонит мне через определенное время, товар...

– Э-э-э...

– Ваши спички сгорят. Синим пламенем. Безвозвратно.

– Барышня, вы отдаете себе отчет...

– Отдаю, – оборвала его Аля. Снова наступила пауза.

– Хорошо. Сколько вы хотите?

– Сушью безделицу. Двадцать тысяч.

– Это хорошие деньги.

– Еще бы.

Трубка помолчала, потом сиплый голос произнес:

– Согласен. Это ваш фарт, за него нужно платить. Давайте обговорим условия. И не по телефону.

– Подождите. Вот что. Я хочу, чтобы вы поняли одно, дядечка...

– Да?

– Я действительно не знаю, где... спички. Вы можете полить меня кислотой и обколоть наркотиками, но сказать этого я вам не смогу. Потому что не знаю. Вы поняли? Это и есть моя страховка.

Трубка помолчала. Потом оттуда послышалось:

– Разумно.

– Я старалась.

– А вам не страшно, барышня?

– Страшно. Но хорошие деньги без риска не бывают. Без серьезного риска. Не так?

– М-да... Какая молодежь выросла... Я хочу спросить...

– Да?

- Девочка... Ты балуешься... со спичками?
- Разве по разговору не ясно, что нет?
- Значит, я ошибся. Старею.

«Да ты полный псих и кретин, по тебе дурдом давно слезами умылся, тебя, козла, вязать нужно к койке накрепко, а еще лучше – шею свернуть, чтобы уж насовсем...» – промелькнуло у Али, но вслух она произнесла:

– Старость – не радость, – и с удивлением подумала, что вышло у нее достаточно насмешливо.

– До старости еще дожить нужно, – жестко просипело в трубке. – Дожить. – Голос стал деловым и жестким. – Итак, как теперь выражаются, забиваем стрелку?

Не гнать! Думай, девочка, думай! Нужно выиграть время! Ну да, ду-май...

– Мне нужно подумать.

– Как долго?

– Пятнадцать – двадцать минут.

– Хорошо. Я перезвоню через пятнадцать.

– Через двадцать.

– Через двадцать. Да, барышня... Мне жаль, что я вас принял за... Действительно, жаль.

– Жалость – сестра любви, – неожиданно вырвалось у Али.

Трубка забулькала сиплым смехом, потом послышались гудки отбоя.

– Уф. – Аля перевела дыхание. – Налей еще воды. А лучше... лучше... Лучше пойдем в ванную...

– Зачем?

– Затем.

Девушка запустила душ, подхватила несколько капель на ладонь, плеснула себе в лицо.

– Ну как, Настя?

– Сильна!

– Что, правда?

– Я вообще удивлена сверх всякой меры... Знаешь, это гены.

– Гены?

– Ну да. Характер.

– Жизнь у меня была спартанская, вот и характер.

– Нет, Алька. Понимаешь... Ты на агрессию отвечаешь еще большей агрессией...

– Да ты что? На самом деле я чуть со страху не уписалась. Это звонил тот дегенерат, что девчонке шею свернул за просто так!

– Ладно. Вот выберемся из этой бодяги, и твоим прошлым я займусь сама, – резюмировала Настя.

– Вот именно. Если выберемся.

– В душ забрались – опасаясь прослушки?

– Ну да.

– А откуда ты...

– Да брось! Каждое второе кино про шпионов, а каждое первое – про бандитов. Тут и дура просечет.

– Так они же в квартире не были...

– Ну и что? Я как-то видела – направляют такой лучик на стекло...

– Алька... Мой Женька разбирается в аппаратуре – работа такая; то, о чем ты говоришь, – лазерный луч, считывающий колебания оконных стекол. Это очень дорогая аппаратура. Очень.

– А у этих бандитов денег, я думаю, немерено. Я догадалась, что было в рюкзаке.

– Вы что-то говорили о спичках...

– Ну. Это он так наркотики решил обозвать.

- Погоди-погоди... То есть он сразу предложил назвать одно другим?
- Ну. Мало ли кто подключится к линии...
- Слушай... А ведь это называется – залегендировать.
- Как?
- Кагэбист этот твой псих со шрамом. Они все, работавшие на контору, малость того: легендируют все, что нужно и не нужно. От греха. Школа.
- А ты-то это откуда знаешь?
- Да у Женьки моего на фирме отдел собственной безопасности из них и состоит. – Настя поморщила лоб. – А в ванную пошли правильно. Лазер они вряд ли уже приспособили, но все может быть. А скорее всего... Карташев, он у Жени работает, говорил как-то, что любой телефон, даже если в него никакие приамбасы не установлены, может работать как подслушивающее устройство: там ведь мембрана есть, нужно только подключиться через узел... А я – дура. Надо было сотовый из дому захватить. Только... Кто ж знал, что такая бодяга завернется...
- Ладно, Настя. У нас есть пятнадцать минут, нужно решить, что делать.
- Женьке звонить.
- Если у них такие деньги – а в сумку, по самым скромным прикидкам, героина влезет на пол-лимона, а если кокаин – так и вообще на лимон... Если у них такие деньги, то и возможности – о-го-го. Не дадут они нам прозвониться. И из квартиры выйти не дадут. Только... Только я одно поняла: этот Сиплый прокололся, крупно прокололся, и вряд ли кому-то из тех, кто над ним, это понравится...
- А может, он – главный.
- Может. Только если у него и нет шефа, то есть партнер или партнеры, которые такую ошибку могут не простить. Поэтому он будет действовать сам, через людей, которые подчиняются лично ему и больше никому. Значит, есть шанс.
- Какой?
- Прорваться. Здесь мы в капкане, Сиплый не соврал. Нам нужно убираться из этой квартиры.
- Выходить на оперативный простор?
- Ну да. Хотя бы до ближайшего телефона, а лучше – до конторы твоего мужа.
- Настяка, ты же умница, ну придумай что-нибудь! У меня уже бестолковка совсем не работает на отдачу!
- Голова, дорогая подруга, дана женщине для того, чтобы на ней причесон делать. А мы все время используем ее не по назначению.
- Жизнь такая.
- Ну тогда давай думать.

Глава 6

Ворон оклемался полностью только через день. К обеду. Он лежал на диванчике расслабленно, чувствуя на сомкнутых ресницах любое движение воздуха, словно заново переживая рожденные белым порошком грезы. Если бы... Если бы можно было не возвращаться в этот мир и жить там... Но там жить нельзя, там можно только подышать. Обманка. Этим хорошо оттянуться, но увлекаться нельзя: постепенно превратишься в скрюченного трясущегося доходягу, которого бросает в жар и холод при одной мысли о ширеве...

Колян приподнялся на диванчике, вдохнул всей грудью. Тело было еще в сонной истоме, и мысли шевелились лениво, но Ворон лишь хмыкнул: этой лени предаются только недоноски; ему, Ворону, нравилось жить, жить в этом мире, пусть он и жесток, и несправедлив... А потому... Он теперь уже резко вдохнул, выдохнул, встал с постели. Главное, ничего не откладывать. Решил – делай, и никак иначе!

Быстро оделся, спустился в кухню. Ксанки не было, и немудрено, третий час. Выпил подряд три стакана крепчайшего чифиря, перевел дух – хорошо. Вышел к станции, на электричке добрался до города. Теперь позвонить.

Набрал номер. Прослушал три длинных гудка, положил трубку, набрал снова. После трех гудков в мембране зазвучал приятный женский голос:

– Вы дозвонились по телефону... Оставьте свое сообщение после короткого сигнала...

– Николай Воронов хочет встретиться с Николаем Порфирьевичем, – произнес в трубку Ворон и нажал отбой.

Вышел в скверик, не торопясь выкурил сигарету, другую. Пятнадцать минут прошло.

Вернулся к автомату, снова покрутил диск, набирая на этот раз другой номер.

Трубку сняли.

– Да? – ответил приятный женский голос.

– Ворон, – произнес он.

– В восемнадцать десять ждите у памятника, – ответили ему.

– Дело срочное, – не удержался Колян.

– В восемнадцать десять.

В трубке зазвучали гудки отбоя.

Странно. Судя по всему, Автархан залег. А чего ему было залегать? Вроде спокойно все, все поделено, все работает. Деньги в общак идут, братва довольна, зоны греются... Ладно, не его это, Ворона, дело. Ему свое сделать, и хорошо. И ладно.

До шести время было. Ворон зашел в небольшой ресторан, заказал себе двести водки и полбутылки сухого красного: начинал томить легкий кумар, и перебить его алкоголем было самое время.

Глава 7

Мужчина со шрамом энергично растирал себе щеки ладонями.

– Вот стерва, а, Шалам! Хар-р-рошая стер-р-р-ва! Сколько ей лет?

– Восемнадцать скоро.

– С ума сойти – детки пошли! Все просчитала. Жаль такую соску просто в расход запустить, я бы с ней поигрался... в кошки-мышки. – Мужчина чиркнул спичкой, закурил:

– Перемотай-ка запись. Прослушаем.

Помощник щелкнул клавишей мини-диктофона.

Человек со шрамом сидел сосредоточенно. Какая неприятность! А ведь все катилось так хорошо! Или слишком хорошо?

Пробная партия наркоты прошла на ура. Очистка идеальная: две лаборатории НИИ с мощнейшей, поставленной еще в те годы аппаратурой справлялись с очисткой и переработкой даже значительной партии сырья в два-три дня. Поставка самого сырья – лучше и желать нельзя. Канал транспортировки отлажен. В городе «дурь» продавать не собирались: все поделено и расписано, и высунуться – никакого дохода, одни убытки по разборкам. Время пока не пришло.

Перспективы богатейшие. Черт! Сколько труда положено, чтобы какая-то глупая случайность...

Или не случайность! И его сейчас просто используют жертвенной фигурой в неведомой ему комбинации?

Черт!

Сначала он принес этих полудурков из службы безопасности. Шпионов они, козлы, ловят! Корень поступил правильно: забросил весь товар в случайную сумку, а то бы здешние служивые порадовались – ловили карася, а поймали шуку! Вот бы разошлась пресса: «Белая смерть идет из России». Козлы! Шпионов они ловят... А то, что героин, а в ближайшем будущем крэк будет производиться у них под носом... Трижды козлы!

Корень поступил правильно. И пасти товар было нельзя, это могло привлечь внимание. Кто мог знать, что у каких-то нелегалов на этой модной тусовке назначен контакт и местным спецам дана жестокая накрутка: контакт этот отловить и пойманных показательно высечь! Политика.

Вместо этого спецы повязали Коренева. М-да... Это случай. Просчитать его было невозможно. И кто бы мог подумать, что эта целка-пигалица, заглянув в свой рюкзачок, мгновенно оценит значимость находки, ее ценность, и теперь это грозит поставить всю комбинацию раком! Вернее, раком поставят именно его, Краса! Всегда кто-то должен стать крайним. Ошибка Лир не прощает. Это принцип.

И лишних людей задействовать нельзя. Пока там считают, что проходит штатный вариант с малым коэффициентом сложности... Нужно спешить.

Мужчина чувствовал себя прескверно. Ему казалось, что шрам налился кровью и теперь уродует его лицо. Шрам... Если бы можно было... Нет. В этой жизни никто ничего не может изменить. Каждый тащит свой воз. И всем гнить в земле. Тогда лучше не менять свою природу. Живешь – живи, дышаешь – дышай. Сам он собирался еще пожить. А вот девчонке этой, Елене Игоревне Глебовой, такой шанс уже не выпадет. Теперь быстренько прослушать запись и решить, блефует она или нет. В любом случае девка отчаянная: поставить осознанно на карту свою голову против денег – на это не каждый мужик способен! Но в такие игры безнаказанно не играет никто.

Хорошо бы... Крас облизал губы, почувствовав, как запульсировала на виске жилка... Хорошо бы подарить ей... сильные ощущения перед кончиной... Он представил ее нагую, связанную, распятую перед ним, сглотнул... Нет. Нельзя.

Нельзя так рисковать. Девку придется просто убить. Без всяких изысков.

Побыстрее.

– Готово, шеф, – сообщил Шалам. – Включать?

– Включай.

Он сосредоточился, с легким сожалением проводив мысль, что с девкой нельзя будет позабавиться. Ничего. Шлюшку он себе отыщет, как только разберется с этим.

В момент отыщет. Времена хорошие: деньги куда дороже людей. Впрочем... Других времен это стадо, называемое человечеством, никогда и не знало.

Ворон вышел из ресторанчика в прекрасном расположении духа. Не спеша направился через скверик к памятнику Чкалова – месту встречи. До назначенного времени был еще час. Хорошо бы подойти ровно в шесть десять, чтобы братаны не маячили на крутой машине. Маленькая площадь «У Валерика» вовсе не была предназначена для стрелок; так, подхватить человечка, наоборот, высадить. В скверике гуляли мамашки с колясками, сидели бабульки.

Внезапно радужное настроение у Коляна улетучилось, как сплыло. Он и сам не мог понять почему. Будто заноза засела где-то глубоко, в самой душе. И не выковырнуть ее оттуда ничем. Словно...

Ну да. Взгляд этой девчушки, с фотографии... Видать, пацанка еще совсем, дите – ишь, мишку плюшевого с собой таскала... И глаза дитячи, как озерки. Вот только... Горя эти глаза видели немало, в этом Ворон разбирался – повидал.

У него могла бы быть такая дочка. В аккурат бы ей сейчас полных семнадцать было.

Ну да, могла бы. И Олька как раз забеременела в восьмидесятом. Олимпиада еще была. Если бы все ладно складывалось, в ноябре – декабре и родила бы... Потом все полетело наперекосяк, хоть не вспоминай. А тогда – только из армии дембельнулся, гулевал; ну, известное дело, что дембель, что дебил – разница небольшая. Благо водки тогда и бормотухи всякой было море разлитое, а шоферить на базе стройматериалов – такая работа, что хошь не хошь, а не уворовать чего просто грех, все одно пропадет, как в прорву. Да и начальство пример подавало, только крали те начальнички доски не кубометрами, а вагонами и составами. И параша никогда не нюхали. Вот и думай, кто есть главная мухобель в этой жизни. А с трибун орать были мастера и тогда, и теперь. Не люди – порожняки, мать их! Как неслись, так и несутся по жизни, громяхая на стыках, а после них только шпалы покореженные остаются. Вернее вместо шпал – судьбы людские.

Ладно, мутота все эти мысли, а чтой-то гложут они его... Ну да, глаза этой девчушки... Такие могли бы быть у его, Коляна Воронова, дочери. Вот и задело...

Тогда Олька его из пьянок и вытянула. А пьянки те бесконечные были: пиломатериалы шли направо-налево, и влететь бы ему по восемьдесят седьмой, за хищение госимущества в особо крупных, если бы не Олька.

Умная она была уже тогда баба, жизнью битая. И мужиком своим битая не раз.

Двадцать пять ей было, на пяток годков старше, а муж ее непутевый то в запое, то в загуле, то неизвестно где. Ну и зажил у нее Колян. И не просто зажил... Теперь он знает: счастье это было. Как домой с работы приходил, жена, хоть и нерасписанная, а наоборот, по паспорту – чужая, встречала таким взглядом распахнутым, что он ее глаза до сих пор живые видит. А муж ее, Сашка, запропал куда-то с полгода как; соседи говорили, на заработки подался, а Олька, да и сам он только ждали, когда объявится, чтобы заявление им, значит, подать. С Сашкой на развод, с ним, Колькой, на регистрацию.

И еще – очень она ребеночка хотела. Дочку. С Сашкой не получалось ничего: у него от пьянок тех постоянных что-то с железками случилось или триппер когда нелеченый носил, а только не было от него детей, и все. А у них все так заладилось тогда...

И Олька, как забеременела, вся аж засветилась. И берег он ее, и фрукты-овощи сетками приносил. И даже проигрыватель дорогой купил, импортный: вычитал в газете «Труд» на перекрестке в каптерке, что беременным, им полезно музыку классическую всякую слушать, Баха там или Моцарта, – тогда детки рождаются умные, спокойные и пригожие. Берег он ее. Да не уберег.

«Благоверный» возвратился из какой-то тьмутарака-ни, а Олюня – на шестом месяце была, всем уже видать. И слова ей сказать не дал: в живот пнул, сначала кулаком, потом сапогами... Убил ребенка, падал. Уже потом врач, что саму Олюню спасал, сказал ему, Коляну: девочка была. И сама Оля говорила, что девочка, что она слышит, как та техается, нежно и тихонечко...

А Сашок этот напакостил – и пропал. Колян искал его везде. Нашел бы – убил гниду сразу, на месте, руками бы придушил, хотя и меньше был чуть не вдвое. Не нашел.

Напился вусмерть. Три дня так пил. Доктор тот сказал, что деток у Олюни больше не будет теперь. Колян пил и плакал. А тут – прознал, что этот козел драный у какой-то бабенки в Лопатине хоронится; завел самосвал – и ходу. Менты вроде тоже его искали, да, видно, не шибко: Сашок этот, до того как зашибать крепко начал, в мусарне-то и служил. Да и молва какая? Наказал-де мужик гулящую свою бабу.

Малость погорячился, да с кем не бывает.

Наехал Колян в это Лопатино вечером. В клубе еще веселье шло полным ходом: в честь Олимпиады, что ли, или студенты-стройотрядовцы устроили танцы – теперь уже не вспомнить, да и не важно это. Водяру глушил как проклятый.

Тогда он в клуб тот чуть не на самовале и въехал: ктой-то по дороге подсказал ему, что Сашок в аккурат там пляшет-развлекается. Потом... Потом, как записали в протоколах, монтировкой нанес телесные повреждения средней тяжести тому-то и тому-то, мирным сельским обывателям... Короче, статью навесили.

Вот тут начальнички с базы и раззадорились: ревизия на них какая-то пришла, а под такое дело чего ж свои грехи на безответного не списать? Закрутилась машина...

Пока суд да дело, Олька, хоть самой тяжко, за него переживала. Хлопотала, по начальникам всяким ходила. Без пользы. Срок навесили. План ведь, он и в суде был план.

Олюня ждать обещалась.

Одно сложилось: Сашка этого все же приземлили. Уж очень ему условно вытягивали кореша, да все бабы на поселке взбеленились, пришли чуть не демонстрацией к суду. Дали трешник. Смешно... Ему, Коляну, за два поломанных носа – трешник, и этому гниде за убийство девчонки неродившейся да за бабу насмерть покалеченную – тоже. Аффект, как там адвокатиска выражался. Состояние сильного душевного волнения.

Ну да он, Колюня, тоже не в слабом волнении остался. На всю жизнь. Не досидел тот Сашок свой трешник.

Уперся Колям, на работу болт забил, рогом на всех вертухаев пер, как чумной, – все затем, чтоб в братву прописаться. Крутым стал. Еще срок прицепом взял.

Бился, а через два годика на ту зону, где Сашок стружку гнал, перевелся.

Разбирался сам, без свидетелей. Вспоминать не хочется. Почуял тот Сашок, что баба чувствует, когда ей живот уродуют. Ой как почуял! Потом он этого козла тряпичного под пресс уложил. Записали: несчастный случай. На зоне, там тоже свои показатели были и свой план.

Вот такая вот история.

Олюня его так и не дождалась. Угасла, как ему написали, от недуга какого-то женского. Но он-то знал: от тоски она умерла. Как прознала, что деток у нее больше не будет, так тоска ее и съела...

...Ворон потрянул головой. Обнаружил, что на лавке сидит, щеки в слезах, и прохожие быстро семенят мимо: пьяный. Лишь одна бабулька притормозила, справилась:

– Что, сынок, плохо тебе?

– Плохо, мать. Плохо.

Сорвался он с лавки, побежал. Девчонку эту, Ленку, у которой глаза как озерки, выручить надо немедленно! Сейчас! Получается, подставил он ее! Не по злобе пусть, по глупости, а подставил! Вот ведь мать-перемать! В жизни никого не продавал и не подставлял, а тут – «дурь» попутала, марафет драный!

Колян рванул через дорогу. Теперь он думал только об этой девчонке. Имя, фамилия есть – адрес узнают мигом. Только бы успеть!..

Тяжелый самосвал тащился едва-едва. Колян прибавил ходу, обходя машину спереди.

Легковушка вынырнула невесть откуда, на скорости, наподдала под ребра. Ворона подняло в воздух, он полетел спиной вперед, нелепо двигая руками... Увидел лицо девчонки, совсем рядом, будто живое, а не на фотографии... Глаза смотрели ласково и внимательно: что же ты, Колюша... Ну да, Олюня так его называла:

Колюша. Больше никто. Никто.

Мужчина замер, ткнувшись затылком в жесткий каменный бордюр тротуара, успев прошептать одними губами:

– Оля...

* * *

Непоняток Автархан не любил. Как и все. Все непонятное таило опасность. Николай Порфирьевич посмотрел на часы. Четверть восьмого. Ворон так и не объявился.

Ворон был правильный вор. Пусть и без полета, но правильный. Жил по понятиям, не рвач, не пустомеля. Если он просил о встрече, значит, что-то случилось.

Может быть, у самого Ворона, а может...

На встречу он не пришел. Братки прождали на машине почти час, потом отвалили.

Приехали к Автархану в Заречное, доложились: не было. Пропал.

Автархан не любил, когда его люди пропадают даже сами по себе, но особенно не любил, если пропадают они после того, как назначалась встреча. На которой человек хотел сказать важное. Такой, как Ворон, попусту базлать не станет.

Автархан нажал кнопку звонка. Появился молодой мужчина в костюме с иголки, лицо умное и волевое, глаза спокойные и внимательные. Новое время требует новых людей. Если ты в него не вписываешься, то оно само тебя спишет. Со всех счетов.

Автархан прекрасно знал, что не может обладать многими талантами и достоинствами; у него был другой талант: подбирать людей по способностям и оплачивать по труду. А потому его теневая империя работала как военный завод двадцать лет назад, без сбоев и накладок. Если трудности и случались, их устраняли. Вместе с теми, кто эти трудности создавал по глупости, жадности или недомыслию. Иначе было не выжить. Стая должна освобождаться от тупых, неповоротливых и слабых – или погибнут все. Волки живут по законам волков, овцы – по законам овец. Выбирай и живи.

– Присаживайся, Сергей.

– Спасибо.

– Я хочу, чтобы ты нашел Ворона.

– Воронова Николая Павловича?

– Да.

– Он пропал?

– Он просил о встрече. Ему было назначено «У Валерика» в восемнадцать десять. На встречу он не пришел.

– Я понял. Разрешите выполнять?

– Ворон не будет звонить или суетиться попусту. Меня не было в стране, я прилетел час назад, иначе встретился бы с ним незамедлительно. Меня беспокоит этот звонок.

– Я понял, Николай Порфирьевич.

– Две возможности. Первая: что-то или кто-то угрожает самому Ворону. Но это маловероятно. По такой мелочи он не стал бы обращаться. Ворон крут. Разобрался бы сам. Я бы давно его поднял на другой уровень, но ему нравится та жизнь, которой он живет. Он вор и не хочет жить иначе. Вторая возможность: что-то или кто-то угрожает нам. Это может быть серьезно. Разыщи его в кратчайшие сроки.

Узнай, что произошло. В средствах ты не ограничен. В людях тоже. Возьми Бутика с бригадой и привлекай всех, кого сочтешь нужным. Результат, любой результат, сообщай немедленно. Мне лично. По мобильному. В любое время. Я жду твоего звонка. Удачи, Сергей.

Молодой человек встал и вышел. Автархан откинулся кресле. Приказ отдан. Теперь оставалось ждать.

Глава 8

Мужчина со шрамом сидел в «вольво» рядом с водителем и курил сигарету за сигаретой. Посмотрел на себя в зеркало. Нет, все это нервы. Эмоции. Хирурги постарались на совесть. Если и можно заметить в лице какую-то асимметрию, то только внимательно присмотревшись. Мужчина остался доволен.

Итак, кто у нас будет? Фефочка. Фефочка Леночка. Из поколения, выбравшего пепси и денежные знаки. Запратавшая куда-то рюкзачок с порошком на три четверти миллиона долларов. И грозящая своей куцей активностью развалить построенные цепочки.

Мужчина чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Когда-то... Когда-то он мог использовать всю мощь подчиненных ему и не только ему структур, чтобы выполнить задание. Теперь... Хотя он привык. Он привык принимать решения и нести за них полную ответственность. Тем более в мутном отстойнике, образовавшемся на территории СССР и обзываемом теперь аббревиатурой, заканчивающейся на «гэ», можно было наловить разного. В любом случае сам он стал много богаче и не стеснял себя в средствах. Как в средствах чего-то добиться, так и в средствах на что прожить. Хорошо прожить.

Никакой шумовой вариант недопустим, в подчинении у него всего восемь человек и весьма посредственная техника. Естественно, заяви он о возникших сложностях, найдутся и техника, и люди – дело даже не в стоимости товара, хотя сумма сама по себе очень хорошая, дело в отлаженных тропах... Предположим, девка не соврала и действительно передала порошочек какому-то своему престарелому почитателю, у которого встает раз в квартал и только на нее. Тот послушно отзвонится, или не отзвонится, или, к примеру, не получит условный сигнал и простенько и без затей сунет все эти мешочки в мусоропровод. Будет удачей, если они перекочают на свалку, где и сгинут под отходами. Пока не докопается какой-нибудь бомжара...

Денежные потери придется списать. Хотя это плохой вариант.

Но есть еще очень плохой.

Если вышеозначенный старый пердун-меланхолик, хм... надо бы его залегендировать, пусть будет Старый, как-то разбирается в наркоте. Когда-то сам баловался или еще что... И по жадности и недомыслию решит он наварить денжат и с одним пакетиком податься к мелкому сбытчику... Скажем, к тому, у которого покупал когда-то...

Что будет в этом случае? Сбытчик поднимет волну, «телега» поползет вверх, и «папы» скоро узнают, что в их городе кто-то без них, самостоятельно, наваривает серьезные деньги. Через какое-то время информация просочится через агентуру или двойничков и к местным правоохранителям, и к здешним чекистам. Да. Это очень плохой вариант.

Но есть еще очень-очень плохой.

Предположим, Старый труслив, законопослушен и неглуп. Тогда, поковырявшись в пакетиках, проинструктированный этой пепси-целкой на случай ее безвременной кончины или пропажи, попрется напрямик в Службу безопасности и выложит там всю известную ему правду-матку. Чекисты начнут активную разработку; опять же через некоторое время, причем гораздо более короткое, чем при втором варианте, будут информированы и «крестные».

Все это будет означать только одно: вся построенная на Запад цепочка, вся цепочка поставки сырья сюда с Востока, лаборатория, люди, все будет провалено целиком и окончательно.

Его самого в этом случае ждет очень долгая и экзотическая смерть. Лир любит такие фокусы. Как он сам выражается, они имеют воспитательное значение для «личного состава».

Сука! Сука эта Глебова Елена Игоревна, без малого восемнадцати лет... Стерва!

Есть и еще вариант. Этаким вариантом "2". Вся эта завязавшаяся бодяга – вовсе и совсем не цепь случайностей, а хорошо организованная неким неизвестным противником закономер-

ность. Ее цель не ясна, да и выяснить это вряд ли возможно на данном этапе разработки. Ну а саму пепси-целку водят в темную на неизвестной длины поводке некие дяди, как наживку. И даже не для него, Краса. И даже не для Лира. Дьявол!

Шалам тупо смотрит на приборную доску. С ним нельзя посоветоваться: его ментальное развитие не перешагнуло рубеж двенадцатилетнего учащегося из школы для умственно отсталых. Но никаких задач, кроме «осмотрись», «принеси», «убей», перед Шаламом и не ставилось. С ними он справлялся очень хорошо: недостаток мозгов в лобной доле сполна компенсировался великолепным звериным чутьем. Чутьем на опасность. Чутьем на затаившегося вблизи хищника, может быть, более извращенного и дерзкого, чем он сам. Чутьем на смерть.

С ним нельзя посоветоваться, но сверить его реакцию со своей стоит.

– Что скажешь, Шалам?

– А чего тут говорить, босс? Сучка заныкала порошок, конечно, не дома. Где-то рядом с конюшней, где эти кобылки жопами вертели. Вернулась. И уписалась со страху, когда вы Динке хребет поломали. Сейчас с очка не слезает. Хорошенько потрясти – и расколется, это как пить дать!

– Что там от Кривого?

– Слушает. Она никому не звонила, да он бы и не дал. Ей тоже никто не звонил.

Насвистела она насчет этого поклонника, вот что я думаю.

– А если нет?

– Вы – босс, вам решать.

– погоди, Шалам. Ты скажи, как тебе разговор показался?

– Показался?

– Да фонит что-то. Не знаю что, но фонит. Пойти по-простому и разобраться на месте, что и как.

– По-простому, говоришь...

– Ну.

– Вот и у меня – фонит.

– А я что говорю... Эта сучка...

– Замокни, – резко оборвал он подручного. – фонит. Это может означать и действительно самый простой вариант: девчонка испугалась и вульгарно лжет. Тогда второй и третий отпадают сами собой. А может... А может, и... четвертый. Полную непонятку. Вариант "2". Но...

Но ведь не это его действительно беспокоит, не это! А что?

Мужчина откинулся на сиденье автомобиля, постарался полностью расслабиться...

То, что он ощущает, должно всплыть... Само собой... Это была даже не мысль...

Какая-то неуловимая, тончайшая, ускользающая нить, тень мысли... Он легонечко пытался ухватить это невесомое, как паутинка, ощущение... Ну же... Ну... Да!

– Дьявол!.. – выругался он облегченно. – Дьявол! Знаешь, Шалам, что больше всего меня беспокоит во всем этом на самом деле?

Парень вопросительно посмотрел на шефа. Но тот не шевелился. Продолжал сидеть, глядя в одну точку. Словно укачивая, лелея, повязывая к другим только что явившуюся ему мысль. Достаточно вздорную, чтобы быть истинной.

– Я не могу отделаться от чувства, что эту девчонку я когда-то видел... Или знаю. Или знал другую, похожую на нее... Или... Вчера, как только ее рассмотрел как следует...

Шалам вежливо пожал плечами. И делал вид, что слушает. То, что у босса крыша не на месте, особенно по бабскому вопросу, – без балды. Но к его сексуальным заворотам он относится достаточно равнодушно. Даже к смертельно опасным для его вынужденных партнерш. Девки для того и сделаны, чтобы их трахать. А зачем еще? И если боссу для расслабухи нужно не просто завалить телку, а еще и порвать ее на куски или придушить, что кошку, – так у него

работа нервная. Тем более шлюх как грязи. Непереводно. Одной больше, одной меньше – кому это интересно? Уж ему, Шаламу, точно вразбубон. В полный.

Сейчас босс просто метет пургу. Полную лажу. Очередной заскок. И Шалама это не сильно заботило. Его заботило другое: к боссу он подвязан накрепко. Насмерть. И если чего, то его башка ляжет рядом с башкой босса. Нет, всех когда-нибудь кончат. Жизнь вообще ничем хорошим не кончается. Только смертью. Ну да это бредни. Он, Шалам, еще хочет пожить. И баб поиметь. И водчоночки да коньячку попить всласть. Вдоволь. А там – хоть трава не расти.

Босс закончил излияния. Молчит. Полоску на харе рассматривает. Интересно все же, кто его так разукрасил? Хотя – не его это собачье дело. Меньше знаешь – легче спишь. Особенно в их стае.

А хозяин в это время еще раз прокачивал варианты. Как ни кинь, а этот дебил подсказал сейчас единственно правильное действие. Чтобы разобраться, что и как, необходимо обострить ситуацию. Если есть какие-то серьезные противники, они непременно проявятся. Так или иначе проявятся. Нужно только наблюдать.

Внимательно наблюдать. И грамотно подстраховаться.

Мужчина поднес к губам рацию:

– Я – первый, вызываю второго и третьего.

– Второй слушает первого.

– Третий слушает первого.

– Усильте внимание. Продолжайте контролировать этажи. В случае любого изменения ситуации – вы поняли, любого: «скорая помощь» к бабушке приехала, пьяный вышел на лестницу побуйнить, – немедленно информировать. Немедленно!

– Есть.

– И ничего не предпринимать без приказа.

– Есть. – Конеч связи.

Мужчина поменял частоту рации.

– Я – первый, вызываю четвертого.

– Четвертый слушает первого.

– Что нового?

– Никаких контактов объекта не зафиксировано.

– У нее не может быть сотового телефона?

– Почему не может? Вполне. Только она им не пользовалась.

– Вы уверены?

– Аппаратура бы среагировала.

– Вы уверены?! – Мужчина повысил голос.

– Виноват. Да. Я уверен.

– Приказываю: усилить блокировку объекта. Ваша аппаратура сможет перехватить сигнал по любому каналу связи?

– Перехватить – нет, зафиксировать, что сигнал был, – да.

– Вы контролируете весь дом?

– Такой задачи не ставилось. Да и... Все-таки шестьдесят четыре квартиры...

– Теперь ставлю. Но конкретизирую: ловить только спецсвязь.

– А телефонную – нереально.

– Четвертый!

– Виноват.

– Вы поняли задачу?

– Так точно.

– Вы хорошо поняли задачу?

– Да.

– Выполняйте. Как только вы зафиксируете любой сигнал, проинформируйте немедленно. Вы поняли? Не-ме-для.

– Есть.

Мужчина перевел дыхание, снова поменял частоту:

– Я – первый, вызываю пятого и шестого.

– Пятый слушает первого.

– Шестой слушает первого.

– Двор и дом в зоне уверенного контроля?

– Так точно. С обеих сторон. Хотя не идеально, но контролируем вполне.

Не идеально... Мужчина и сам знал, что не идеально; ну да за неимением гербовой пишут на простой.

– Приказываю: в случае появления подозрительных объектов докладывать сразу и быть в готовности открыть огонь. На уничтожение.

– Есть.

– Огонь по основному объекту – только на поражение. И только по моему приказу.

– Есть.

– Вопросы?

– Вопросов нет.

– Выполняйте.

– Есть.

Мужчина перевел дух. Еще один человек. Он занят тем, что ему поручено.

Осталось... осталось только задействовать Шалама.

Тот смотрел на босса с обожанием. Шалам всегда чувствовал невидимую дистанцию, которая отделяет его от этого человека. Дистанцию непосредственной власти. И его охватывало так похожее на восторг чувство сопричастности этой власти, пусть не такой, как раньше, но все же мощной, сильной, способной отдавать приказы и добиваться их исполнения. Он ждал, когда отдадут приказ ему. Тогда он тоже станет работающим звеном прекрасно отлаженной машины, созданной этим человеком со шрамом, сидящим рядом на сиденье автомобиля. Человеком, которым он сейчас восхищался и которому готов был простить любую слабость за ту силу, какая от него исходит.

Мужчина закурил, сделал несколько затяжек, выдохнул:

– Ты прав, Шалам. Эта сучка что-то крутит. Ты пойдешь и потрясешь ее как следует.

Подручный расцвел. Его идея, его! И босс ее принял!

– Есть, – ответил он, едва сдерживая радость. Хозяин хмыкнул про себя: дебил, он и есть дебил. Как бы не перестарался. Поэтому добавил:

– У тебя после позавчерашнего с девкой личные счета...

– Да я...

– Можешь засунуть ей в задницу каленую кочергу, но... Чтобы осталась целой и невредимой! Понял?!

Шалам беспомощно лупал на шефа белесыми ресницами.

– Поясняю: надави на эту девку как следует, но никакого вреда не причиняй.

Напугай, можешь придушить слегка или палец сломать. Чтобы было очень-очень больно, но безвредно.

– Совсем безвредно?

– Ты понял меня? – повысил голос мужчина.

– Извините, босс. Я понял.

– Не куражся. Слушай связь. Возможно, подойдет спец. Если для того, чтобы ее разговорить, понадобятся препараты.

– Да на хрена нам спец, босс?! Эта сука безо всяких медицинских штучек зачирикает у меня, как птенчик по весне! Все выложит, что знает и что не знает, прямиком на блюдечко!

– С голубой каемочкой...

– Чего?

– Ничего. Выложит – хорошо, но «потрошитель» подойдет все равно. Такой порядок.

– Понимаю.

– Вот и славно, что понимаешь. Готов?

– Всегда готов, – гыгыкнул Шалам, вскинув руку в пионерском приветствии.

– С замками справишься?

– А чего с ними справляться? Квартира не сейф. Шалам открыл бардачок, извлек оттуда остро отточенный нож, моток скотча, металлическую коробочку из-под шприцев: там он держал какие-то ножнички, щипчики, которые использовал так умело, что жертвы жалели, что вообще родились на этот свет.

– Пошел! Да, рацию поставь на передачу, послушаю вашу беседу.

– Ага. – Глаза Шалама блеснули, он радостно открыл дверцу и не спеша, вразвалочку, словно пытаясь растянуть предвкушение предстоящего удовольствия, двинулся к двери подъезда.

Крас поднес к губам рацию:

– Первый всем: начало операции.

Эту фразу он произнес трижды, последовательно меняя частоту. Закурил. Замер, откинувшись на спинку сиденья.

Он еще раз прокачивал принятое решение. Все правильно. Если за девкой кто-то стоит, этот кто-то так или иначе проявится. Вот тогда можно будет с легким сердцем доложить Лиру: так, мол, и так, против нас работают профи. Для него.

Краса, это было бы лучше всего: в играх профессионалов он чувствовал себя как карась в пруду. Лир и подавно. Ну а если девка блефует или действует на свой страх, то Шалам выдавит из нее все, что она знает. Было в Шаламе... было в нем что-то бесконтрольно-звериное; когда он чуял близкую кровь, ноздри его трепетали, лицо приобретало какую-то отрешенность... Жертвы чувствовали это кожей, выражение лица Шалама пугало их даже больше, чем предстоящая боль. А уж он-то, Крас, знал: настоящая боль развязывает любые языки.

Пожалуй, мужчина боялся бы своего слугу, ведь зверь способен на все. Боялся бы, если... в себе он чувствовал зверя, рядом с которым Шалам был просто беспородной дворовой шавкой. Зверя, опаснее, беспощаднее которого нет.

Он снова прикрыл глаза. И будто наяву, увидел девчонку – нагую, связанную, распятую, беззащитную перед его желанием. Перед его любым желанием. Сглотнул слюну, притронулся к лицу, чувствуя, как наливается кровью, пульсирует шрам.

Все люди – звери. А это означает только одно: чтобы выжить, нужно быть самым безжалостным из них.

Глава 9

- Капкан. Кап-кан. – Аля смотрела в одну точку. – Не знаю я способа прорваться. Никакого. Кроме этого. – Она ласково притронулась к оружию.
- Хороши игрушки... – прокомментировала Настя.
- Ты знаешь, а мне нравится.
- Хм... Откуда у тебя к этим железкам такая нежность?
- Не знаю. Я же рассказывала, с двенадцати лет стрельбой занимаюсь, еще до переезда сюда. С детдома. А в шестнадцать стала мастером.
- Слушай, а ствол-то этот у тебя откуда?
- От верблюда. Классная штука, скажи?
- Ты что его, из тира, где тренировалась, заныкала?
- Вот еще... Мне его подарили.
- Кто?
- Давно. Константин Петрович Фадеев. Он в нашем детдоме дворником-сторожем работал. У него еще протез был вместо ноги, деревяшка. Он как раз стрелковый кружок и вел.
- Ему что, разрешили?
- А кому какое дело? Там, кстати, одни ребята были, только я – пацанка. Я у него в сторожке подолгу сидела, а когда он заболел – ухаживала. Насть... долгая это история. Просто как баба Вера меня к себе решила взять, дядя Костя мне «марголин» и подарил. На память. Он умер потом через неделю. Совсем уже старенький был.
- От чего умер-то?
- Наверное, как все. Жить устал.
- А чего ты раньше не говорила, что у тебя пистолет есть?
- А зачем кому говорить? Чтобы отобрали?
- Даже мне?
- Насть... Это теперь я тебя знаю, а как приехала... Ну тетка, ну добрая... А чего бы ей доброй не быть, когда муж тароватый, дом полная чаша и вообще во всем – ажур. В смысле – алее. Так что... Так что лежал он себе, в тряпочку промасленную завернутый, в чулане. Иногда я его доставала, когда баб Веры не было, чистила... И вообще – он красивый. Ты знаешь, этот Марголин, конструктор, он почти слепой был, эту машинку лепил, считай, на ощупь, из глины...
- Нет, Алька, – задумчиво произнесла Настя. – Ты не увлечена стрельбой, ты... Ты относишься к оружию как к другу. Давнему.
- Насть, сама не знаю. Не помню. Как и все мое детство не помню. У меня из детства только мишка и оставался. А теперь вот и его нет. Только порой картинки какие-то... Знаешь, наверное, совсем раннее воспоминание, младенческое: лежу в колыбельке, питаюсь и... гильзами играю, на веревочке. Как погремушками.
- Может, ты – дитя войны?
- А разве тогда была война? В восьмидесятом.
- Война всегда.
- А жаль.
- Еще как жаль.
- Вот что, Настька. Делаем так. Ты сидишь тихо, как мышка. Я иду на прорыв.
- Аленка...
- погоди. Я все рассчитала. Двоим теткам прорваться куда труднее, чем одной. Я не пойду вниз, во двор, я на чердак полезу. И выйду из четвертого подъезда.

Скоро стемнеет. В городе растворюсь – ни одна собака не найдет. Никогда. Да и... не будут же они за мной всю мою жизнь гоняться, ведь так?

– Они столько не проживут.

– Вот и я надеюсь.

– Аленка...

– погоди. Ко всему, если ты останешься, мне будет легче: вдруг меня все-таки прищучат, выручать кому? Тебе. И Женьке. Ну что, решили?

Настя задумалась, по обыкновению сморщив чистый лоб, откинула назад густые каштановые волосы, резюмировала:

– Ты права. Даром что пацанка, а мозги у тебя работают. Прямо сейчас рванешь?

– Не-а. Уже прошло девятнадцать минут. Должны позвонить, никуда не денутся.

Мешок наркоты просто так никто не бросит. Как и чемодан денег.

– И о чем ты с ними теперь говорить станешь? Ведь звонка никакого не было.

– Плохо, блин! Хоть бы какой-нибудь кретин позвонил: если они слушают, я бы ввернула пару фраз порасплывчатее, пусть побегают! Хотя нет. Этак я подставляю «за так» ни в чем не виновного человека. О чем говорить?.. Да не знаю, о чем говорить! По ходу что-нибудь придумаю. Когда не врешь, а фантазируешь, звучит куда убедительнее. Я права?

– Права.

– Вот. Главное – время у них еще выторговать. Хотя бы чуточку.

– Ты подорвешь, а я тут им иллюминацию устрою! Можно с силуэтным стриптизом за закрытыми шторами: пусть думают, что ты дома!

– Вот уж нет, Сергеева. Ты умная-умная, а иногда такая дура!

– Во! Вырастила сестренку на свою голову!

– Нет, правда. Да они решат, что это я, накатят, застанут тебя... Насть... Им человека убить – как пописать... А у тебя Женька и Олежка. Хорошо хоть, что Олежка в селе у бабушки. – Алена вздохнула, подытожила:

– Так что не суйся.

Женьке и Олежке без тебя будет совсем плохо.

– Еще у меня ты.

– Спасибо, Насть. – Аля потерлась носом о плечо подруги. – Просто не знаю, как бы выжила без бабы Мани, без бабы Веры, без Константина Петровича, без тебя... – Она замолчала на секунду, добавила уверенно:

– Да никак бы не выжила. Не было бы меня давно. Совсем. – Вздохнула, озабоченно сморщила нос. – Что-то они не звонят? Уже полчаса почти прошло. Странно. Может, мы за шумом душа звонок пропустили?

– Вряд ли. Телефон у тебя довольно громко пиликает.

– Странно. – Алена закрутила кран, шум падающей воды прекратился. Только капли капали... Кап-кап... Кап-кап.

Девушки переглянулись. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как проворачивается ключ в замке.

* * *

Мобильный прозвонил в четверть девятого. Автархан поднес трубку к уху:

– Да.

– Это Снегов.

– Слушаю, Сергей.

– Ворона сбила машина. Он в реанимации.

– Так-так... – протянул Автархан как бы про себя. – Состояние?

– Тяжелое. Чудом остался жив. Проломлен затылок. Сейчас – без сознания. Когда придет в сознание и придет ли вообще – неизвестно. Как неизвестно, останется ли жив.

– Ты озадачил врачей?

– Да. Они работают. Поехали за нейрохирургом Полянским, домой. Будут через полчаса.

– На гонорары не скупись.

– Естественно.

– Кто его сбил?

– Какой-то «жигуленок».

– Водитель?

– Скрылся. Милиция усиленно ищет.

– Вы приняли свои меры?

– Да. Есть показания свидетелей, цвет машины, две цифры номерного знака... Но город большой... тем более и цвет, и номера поменять в наши времена – это как постричься.

– Особенно если его готовились устранить.

– Да.

– Что утверждают свидетели?

– Случайный наезд. Он выскочил из-за самосвала прямо перед «жигулем». А тот шел с хорошим таким превышением скорости. Возможно, водитель был нетрезв. Потому и слинял.

– Возможно. Все возможно...

– Да... В крови Ворона – изрядное количество алкоголя. И наркотики.

– Наркотики?!

– Да.

– Он не злоупотреблял. Иногда баловался. Что за «дурь»?

– Пока не определили. Ждем ответа из лаборатории.

– Мусора не мешают?

– А зачем им? Рядовое ДТП. У них таких – полкило задень.

– Охрану выставили?

– Естественно. И машина у больницы на стоянку. Связь со всеми устойчивая.

– Какая больница?

– Таракановская.

– Почему туда?

– Они сегодня по «Скорой» дежурные.

– Сам там был?

– Да. Трогать его не рекомендуется, поэтому в другую палату перевели его соседа.

Обещают подтянуть необходимое оборудование.

– Нужно, чтобы сделали.

– Уже делают. Ерема присматривает за этим.

– Хорошо. Хотя, если разобраться, ничего хорошего. Твои соображения?

– Похоже на несчастный случай.

– Уж очень похоже! Вот только что он хотел сообщить мне? Мне лично, и никому больше, а, Сергей?

– Ты знаешь, где он кантовался в последнее время?

– Выяснил. В Вишневом. Он с женщиной одной живет. Уже года два. Оксана Миргородская, тридцать два года...

– Мне не нужна ее биография. Вот что... Я хочу, чтобы ты съездил к нему домой.

Сейчас. И произвел там натуральный шмон. Может, Ворон оставил чего: записку, знак, он парниша был неглупый. Скорее всего, мог не на виду оставить, занывать, но ты найди!

– Да, Николай Порфирьевич.

– Все, что не вписывается в его образ жизни, любые странные бумаги, вещички...

Короче, пройдишь по хате этой по полному профилю.

– Да.

– Все, что нароешь, грузи в джип – и ко мне. Да, попроси эту подругу его...

– Оксану...

– ...Оксану проехать с тобой. Попроси, а не требуй, понял? Сообщи, что случилось с ее мужиком, посмотри реакцию. Тут важно, она в деле или нет.

– Понял.

– За сколько справишься?

– Часа за два.

– Постарайся быстрее.

– Я понимаю. Постараюсь.

– Удачи, Сергей Георгиевич.

– Всем нам.

Автархан прикрыл на мгновение веки. Затылок ломило нестерпимо, болели глаза. Так было каждый день, порой голова начинала ныть тупой тяжелой болью сразу, как только он просыпался утром...

Потом. Это – потом. В их деле не предусмотрено ни тайм-аутов, ни передышек, ни санаториев. Потом. Он вытащил из коробочки две облатки с обезболивающим, запил минеральной, посидел, пережидая пульсирующие толчки в висках. Поднял трубку внутреннего телефона:

– Буряк прибыл?

– Да, Николай Порфирьевич. Ожидает.

– Пусть войдет.

Через минуту дверь растворилась, франтовато одетый мужчина лет пятидесяти прошел в комнату, дождался приглашения сесть и закурить, вынул массивный золотой портсигар, оттуда – сигарету с золотым ободком, чиркнул кремнем зажигалки.

– Меня интересует Ворон, – безо всяких предисловий произнес Автархан.

– Что именно, Николай Порфирьевич?

– Ты курируешь щипачей...

– Молодежь в основном. Семена. Мелочевка. Ворон – другого полета птица. Он работал всегда сам, один. Если угодно, воровство всегда было для него хобби. И еще – он никогда не крал у работяг. Не брал последнего. Я пытаюсь привить молодежи понятия – не очень-то удастся. Все помешались на деньгах, крутизне, девках. Никто не хочет работать, все хотят только получать.

– Илья Семеныч, я уважаю твой образ мыслей, но сейчас не до философий. Ворона сбила машина. При невыясненных обстоятельствах. Непосредственно перед этим он хотел связаться со мной. Лично. Настаивал на встрече.

– Наслышан.

– Ну раз наслышан... Что делал Ворон в последнее время?

– Воровал... Отдыхал... Снова воровал. Ведь Вор-он.

– Бурый... Конкретно. Чем он занимался на прошлой неделе, вчера, позавчера – А чем он мог заниматься? Все тем же. Автархан только плотнее сжал губы. Если его и раздражало поведение Буряка... Впрочем, с некоторых пор его раздражало почти все. Причина проста: головная боль и бессонница. Усталость. Страх.

Беспричинный, изматывающий, особенно ночами. Старость?

Но показать это нельзя. Никому. Нужно оставаться сильным и властным. Таким, каким его привыкли видеть. Таким, каким он себя считал. И еще... Он знал главное: с людьми нужно разговаривать на их языке. Уж таковы люди: никто никогда никому не верит, только себе; свое мировоззрение, свою философию каждый считает единственно правильной, превращая почти в религию и поклоняясь ей; в спорах не рождается никаких истин, каждый носит свою истину в

себе, и горе тому, кто посмеет • в ней усомниться. Люди не прощают неприятия себя. Никому. Поэтому хочешь повелевать – терпи. Терпи чужие слабости, чужую глупость – и пользуйся ими. Любое качество другого человека можно использовать в свою пользу; нужно только правильно расставить людей. По способностям или неспособностям. Ну а то, чего терпеть не можешь, – устраняй. Вместе с человеком, так надежнее. Власть не терпит неразрешимых противоречий. И во все века разрешает их наилучшим способом: мечом или плахой.

Черт! Все проклятая голова! Болит уже второй месяц, не давая отдыха. И гоняет по кругу дурные мысли...

– Буряк, ты что, заболел? – медленно, тяжело выговаривая слова, спросил Автархан собеседника.

– Разве я выгляжу больным?

– Ты выглядишь полным придурком! И если ты устал, тебя заменят.

– Что вы, Николай Порфирьевич! Я чувствую себя бодрым, как никогда! – попытался сострить Буряк, но, глянув в черные, как жерла стволов, зрачки Автархана, осекся побледнел так, что лицо его стало нехорошего серого цвета. Ходили слухи, что Автархан болен, что пора его менять... Что он живет понятиями прошлого, а это сейчас – как башку положить на рельсы, прямо перед поездом! Хе-хе! Как бы не так! Он играет! Он играет со всеми, как кошка с мышами... – Виноват! – добавил он.

– Говори. Четко, связно, быстро.

– Позавчера Ворон работал в «Юбилейном». Но это все, что я знаю.

– Вчера он не пришел?

– Нет. Хотя тусовка была хорошая. У меня там четыре бригады было, мальчики пощипали очень результативно.

– Ты видел его позавчера?

– Да, но мельком. Он не любит бригад и всегда один.

– Дальше, дальше...

– Ну... Он под технаря этого самого «Юбилейного» косил. В халате был. С сумкой. С такими электрики ходят.

– Или сантехники?

– Нет. Сантехники с чемоданами.

– Где он работал?

– В кулуарах.

– И что он там мог искать?

– А черт его знает! Честно?

– Иначе нельзя.

– У Ворона в последнее время в голове фонарь. Светит, но не греет.

– Поясни.

– Бывает, неделями пропадает, по слухам, лежит, в потолок смотрит. Я несколько раз предлагал ему к пацанам присоединиться, для них – наука, ему – напряг небольшой; отказывался. Что он себе думал – не знаю. Только улыбался так странненько, словно открыл бертолетову соль или решил теорему Ферма. Или скоро решит. Короче, фонарь.

– Бурый... А может, он ее действительно, решил?

– Чего решил?

– Ну эту самую теорему...

– Вот уж хрен. Скорее шизота приперла.

– И при нем скажешь?

– Да нет, чего... – замялся Буряк, понимая, что запорол косяк. – У всех свои слабости.

– То есть так: ты его видел в «Юбилейном» мельком. Он точно один работал?

– Как монах в келье.

– Ребят ты опросил? Может, из них кто чего заметил?

– Опросил. Никто ничего.

– Мистика просто.

– По правде сказать, Ворон – щипач знатный. И как появляется – непонятно, и куда исчезает с дела – неведомо. Как привидение. Талант.

– Так, – произнес Автархан, опустив веки. Боль потихоньку ушла, но не совсем, затаилась где-то в глубине под черепом. Вообще-то нужно это решить, когда будет время. Если оно когда-нибудь будет.

Ворон. Если бы он надыбал что-то этакое раньше, то и на контакт с ним вышел бы немедленно. Значит, «этакое» случилось или произошло в «Юбилейном». Вот только что?

– Так, – повторил Автархан. – Тогда давай по порядку. Несвязухи, менты, особисты, персоны... Тусовка была представительная?

– Крутая. И всех этих – как грязи! Плюс у каждой задницы – своя охрана, в эфире – треск, шум, мат-перемат, черт-те что! Но ты ж сам знаешь, Автархан, в такой мути щипать – одно удовольствие! Да все они уроды! Потом еще с уголовки набежали, как пацаны двоих крепко пощипали, а толку? Наши все уже прибрались с башлями: слезами плакал прокурор, слезами мусор обливался!..

– погоди, Бурый, подумай... Кто в той тусовке торчал. Суетился не по делам, не в связи с терпилами или не по этой службе...

– Кто и всегда – комитетчики. Служба безопасности. Эти уроды драные думают, что самые умные, а у каждого словно на лбу три буквы курсивом отпечатано! были они там не про нас... Да! – хлопнул себя по лбу Буряк. – Повязали они одного, но тихонечко, как у них принято, приятный такой, неприметный малый с чемоданчиком, с «дипломатом». Блондин. Шли через вестибюль, как дружбаны и корефаны, потом в машину этого блонди усадили и отчалили. – Буряк хмыкнул, подытожил:

– Шпион, наверное. Их щас как червей на помойке.

– Шпион, говоришь?

– Ну, Автархан, а зачем нам этих трудностей? Мы же не комсомольские мальчишки: тех булкой с икрой не корми а дай что-нибудь отмочить этакое, чтоб население не скучало и ему было чего героически преодолевать... – Поймав быстрый взгляд шефа, быстро добавил:

– Все, молчу.

Автархан вздохнул. Понятнее ситуация не стала. Скорее наоборот.

Зазвонил телефон внутренней связи.

– Снегов приехал.

– Пусть войдет, – приказал хозяин. Посмотрел на посетителя.

– Я подожду в гостиной?

– Да, так будет лучше всего.

Буряк облегченно вздохнул, встал и быстро вышел. Встречаться со Снеговым он не желал. Этот парниша, непонятно откуда взявшийся у Автархана два года назад, выполнял для хозяина очень деликатные поручения. Касающиеся и братвы, и не братвы. То, что к блатному миру он не относился никак, никогда не сидел и, похоже, не собирался, давало ему лишь преимущества: по приказу Автархана он шерстил все и вся. Набирая притом авторитет среди братвы. Ходили слухи, что он внебрачный сын Автархана, но наверняка никто ничего не знал. И еще – этого молодого человека опасались. Он был умен, стремителен и, казалось, совсем не знал страха. Ни перед кем и ни перед чем. И глаза у него были спокойные и ледяные, как у Кая после общения со Снежной Королевой. Под стать фамилии, если, конечно, это была его фамилия. От Снегова следовало держаться подальше. Это знали все, кто не дурак. Илья Семенович Буряк дураком не был. Встречаться лишний раз с отмороженным интеллектуалом? Оно ему надо?

Довольный, что успел разминуться с автархановским «особистом», Буряк подошел в гостиной к бару, открыл, налил себе большую рюмку водки, выпил, не передыхая повторил, уселся в кресло у камина, вытянув ноги из туфель, с удовольствием пошевелил пальцами, чувствуя исходящее от горящих поленьев тепло. Ему стало хорошо, УЮТНО. Там, за окнами особняка, стояла темень. Непроглядная.

Глава 10

Лицо Сергея Снегова было спокойно, а вот глаза, обычно безразличные и безмятежные, даже слишком безмятежные для его специфической деятельности, изменились: потемнели, словно в их глубине заплескало холодное пламя расчетливого азарта.

- Что? – коротко спросил Автархан, заметив его состояние.
- Наркотики. Героин.
- Много?
- Больше трех килограммов.
- Круто. Хозяин?..
- В том-то и дело... Я отдал в нашу лабораторию на анализ, а пока дал понюшку Косому.

На пробу.

- И что Косой?
- Исключительный порошок. Он даже языком зацокал. Такого раньше в городе не было.
- Это значит, у нас проблема. Но меньшая, чем у тех, кто...
- Наверное.
- И где Ворон порошок этот «прислонил»?
- В «Юбилейном». В девичьем рюкзачке.
- Так, – произнес Автархан быстро. – Так. На Ворона похоже, чтобы он ни с того ни с сего прибрал рюкзачок у девки, если вокруг «кошельки» стаями бродят?

Снегов пожал плечами:

- Я недостаточно хорошо его знаю.
- Зато я хорошо. Очень хорошо.

Картинка сложилась мгновенно. Служба безопасности, парень, которого вывели под белые руки. Он успел передать товар поделнице, а та или прошляпила, или еще что – про то Ворон знает, но пока он между жизнью и смертью болтается, не скажет никому; героин, по самым скромным прикидкам на семь сотен тысяч «зелени», оказался у Коляна.

- А Ворон не зря ко мне рвался, а? Снегов только улыбнулся.
- Улыбаешься? Оч-ч-чень мне не нравится, когда кто-то в моем городе мешками наркоту носит, а я об этом не знаю. Как девуку устанавливать будем?
- Уже. Глебова Елена Игоревна, восьмидесятого года рождения. В ее сумке был читательский билет.
- Адрес?
- Пробили: Севастопольская, дом 14, квартира 12.
- Так. Первое. Завтра – сходяк. Но только наши. Ни Кондрату, ни Бене – ни полслова. Мотивировка простая: со стукачом разбираемся. Сделаешь?

- Легко.
- Второе. Четыре бригады – дежурные по усиленному варианту. Третье. Сам при трех машинах к этой девке. Птицей. Машина прикрытия, машина охраны, машина спецов. Если ее нет, засаду поставишь, сам – в розыск. Не мне тебя учить.
- Сделаем.
- Сережа... Волком рыскай, но найди! Сам понимаешь, дело нешуточное. Гм... Не зря вторую неделю селезенка ноет. И голова... – Автархан достал еще две облатки, кинул в рот, запил, выдохнул:

– Достань мне эту девуку! А тех, кто за нею... Они собственное дерьмо жрать будут, козлы! Достань!

- Достану, – спокойно, с улыбкой пообещал Снегов и вышел из комнаты.

Три джипа рванули в сторону города на предельной скорости. Снегов сидел во втором. Улыбка не покидала его лица, сердце билось размеренно, чуть чаще, чем обычно. Снегов был человеком действия. И потому исповедовал самый простой принцип: действие рассеивает беспокойство.

Замок щелкнул один раз. Аля сняла пистолет с предохранителя, тихонько, на цыпочках проскользнула в комнату, успев показать Насте глазами: стань за дверью!

Та, тоже босиком, проскочила в просторной прихожей за дверь, под старую, массивную, еще бабушкину вешалку-стойак, и скрылась за ней целиком.

Второй щелчок.

Дверь приоткрылась сначала едва-едва, на щелочку. Потом еще. Здоровенный парень осторожно, стараясь не шумнуть раньше времени, прошел в коридор, прислушался.

Дверь в комнату распахнулась настежь, яркий свет залил коридор. Девушка держала пистолет двумя руками.

– Стоять, козел!

От неожиданности Шалам замер, в голову ударила хмельная волна гнева, притупляя чувство опасности: какая-то мокрощелка его, Шалама, будет пугачом страшать!

– Ты чего, целка, оборзела? – прохрипел он. Звук собственного голоса приободрил.

Свет бил в глаза, рассмотреть пистолет он не мог, но откуда у этой биксы нормальный ствол? Газовик, таракана из него завалить можно, да и то если сначала связать и хорошенько отмудохать!

Примерился: до девки метра два, как раз на прыжок...

– Да я шас с тебя с живой кожу сдеру, паскуда! Он успел только начать движение ногой. Выстрел грохнул тупо, пуля раздробила коленную чашечку; Шалам ничком упал на пол и завыл, подтянув ноги и обхватив голень ладонями.

– Заткнись! – скомандовала девчонка. – Следующую пулю в пасть вгону!

Боль была дикой, но слова эти он расслышал. И поверил. Замолчал разом, закусив ворот куртки.

Аля быстро подошла к парню, воткнула ствол ему в рот и бросила:

– Только дернись! Настя!

Сергеева появилась из-за вешалки, глядя на подругу так, словно видела привидение.

– Обыщи его, быстро!

Настя похлопала по карманам куртки, извлекла металлическую коробочку, включенную на передачу мини-рацию... Ее Аля мгновенно выхватила у подруги и силой запустила в стену: машинка развалилась на несколько частей.

– У него больше ничего нет... – растерянно произнесла Сергеева, поглядывая на девчонку все так же странно.

Алена провела Шаламу по поясу брюк левой рукой, выхватила заткнутый за ремень маленький пистолет.

– Ого! – только и произнесла она, рассматривая оружие.

Парень лежал, не двигаясь. Он соображал. Болевой шок прошел. Нет, боль по-прежнему была нестерпимой, но... Пока эта сука рядом, он ее достанет. Сейчас дергаться слишком опасно. Бикса стреляет даже не на движение, на намерение действия. Предугадывая его характер. Нет ничего хуже смертельно напуганной стервы с реакцией профессионального боксера, у которой в руках «волын». Но он Шалам, ее достанет. Как только она уберет ствол. Это была ее ошибка – подойти так близко. Он эту ошибку использует.

Дальше подумать он не успел. Девушка одним движением, без замаха, припечатала Шалама в лоб так, что он ткнулся затылком о плинтус, мгновенно встала, отошла к стене. Рассмотрела трофей.

– Ничего себе. – Внимательно и быстро девушка изучила миниатюрный пистолетик.

Рассмотрела клеймо фирмы-производителя – в полумесяце три буквы: «АМТ». Дальше «CAL.45; BACK UP». Произнесла с искренним восхищением:

– Вот это машинка!

Игрушка для профи: размер муравьиный, калибр – слона валить можно! – Отшелкнула обойму, констатировала:

– Шесть патронов. – Одним движением вернула обойму на место, поставила оружие на боевой взвод. – Как он тебе-то достался, дебил?

Шалам приподнял разбитую голову и замер: на него смотрел значок его собственного оружия. Ощерившись от боли, Шалам попытался привстать...

– И не думай! – повысила голос Аля. – Сорок пятый тебе вторую заднюю ногу отстрелит по самое «не балуйся»! – Добавила, скривив губы:

– А я не промахнусь.

– Перевела дыхание:

– Сколько у вас людей? Где?

– Тебе не уйти... – разлепил парень спекшиеся от боли губы.

– А тебе и подавно! Сколько людей?!

– Много.

Грохнул выстрел. Почти не целясь девушка вогнала пулю из «марголина» в плинтус в сантиметре от головы лежащего на полу громилы.

– Отвечать! Быстро! Связно!

Парень сглотнул. Открыл рот, будто рыба, выброшенная на горячий песок неожиданным штормом. Облизал губы.

– Ну!

– Двое. На лестнице. Сверху и снизу. – Сделал паузу, снова сглотнул. – Еще двое.

Снайперы. Контролируют двор и улицу.

– Чудесно. Все? Шалам молчал.

– Все?!

– Еще босс. В машине.

– Этот сиплый урод со шрамом? Шалам молчал, стиснув зубы.

– Он?

– Да. Тебе не уйти, девка.

– Какая машина?

– «Вольво».

Алена подумала, спросила:

– Ребята, вы бандиты или...

Шалам только скривил губы. Боль вернулась, теперь она пульсировала тяжкими ударами, и он понял, что не сможет достать эту девку. И еще... Еще он осознал, что горше и позорнее для себя ситуации и придумать бы не смог даже нарочно: девка-малолетка прострелила ему колено, похоже, сделала инвалидом, завладела оружием и сейчас допрашивает его, двадцатипятилетнего крутого парня... И он...

Он отвечает на ее вопросы, потому что... Потому что боится. Ее, эту маленькую шлюху. Почему? Шалам понял: он привык, что за ним стоит сила, он привык работать в команде... А эта девка... за ней он чувствовал такую силу, которой не обладал никто, кого он знал. Даже босс.

Алена повернула голову к Насте:

– Уходим. Живо! Теперь тебе оставаться нельзя!

– Алька... Это – ты? – наконец произнесла Настя, оправляясь от шока.

– Ага. Крута, как поросычий хвост. Насть, это жизнь такая. А вообще-то я белая и пушистая.

– Алька... У тебя глаза шальные. Совсем шальные.

– Опалеешь тут. Значит, так: берешь мелкаш, с ним управляться просто; стреляешь в любого, кто помешает! В любого! Ущучила?

– Аленка... Я не смогу...

– Зато я смогу!

– А с этим что делать? – кивнула Настя на раненого.

– С этим?.. – Аля прищурилась, скомандовала Шаламу:

– В ванную ползком, пададь, живо!

Раненый переполз через порог, Алена закрыла за ним дверь на шеколду, подумала, зава- лила дубовую вешалку и приперла, как оглоблей.

– Так ненадежнее будет.

– Он там кровью не изойдет?

– Не успеет. – Глянула на Настю. – Готова?

– Как юная пионерка, – хмыкнула Сергеева, но в голосе ее не было никакой уверенности.

– Держи. – Алена передала ей «марголин». Метнулась в комнату, сбросила халат, натя- нула вельветовые джинсы, свитерок, накинула куртку, не глядя побросала в спортивную сумку вещи. Все это заняло у девушки не больше минуты.

– Так. Прорываемся наверх. Я иду первой. Если что, прострелю клешню уроду на лест- нице. А то и обе. Чтобы у него сомнений не возникало: быть или не быть.

Дальше: ты – домой и дожидаясь Женьку. Дверь у тебя – броня, ее и динамитом не открыть. К тому же, если устроим тарарам в подъезде, кто-то из жильцов непременно милицию вызовет. А я – в бега. Через чердак. Позвоню тебе или Женьке по мобильному. Как только смогу. Все. Приготовься.

– Алька, этот сказал, там снайперы на улице.

– На улицу еще выбраться нужно! Пошли!

Крас напрягся сразу, как только услышал сорванный девичий голос: «Стоять, козел». Затем немудреный диалог и – выстрел. Нет, дебил, он дебил всегда. Шалам не оценил реаль- ность угрозы. И – попался. Стон. Значит, ранен. «Настя, обыщи его». Настя? Что это еще за Настя? И все. В динамике грохнуло, и передатчик замолк.

Мужчина поднял к губам мини-рацию:

– Первый вызывает третьего и второго.

– Третий слушает первого.

– Второй слушает первого.

– Подтянитесь к квартире объекта Кукла. Саму Куклу захватить, всех остальных – уни- чтожить.

– Всех?

– Да.

– Шалама тоже?

– Вы плохо слышите, третий?

– Виноват.

– Вы различили выстрел?

– Что-то хлопнуло, но это могло быть что угодно.

– Это был выстрел. Девка шмаляет, как боец спецназа. Шалам ранен и наверняка обез- оружен. У него ствол, 45-й калибр. Сейчас он у Куклы. В квартиру не лезьте, чтобы не нарваться; дождитесь, когда выйдет. Она обязательно выйдет, деваться ей некуда. И еще... – Мужчина помедлил. – Будьте внимательны. Очень внимательны.

Сдается мне, все очень непросто. Выполнять.

– Есть.

Все очень непросто... Голос этой девчонки... Или его тембр?.. Где-то он его слышал. Давно. Очень давно.

Бред. Этой целке всего восемнадцать. И он, Крас, просто не мог ее нигде раньше ни видеть, ни слышать. Но голос... Он очень похож на чей-то... Слышанный мельком, но в какой-то напряженной ситуации... Черт. Не вспомнить. Если это вообще не параноя. Черт. Кто эта девка, кто за ней стоит, кто ее играет?! Сама?

Черт, черт, черт!

Джипы влетели во двор на хорошей скорости. Так быстро, что мужчина не успел пригнуться. Фары высветили его застывший на переднем сиденье силуэт. Обе машины проскочили мимо. А вот третья... Она подкатила вплотную, раскрылись дверцы.

Мужчина выхватил пистолет, дважды выстрелил в тонированное стекло джипа и мгновенно, с поразительным для его комплекции проворством нырнул под рулевое колесо, успев открыть переднюю дверцу. Ответные выстрелы грохнули густо, стекла посыпались. Крас, кажется, физически ощущал, как пули впиваются в импортную обшивку салона.

.Взрыв прогремел гулко, отраженный стенами стоявших четырехугольником домов.

Пламя плясало где-то сзади. Крас выполз из машины, перекатился в тень деревьев, выстрелил наугад, переполз и ринулся прочь. Он успел увидеть, как замешкались боевики у двух джипов: упал один, второй. Славно. Снайпер – великолепное оружие, если он воюет на твоей стороне. Даже хорошо подготовленный противник чувствует себя обложенным волком, на которого охотятся с вертолета.

Крас проскочил через дорогу, миновал два проходных двора, сбросил плащ и побежал.

Двор за окном осветился фарами автомобилей, мчавшихся на большой скорости. Визг тормозов. Настя не удержалась, выглянула: два джипа въехали во двор и остановились у подъезда. Третий попытался блокировать стоявшую на выезде в тени деревьев «вольво»... Вспышка еще. Грохот выстрелов из третьего джипа и...

Черный, с затененными стеклами «чероки» будто, приподняло на месте, алое пламя метнулось из бензобака, и автомобиль рванул! Оторванная дверца в наступившей после взрыва тишине с лязгом упала на асфальт. Из двух джипов у подъезда высыпали боевики. Один словно споткнулся, чуть приподнялся на носках и упал ничком. Другой – следом, только неловко, как-то боком...

Алена уже стояла рядом с Настей.

– Алька... – прошептала тихо Настя. – Да там война настоящая...

– Как говаривал Наполеон, неизбежная война всегда справедлива.

– Думаешь?..

– Да некогда уже думать! На войне как на войне! Пошли!

В подъезде было темно. Совсем. Аля поступила правильно: сначала осторожно заглянула в глазок, не увидев свет, выключила весь свет в квартире, глаза привыкли к темноте. Извлекла из комода две завалявшиеся там китайские петарды.

Подожгла запалы. Забросила сумку с вещами за спину. Спросила Настю шепотом:

– Готова?

– Да.

Осторожно, стараясь не шуметь, открыла дверь в коридор, зажмурилась и с размаху запустила туда карнавальные снаряды. Грохот, вспышки; Алена первой выскочила на площадку в наступившую разом темень; заметила, будто какая-то тень метнулась на площадку выше, ринулась следом... пока этот ослеплен вспышкой, у нее в темном подъезде преимущество: ей казалось, что она видит сейчас все, будто дикая кошка.

Внизу хлопнула входная дверь, грохнули выстрелы; нервы у того, кто побежал наверх, оказались слабее: вспышка выстрела, брызнувшая во все стороны у нее над головой известка – все это происходило для девушки как при замедленной киносъемке. Аля направила ствол

крупнокалиберного «малыша» на вспышку и плавно спустила курок. Руку подбросило вверх вправо, девушка замерла; услышала, как тяжелый металлический предмет гулко упал на бетон, не чувствуя ног побежала наверх. Наклонилась, подобрала чужой пистолет с длинным хоботом глушителя.

Крупное, лежащее в неудобной позе тело было похоже на выброшенный матрас; оно перегородивало путь, вокруг головы – темное пятно; еще девушка отметила, но как-то машинально, что правой стороны у этой головы будто нет вовсе. Аля перескочила через труп, словно через груды тряпья. Оглянулась. Настя замешкалась внизу.

– Быстрее! – крикнула девушка и не узнала своего голоса.

Подруга двинулась наверх. Грохочущие снизу шаги заставляли ее поторапливаться.

Едва не запнулась о лежащее тело, перескочила. Вбежали на четвертый.

– Открывай, живо! – скомандовала Аля, двумя руками сжимая пистолет, страхуя лестницу.

Настя открыла тяжелую дверь, ухватила девушку:

– Алька, со мной, в квартиру!

– Нет! Убьют обеих! Думай об Олежке! – толкнула подругу в глубь квартиры и грохнула бронированной дверью, услышав, как щелкнул автоматический замок.

Развернулась. Подняла чужой пистолет. Быстро отвинтила глушитель. Шаги спешили наверх. Преследователи были этажом ниже. Заслышав металлические звуки, замерли там, на площадке. Никуда не целясь, девушка нажала спусковой крючок. Еще.

Подъезд наполнился грохотом. Пули в темноте искрами чиркали о металлические прутья, с противным воем неслись куда-то, чмокали в штукатурку. Пистолет в ее руках плясал как бешеный, пока не застыл с откинутой назад рамкой. Девушка выпустила его из рук, и он грохнулся о бетон. Мягко поднялась еще на этаж, взобралась по лестнице; дверь на чердак, как всегда, была закрыта на проволоку.

Развинтила. Подняла тяжелую дверцу, прислушалась: в подъезде было тихо. Совсем тихо. Юркнула на чердак. Уже там услышала вой сирен и заметила проблески голубых маячков. Через слуховое оконце взобралась на крышку. Пробежала, скользя кроссовками, к четвертому оконцу. Набралась смелости, глянула вниз.

Милицейские машины, целых три, воя, въехали во двор, освещая все вокруг неровным голубым мерцанием.

Оба джипа, один за другим, устремились прочь через вторые ворота. Им никто не помешал; Аля вообще удивилась, что милиция приехала так рано: обычно они появляются уже после разборок, давая сторонам возможность забрать раненых.

Видать, грохот стоял нешуточный, или в каком-то из домов живет кто-то ихний, из начальства. Но нарываться на пулю никто из служивых не спешил.

Аля только фиксировала происходящее и ни о чем не думала. Мысль пойти и сдать свою родной милиции ей даже в голову не пришла: законопатят в какой-нибудь специнтернат, а то и в психушку!

Девушка вернулась на чердак, аккуратно спустилась в проем люка: в крайнем подъезде двери у чердака не было вовсе. Легонько сбежала по ступенькам.

Выглянула. Менты сустились у догорающего джипа. Они вдруг стали смелыми: во дворе объявились аж две решетчатые машины, из которых попрыгали бравые парни-омоновцы и с автоматами на изготовку побежали по всем подъездам дома; другие – рыскали по двору. Аля перевела дух. Тряхнула волосами так, что они рассыпались по плечам. Спокойно вышла и двинулась к лазу в бетонном заборчике.

– Эй! – крикнул ей кто-то. – Стоять!

Она оглянулась. К ней лениво двигался парень в камуфляже. Он разглядел, что перед ним девчонка, опустил автомат стволом вниз.

– Дяденька, у меня тут кошка потерялась, Мурка! – сказала она громко. – Пропадет, жалко!

– А ну, марш домой! – гаркнул парень. – Живо!

– Я шас, я мигом! – произнесла девушка, наклонилась, забросила в дырку сумку, потом юркнула сама. Быстро сбежала с горки в тень деревьев и понеслась стремглав, словно полетела.

– Эй, девка! – крикнул омовец, просунув голову в лаз. Сам он пролезть туда не смог бы и без бронежилета. Да и... Малахольные все стали! И куда ее предки смотрят? Тут такая стрельба, а эта – кошку ищет... Хотя... Может, это и хорошо?

Додумать эту мысль он не успел. В голове что-то разорвалось, и парень боком упал. Маленький, будто подросток, человечек юркнул в лаз, спустился с горки.

Издалека заметил удаляющуюся девчонку и побежал следом. Скоро и бесшумно, словно тень.

А девчонка неслась в ночь и хотела лишь одного: пропасть в этой ночи, раствориться в ней, исчезнуть, чтобы ее уже не нашел никто и никогда.

Через четверть часа Крас был в полукилометре от места схватки. Выскочив из двора, прямо перед собой увидел автобус. Вскочил в него. Нет, он не трус. Просто из любой ловушки есть только одно спасение – бегство. Проехал девять остановок.

Усмехнулся про себя. Был двенадцатый час. Пассажиров в автобусе – не больше пятнадцати человек. Подгулявшие семьянины, возвращающиеся в «лоно супружества» в изрядном подпитии, две некрасивые тетки, семья с ребенком... Словно он, Крас, переместился не только в пространстве, но и во времени... Там – огонь, стрельба, проблемы, здесь... Здесь движение по маршруту. Людям только кажется, что живут они в одном времени, на самом деле – в разных. И свое время каждый себе выбирает сам.

Мужчина сошел почти на конечной, на самой окраине города. Перешел на другую сторону, проголосовал. К обочине припарковался первый же «грач» на стареньком «москвичке». Окинул цепким взглядом возможного пассажира. Приоткрыл дверцу:

– Далеко едем, уважаемый?

– Улица Щербатова.

– Неблизко.

– Не обижу.

– Сороковник.

– Идет.

«Москвичек» набрал скорость. Крас сидел откинувшись на спинку сиденья, прикрыл глаза, ощущая навалившуюся вдруг усталость. Итак, сработал самый дурной, самый непредсказуемый вариант. Вариант "2". Девка – подставная пешка в неведомой комбинации. Вот только.. Вот только где она научилась так стрелять?! И еще – голос. Голос знаком, в этом нет сомнения, только где и когда он. Крас, его слышал? Или он просто неумело моделирует ситуацию, и усталая память играет с ним злые, неумные шутки? Все может быть. Славно лишь одно. Против работают, и пропажа товара не есть результат его неряшливости или недоработки...

Ответственность другая. И прерогатива другого лица. Да и раз уж началась стрельба из всех видов автоматического оружия... Это война. Кто ее ведет против них? Служба безопасности? Местные «папы»? Пусть разбирается Лир. Как говаривал старик Ницше, хорошая война оправдывает всякое дело. А дело каждый себе выбирает сам. Как и время.

Глава 11

Позывной мобильного прозвучал скоро и требовательно. Автархан поднес трубку к уху.

- Снегов.
- Слушаю.
- Засада.
- Где ты теперь?
- В пути. У нас потери. Четверо убитых, трое раненых и обожженные.
- Это серьезно. Как скоро доберешься?
- Через двадцать – двадцать пять минут, если приключений больше не будет.
- Обойдись без них.
- Возможно, опустят усиление. Но мы успеем.
- Кто-то убит из ментов?
- Нет. Но каша крутая заварилась.
- Жду.

Автархан поморщился. Поспать сегодня не удастся. Совсем наоборот, будут проблемы. И их придется решать. Если менты действительно решат «поиграть мускулами» и введут план «Невод» или «Гарпун», всем придется несладко. И тогда Автархану нужно будет внятно объяснить Бене и Кондрату, что произошло. Если...

Если, конечно, все это не придумано одним из них. Хотя город и велик, империя всегда лучше, чем триумвират. Это понимает Кондрат, это понимает Бенья, это понимает и он, Автархан.

Мужчина встал, вышел из комнаты, спустился вниз. Пожилой уже человек, мощный, высокий, встал из кресла ему навстречу:

- Что-то плохо выглядишь, Порфирьич.
 - Старею. Тимофеич, сообрази мне чифирьку. Как ты Можешь. И сам могу, и братва учена, а как у тебя – ни у кого не выходит.
 - Сделаю. Что, молодежь опять что набедокурила?
 - Не спрашивай.
 - Да я не к тому.
 - Ты-то чего не спишь?
 - Сам знаешь, Порфирьич, бессонница.
 - И днем не спишь. Может, тебе снотворных хороших достать?
 - Баловство это.
 - Ты, старый, говорят, на церковь денег немерено перевел? А, Тимофеич?
 - Годы такие. Надо о душе подумать.
 - Да я не в упрек.
 - Понимаю.
- В ворота засигналили.
- Вона, легки на помине твои станишники, – отозвался Тимофеич. – Пойду отопру.
 - Там есть кому.
 - Это верно. Лады. Чифирек на костерке сварганю, по-хорошему.
 - Я пришлю паренька.
 - Давай.

Автархан поднялся к себе. Поговорить с Тимофеичем – это и был отдых. Тимофеич был старше Автархана лет на двадцать; грехов за ним как шелков, да и погоняло было под статью: Малюта. А вот поди ж ты! Пришло к нему вдруг какое-то спокойствие, словно ничего уже с

ним произойти не может. Хуже того, что уже было Старик потерял сон. Совсем. Но не выглядел изможденным. Постоянно что-то читает.

Тюремная привычка: не в столь уж давние времена воры сживали подолгу и успевали прочесть всю классику. Теперь старик ударился в философию. К жизни он и всегда относился со странной отрешенностью: она была, казалось, ему совсем недорого, и, как бывает в таких случаях, судьба берегла его. Или рок?

При усадьбе Автархана Малюта жил вроде как на пенсии; молодые, гордые своей крутизной, относились к старику как к безобидному чудаку, осколку давно канувшего прошлого. Но Автархан знал: Малюта – это на крайний случай, на самый крайний. Его преданность ему, Автархану, была безграничной; в их мире он знал все и всех, и притом, если Автархану понадобится, старик выйдет на любого зверя и возьмет его. Не силой, так опытом. На куски изрубит и собакам скормит.

Автархан поднялся к себе. Пацан принес кружку с чифирем. Почти сразу следом вошел Снегов. Не остывший от азарта, встревоженный.

Мужчина понял его состояние, произнес спокойно:

– Только не торопись. Люди не столько делают, сколько решают. Если решение неверное, все дела – псу под хвост. А нам этого нельзя. Мы никуда не торопимся.

Рассказывай спокойно. Выпьешь?

– Да.

Снегов встал, подошел к бару, налил себе глоток «Курвуазье», вдохнул аромат, медленно, не торопясь выпил. Постоял, смакуя вкус, вернулся к столу.

– Вот это французы умеют. – Закурил сигарету, выдохнул дым. – Я готов.

– Излагай.

– Рассказывать особо нечего. Въехали во двор, он там проходной, но большой, старый, литературные дома, сталинки послевоенные. Две машины пошли к подъезду. Я во второй. В уголке, под деревцами, «вольво» томится. Фары высветили – мужик за рулем. Чего сидит по эту пору? Я приказал братве: разберитесь. Третий джип, там были Карпуха, Соня, Слон и Киса, рванул к автомобилю. Блокировали. А мы уже у подъезда.

Сначала непонятка, мы не заметили: из «вольво» из «тишака» пальнули. Мы напряглись, когда пацаны уже в три ствола ту «вольво» полоскали... Как выяснилось потом, Соню сразу наповал, Карпуху зацепило крепко. Вот пацаны и развязались. Но ненадолго. «Чероки» на воздух взлетел.

– Гранатомет?

– Нет. Пуля в бензобак. Бронебойно-зажигательная. Откуда эта птичка залетела, определить – никак. Мы высыпали из машин. И тут Карпа – наповал, в голову.

Следом – Сему Маленького. Снайпер работал. Черт!

– Не нервничай, Сережа.

– Я не нервничаю. Только... Когда они успели засаду выставить?

– Это потом. Дальше.

– Дальше. А что дальше? Когда снайпер работает, да еще из тихого ствола. Пацаны растерялись. Я скомандовал: в подъезд, телку брать. Братва в подъезд ломанулась, и злые уже как черти, заведенные. Подымаемся на пол-этажа, а в подъезде – темень лютая; наверху, на втором! что-то ба-бах! И во вспышке этой – фигура стоит.

Пацаны, не примериваясь, из двух «калашей» полоснули. Но тот успел шмальнуть.

Сереге Карому маслину в лобешник загнал. Без вопросов. Понятно, этого стрелка очередями на куски порубили. Я – наверх, Калека и Бутик – за мной. Там тоже выстрелы. Потом стихло. Потом девка кричит что-то другой. Торопиться ребята не стали: уж очень пули густо летали. Я их и не торопил: два ствола в обе руки и сам рванул. Через мужика перешагнул, кто-то его только-только свалил, теплый. На четвертом вроде дверь грохнула, я как раз подни-

мался, и тут... Стрельба как на полигоне! Залег. Вокруг пули как шмели; от перил рикошетят, от дверей стальных.

Как не зацепило – сам не знаю!

Тут говорильник запищал, Андрюха Деверь, что на вассере остался, сообщает; мусора. Да клал бы я на мусоров, только он добавил: и две машины ОМОНа подтягиваются. Ну, бля! С этими уродами в такой ситуации...! Думаю, положат всех из «калашей», как бобиков, и фамилию не спросят. Велел пацанам: уходим. Ушли.

Слава Богу, снайпера уже не было. Ушли чисто. Пока мы по подъезду танцевали, пацаны раненых подобрали. С «чероки» номера успели убрать. Да, номер «вольво» я срисовал, только, думаю, без толку это, раз такие гнилые расклады. – Снегов прикурил сигарету от бычка, закончил:

– Такие дела...

Автархан сидел недвижно, закаменев лицом. Только произнес:

– Да. Дела. Еще выпьешь?

– Нет.

– Надо выпить. Тебе надо. Снегов пожал плечами. Подошел к шкафу.

– Водки полстакана, сразу, – посоветовал Автархан. Сергей налил, маханул, облизал губы. Выругался.

– Теперь присаживайся. Поразмыслим. – Немного! помедлил, спросил:

– Сам-то что думаешь? По горячему?

– Дурак я. Чего теперь-то думать? Столько пацанов!

– Всяко бывает. А думать... думать невредно никогда. Хотя ты прав, порой поздно.

Нам с тобой пока не поздно. Пока. Ты понял?

– Извините. – Снегов тряхнул головой, собрался. – Я понял.

Глава 12

Автархан думал. О том, что теперь непременно придется известить Беню и Кондрата. Как и о том, что им придется выложить не только всю правду, но и факты. Которых нет. Решить все одним рывком не получилось. Снегов с парнями нарвался на засаду. И чтобы выяснить, кто стоит за рюкзаком героина, необходимо хоть что-то знать.

Кое-что есть, но это – слезы. Пока Снегов катался, Автархану принесли результаты анализа зелья. Героин невероятно высокой, бесподобной степени очистки. Он снова входит в моду. Особенно на Западе. И в Штатах. А это означает... В рознице три с лишним килограмма такого товара будет стоить миллион. Что это еще означает?

Только одно: те, что произвели этот товар, готовились переправить его на Запад.

Они работают не одни. Княжинск для них – или только место транзита, или... Или место переработки сырья. И делиться они не хотят. Ни с кем. Ну что ж... Это можно понять. Кто захочет делить такой куш? Никто.

И эти ребята не воры. Не законники. Они похерили все понятия, работая на чужой территории. Ни один законник так делать бы не стал. Опасно: концов потом не развести даже на толковище.

Вывод: необходимо найти лабораторию и исполнителей. Свои каналы на Запад он, Автархан, разыщет. Наркотики – очень хороший бизнес. Упускать его неразумно.

Конечно, потери... И уже есть, и еще будут. Ну да без потерь не бывает. Потери спишутся. Такова жизнь. И еще: нужно найти головку. Тех, что руководят. Это сложно, но осуществимо. И списать всех. Без этого чувствовать себя спокойно нельзя.

И конец от этого клубочка пока один. Девчонка. Глебова Елена Игоревна, 1980 года рождения. Или около того. Вот именно. Около того.

Автархану принесли все, что удалось накопать на эту пацанку. Глебова Елена Игоревна. Родители неизвестны. Фамилию и отчество дали в детдоме. Какой-то провинциальный городок в России. Возраст. Записано: семнадцать лет. Что еще? Вот это интересно: мастер спорта по пулевой стрельбе из малокалиберного пистолета.

Входит в юниорскую сборную.

Стройна, очень хороша собой. Хотя не красавица в принятом смысле. На жизнь зарабатывает моделью. Совсем немного. Плюс стипендия от спорта. Тоже невеликая.

Живет одна. В четырнадцатилетнем возрасте была взята из детдома Николаевой Вероникой Павловной и привезена в Княжинск. Веронике Павловне никакой родней не приходится. Бабулька девочку удочерила: бумаги оформили необычайно скоро.

Почему? Ага! Николаева работала в райсобесе и когда-то в паспортном столе. Все свои, пошли навстречу. А затем бабушке это было нужно? Чтобы не быть одинокой?

Или она пристраивала девочку для кого-то? Или для чего-то? Любопытно... Свой трудовой путь Николаева начинала в МГБ. В сорок шестом году.

Нет! Тут сам дьявол ногу сломит! При чем здесь сорок шестой год? Пустое мудрствование. А всякое пустое мудрствование от лукавого. Хотя... Еще такой вариант: девку подставили ему намеренно. Отдел по борьбе с оргпреступностью или служба безопасности. Правдоподобно? Нет. Девчонку могли, а вот три кило героина – вряд ли. Они ведь потеряли его, совсем. За это по головке не погладят. Могут полететь не только погоны с оперов, но и папахи. А своими папахами генералы дорожат куда больше, чем чужими головами. Факт.

Пока одно ясно как день: девчонка – единственное известное звено цепочки.

Поэтому ее нужно найти. Чего бы это ни стоило. И – как можно быстрее. Размножить фотографию, напрячь всех барменов, таксистов, «грачей», квартиросдатчиков, прирученных

мусорков. Всех, кого возможно. И невозможно. Главное – найти девку быстрее. Чутье подсказывало, что в этом деле все решит время.

Автархан поднял трубку телефона и отдал необходимые распоряжения. Глянул на часы. Около двенадцати. Да, теперь все решит время. А время каждый выбирает сам.

* * *

Крас оказался дома около двенадцати. Вернее, в том месте, где он жил в этом городе. Седьмой этаж двенадцатизатяжки, «скромная» четырехкомнатная с холлом и двумя лоджиями. Над лоджией была намертво прибитая вошедшая в моду спутниковая тарелка-индивидуалка. Вот только работала она не только на прием, но и на передачу.

Мужчина замкнул за собой массивную, бронированную дверь, задвинул литой засов.

Прошел в кухню, вынул из холодильника початую бутылку коньяку, налил в граненый стаканчик, выпил, поморщился, повторил. Дождался, пока умиротворенное тепло разольется по телу... Сел в кресло, закурил. Почувствовал, как ласковая волна коснулась мозга, сглаживая очертания комнаты и расслабляя натянутые, будто тетива лука, нервы... Вот так, хорошо. Все хорошо. И будет очень хорошо.

Встал, пошел было в другую комнату, но задержался у зеркала. На него смотрел молодой, крупный, хорошо одетый мужчина. Никакого шрама. Только если приглядеться, если очень приглядеться. Если знать. Он хотел уже отойти от зеркала, как вдруг вспомнилось из Андрея Белого: "Может быть, я и был красив..."

Слишком. На грани безобразия. И это я уже... чувствовал... урод уже проглядывал сквозь красавца, истерически ломаясь и хихикая".

Черт! Забыть об этом! Забыть! Чертова девка! Мужчина представил ее снова, нагую, связанную, незащищенную... Нужно было... Нужно было еще там, в «Юбилейном», ее кончить и положить рядом с Диной! Тогда бы не было этого щемящего чувства, будто бы она расплосовала ему лицо! Или такая, как она, жалкая, чувственная сучонка!

Все они суки, всех их надо лечить одним лекарством – плетью. И не ласковой, сплетенной из шелка веревочкой, которую так любят мазохистки, а настоящей плетью, нагайкой, разрывающей нежную девичью кожу, срывающей хлестким ударом куски плоти, красящей этих похотливых шлюх в цвет, который они так любят, – цвет крови... Черт!

Крас вернулся на кухню, взял бутылку, налил себе полный хрущевский, жадно заглотал, дергая кадыком, но остановился, не допив половину. Нет. Так нельзя.

Нужно «разобрать полеты». И еще – предстоял разговор с Лиром. Да. Это главное.

Разговор с Лиром. На него нужно настроиться.

А пока – дела текущие...

Крас прошел в другую комнату. Аппарат, стоявший под столом, был довольно компактен. Мужчина набрал простенький шифр; включил позывной. Увидев, что зажглась зеленая лампочка, произнес в трубку:

– Я – первый, вызываю второго, третьего, четвертого, пятого...

– Второй слышит первого.

– Третий слышит первого.

– Шестой слышит первого.

– Докладывайте.

– Я – второй. Открывать огонь без приказа не собирался. Но как только джип блокировал вашу машину, заметил вспышки выстрелов и открыл огонь по автомобилю на уничтожение.

Второй замолчал, ожидая оценки своих действий.

– Вы поступили правильно, – коротко бросил Крас.

– После взрыва открыл огонь на уничтожение по объектам у первой и второй машин, – продолжил тот. – Результативно. Был предупрежден Наблюдателем о приближении патрульных машин ППС. Штатный вариант ухода. Сейчас на объекте "С". Все прошло чисто. Жду указаний.

– Вас понял, второй. Готовность по варианту "М".

– Есть.

– Конец связи.

– Конец связи.

– Я – третий. В моем секторе ничего не произошло. Получив сообщение Наблюдателя, провел штатный вариант ухода. Сейчас на объекте "В". Все прошло чисто. Жду указаний.

– Вас понял, третий. Готовность по варианту "М".

– Есть.

– Конец связи.

– Конец связи.

– Я – шестой. Никаких посторонних звонков или переговоров по номеру объекта не зафиксировано. Разговоры в оперативном эфире записаны... э-э-э... по мере возможности.

– Что значит – по мере возможности?

– Аппаратурка слабенькая. У тех ребят, что подрулили на джипах, уровень защиты переговоров выше, чем... Пробить его на имеющейся аппаратуре не удалось.

– Понял. Дальше.

– Все. Сейчас на объекте "А". Жду указаний. – Готовность по варианту "1".

– Есть.

– Конец связи.

– Конец связи.

Крас задал нужную волну, подождал, пока передатчик автоматически подстроится.

Как только зажглась зеленая лампочка, произнес:

– Первый вызывает Наблюдателя.

– Наблюдатель слушает первого.

– Докладывайте. Главное, что с объектом Кукла?

– Объект контролирую.

Мужчина почувствовал себя так, будто с ног его сняли пудовую гирю. Или тазик с цементом. В каком-то гангстерском боевике он видел: мафиози топили своих коллег, предавших или просто перешедших дорогу главарю, в океане, предварительно побеседовав с пристрастием или беспристрастием... Потом связанному, сидящему на стуле человеку ставили ноги в тазик, заливали цементом и ждали, пока застынет.

Час, другой, третий... Изощреннее казни не выдумали даже китайцы!

Шло время, с приговоренным мило беседовали, даже шутили, предлагали виски или сигарету, вспоминали об общих женщинах... А он ждал. Ждал! Нет, не того, когда застынет цемент! Он ждал, что Дик, Пол или Глен, с которым и выпивали, и одних баб трахали, и с фэбээровцами стрелялись из «томпсонов», вдруг... простит.

Отменит приказ. Простит...

И даже когда уже выволакивали из теплой, уютной каюты богатой яхты, и когда тащили к борту, и когда ставили на самом краю – надеялся: сейчас, сейчас! Пока палач не подталкивал тихонько тяжеленький тазик... И тогда – дикий, нечеловеческий крик рвался из горла, чтобы разом захлебнуться в соленой, режущей, как пила, воде, разрывавшей легкие...

...Это не воспоминание даже, представление мелькнуло в голове Краса за долю секунды; он почувствовал, что промок насквозь от пробившего его разом горячего пота... Прохрипел:

– Где она?

– На юго-востоке города. Бегают как газель. Еле угнался. Мужчина отвернулся от микрофона, несколько раз глубоко вздохнул, стараясь выровнять дыхание.

– Хорошо, Наблюдатель. Докладывайте по порядку. Больше ничего обнадеживающего человек Красу не сообщил. Что произошло со вторым и третьим, что с Шаламом...

Хорошо, хоть не потерял девчонку. Это козырь. Если и не в игре, то в разговоре с Лиром точно.

– Вызови автомобиль.

– Уже сделал.

– Ты сможешь повязать девку? Наблюдатель помедлил.

– По обстоятельствам. – Снова помедлил, произнес:

– Она не так проста.

– Это я уже понял. Хорошо. Главное – удержи ее под наблюдением. Любой ценой. До связи.

– Есть.

Наблюдатель отключился.

Крас закурил, задумался. И так, четвертый и пятый на связь не вышли. И сведений о них Наблюдатель не дал никаких. Или убиты, или... Второе хуже. Много хуже. И еще – Шалам. Если его захватили органы, да еще простреленного... Они вполне могут найти способ его разговаривать. А это совсем скверно. Дьявол! Как плохо работать со связанными руками! В Москве он, Крас, уже отдал бы необходимые распоряжения, и Шалама не стало бы в течение часа. До того, как он сможет сказать хоть что-то.

А здесь... Ладно. И это теперь забота Лира.

Крас вышел, походил по комнате, настраиваясь на разговор. Лир – человек слишком серьезный, чтобы ему врать. Фальшь он чувствует как дирижер неверно взятую ноту.

Нужно взять ту ноту, которую он оценит.

Мужчина сел в кресло, спокойно, не торопясь, выкурил сигарету. Он был совершенно спокоен. Сел за компьютер. Кратко изложил все, что произошло. Отбил: «Оценка».

Подумал. Да, это вернее всего. Вариант "2". Это Лир поймет лучше и быстрее, чем что-либо другое.

Перечел написанное. Можно было бы лучше. Но не нужно.

Включил наивысший уровень защиты: если это сообщение и перехватят, расшифровать его смогут лет через сто.

А сто лет – это век. Другой. Кому тогда это будет нужно и зачем, неведомо.

Набрал необходимые шифры, дождался, когда зажжется зеленая лампочка, и нажал «ввод». Система выстрелила сжатый до микросекунды сигнал в ясное ночное небо.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Неожиданно вдруг Крас снова почувствовал себя так, будто ноги ему уже обложили цементом... А что, если Лир не выйдет на связь с ним; что, если он уже отдал фатальный приказ, и через несколько часов – или минут? – появятся некие люди и... О, легкой смерти от Лира ожидать не приходится.

Когда прозвучал зуммер вызова, Крас снова весь покрылся потом, будто в сауне.

Поднял трубку:

– Крас.

– Лир. Ну здравствуй, Красавчик. При этом слове мужчину передернуло, но он только плотнее сжал губы.

– Прочел твой опус. И знаешь, что я тебе скажу, как писатель писателю?

– Я слушаю, Лир.

– Уж очень у тебя все складно. Прямо разработка совбеза, да и только. А попроще глянуть?

– Я попытался изложить только факты...

– И удобную для тебя версию. А, Красавчик? Не слышу!

– Я старался быть максимально объективным.

– Ладно... – металлически прозвучало в трубке. – Все это словеса. Пустой звук.

Метафизика. Буду завтра сам. Если упустишь концы – твоя печаль. Понять мне это будет сложно. А простить и вовсе нельзя. Ты понял?

– Я понял, Лир.

– А вот это хорошо. Ну да ты всегда отличался сообразительностью. Когда речь шла о смерти. О твоей смерти, Крас. – Человек на том конце провода замолчал. Наконец в трубке прозвучало:

– Жди.

– Вас встретить, Лир?

– Не маленький. О себе позаботься, Кра-сав-чик! И об этой крале... Глебовой Елене Игоревне... Лучше всего, если она уже будет на объекте "А" дожидаться нашей с ней беседы... Да, Красавчик! И не вздумай с ней экспериментировать, как ты любишь! Иначе это будет твой последний эксперимент в интимной сфере... Нечем будет опыты проводить, Фарадей... – Голос закрипел словно ножом водили по ржавому железу, и Крас догадался: Лир так смеется.

Связь прервалась.

Мужчина перевел дух. Прошел на кухню, налил коньяку в стакан до самых краев и выпил, умудрившись не пролить ни капли. Присел на табурет, чувствуя, как блаженное отупение обволакивает мозг.

Да. Теперь оставалось ждать. Только ждать. Потому что... Лир есть Лир. Наступило время иных приоритетов и иных действий. Сейчас ему нужно только одно: подумать, как выжить в этом новом времени.

Глава 13

Сколько времени она бежала, куда, зачем, Аля совершенно не понимала. Как не понимала, где теперь находится. Остановилась только в безымянном скверике, где было абсолютно темно. Не скверик даже, бывший сад со сгоревшей танцплощадкой, огороженный неким подобием забора. Видно, кто-то решил использовать место под стройку, да пока не находилось или времени, или денег, или того и другого.

Девушка набрела на остатки лавочки, присела, вздрогнула разом: ей показалось, что там, в темноте, кто-то стоит. Ватное, похожее на матрас тело того, кого она... застрелила. Застрелила. Убила. Насмерть.

Тошнота накатила внезапно, как припадок. Алю вывернуло наизнанку, она стояла на четвереньках, а желудок все сводило и сводило судорогой. Девушка подвывала, как маленький бездомный щенок, потом повалилась боком на землю, свернулась клубком.

Теперь ее была истерика. Она кусала землю, царапала ее, кричала в голос, но все звуки терялись в лабиринтах брошенного людьми сада. Как и она сама.

Потом начался кашель. Наверное, слюна попала в дыхательное горло или земля, и Аля судорожно пыталась выплюнуть эту грязную слизь. Желудок снова свело, и она почувствовала внезапно, вдруг, нет, не облегчение – безразличие. Ко всему этому жестокому миру, к своему пребыванию в нем, к себе самой.

Словно все происходило не с нею, сознание регистрировало это происходящее как бы со стороны, оценивая только создавшуюся ситуацию; душа спала и не искала выхода из этого сна.

То, что произошло, вдруг показалось ей приснившимся. Темный подъезд, вспышки выстрелов, запорошившая ее известка, лежащее недвижно на ступеньках тело... Это было, но не сегодня, не с ней...

Девушка огляделась. Метрах в ста, сразу за садом, стоял дом. Темный двор, спящие окна. И никому до нее нет дела. Никакого дела. Она так жила всю жизнь. А если появлялись люди, которые ее любили или просто относились к ней по-доброму, они умирали. Почему так? И зачем так жить? И стоит ли?

Ей было совершенно безразлично, что будет с ней дальше. И будет ли вообще.

Странно... Как только она, казалось, вошла в этот мир, мир подиума, мир, полный сверкающих одеяний, уважаемых мужчин, уверенных в себе женщин, как жизнь сыграла с ней шутку... Очень злую шутку... Или она совсем не нужна этой жизни, она лишняя?... И вместо того, чтобы уйти, цепляется, мечется, чего-то хочет, на что-то надеется... Надежда умирает последней? Вот уж нет. Надежд у нее не было никаких. Ни на кого и ни на что.

И еще... Ей вдруг почудился запах земляники. И леса. Запах хвои, запах перепревших листьев, запах близкой земли и будущего, скорого снега... Она это чувствовала так близко и реально!.. И что еще? Вспышки выстрелов, темная, безлунная ночь... Какая-то трава путается в ногах, а она бежит, бежит, бежит...

А потом – огонь. Но не тот, который греет, – огонь уничтожающий и пожирающий, с желтыми звериными зрачками, огонь страшный. И еще лицо. То самое лицо, со шрамом, похожее и непохожее... Языки пламени пляшут в черных, как бездна, зрачках, человек со шрамом указывает на нее пальцем, кричит что-то, она этого не слышит... Совсем не слышит... Бежит со всех ног, путается в высокой траве, стебли больно хлещут ее по лицу, она падает и замирает. Пропало все. Те, кто ее преследовал, тоже... Только лес. И запах хвои. И запах земляничного листа, и травинка, щекочущая ей ноздри, и плюшевый медвежонок, прижатый к груди...

Аля подняла голову, в страхе огляделась по сторонам. Нет, все то же: запущенный сад, дом с пустыми глазницами окон... Ночь. Холодная, стылая. Тогда было теплее.

Стоп! Когда – тогда? Или она действительно сходит с ума? Как ее пытались убедить в этом там, в психушке, когда она, как дура, рассказала свои видения заведующему отделением. Он слушал внимательно, сочувственно кивал, запуская пятерню в бороду... Чистенький, гладкий, с проплешиной, похожий на злого гнома в этом своем белом халате, с пальцами, волосатыми, как у животного... Вот это уже было взаправду, но вспоминать это было неприятно и мерзко. Девушка еще раз тряхнула головой, мир снова словно сфокусировался. Где-то она читала...

Ночь, улица, фонарь, аптека...
Бессмысленный и тусклый свет.
Пройдет еще хоть четверть века,
Все будет так. Исхода нет.
Исхода нет... исхода нет...

Аля наклонилась к сумке. Вынула пистолет. Просто... Уйти просто... Всего-то нужно – плавно, нежно повести крючок... И потом – ничего. Совсем ничего.

Внезапно она услышала, словно наяву, чей-то смех, говор... И еще – голос. Такой знакомый. «Ехала машина темным лесом за каким-то интересом... А в машине сидела девочка Аля. И у нее был мишка Потап. С виду он был плюшевый, а на самом деле живой и умный. Когда-то злой колдун Карачун набил его опилками и заставил танцевать для потехи...»

– Ехала машина темным лесом за каким-то интересом... Мишка Потап... Злой колдун Карачун... – прошептала девушка одними губами.

Она закрыла глаза, чтобы увидеть лица, но не смогла. Только голоса... Ведь были же у нее мама и папа... Почему, почему она ничего не помнит? И почему жизнь так несправедлива к ней?..

Аля посмотрела на пистолет, зажатый в ее руке... Что на нее нашло такое? Она...

Она чуть не убила себя!

Девушка тряхнула головой, выдохнула. Нашла в сумке сигареты, прикурила. Голова закружилась, но вкус никотина перебил какой-то солено-металлический привкус во рту. Еще раз осмотрела оружие. Отщелкнула обойму. Красивая все-таки игрушка.

Нужно только к ней приноровиться. И еще... Оставить один патрон. Для себя.

Попадать к этому Сиплему живой после всего... Нет! Последний патрон она оставит для него! Но... Где же все-таки она его видела раньше?..

Снова оглядела пустой сад. Какой-то он жуткий. И вовсе не лес. Все, что люди забыли, бросили, будь то дома, сады, погосты, населяют какие-то тени. Совсем не добрые тени. Нелюдь. Нужно уходить отсюда. Немедленно.

Тьма казалась материальной. Девушка встала и пошла туда, где, как ей представлялось, находится шоссе. Шла спокойно. После всего пережитого встреча с каким-нибудь маньяком-мастурбатором показалась бы ей просто-напросто невинной шуткой.

На окраине сада заметила колонку. Старая, ржавая. Но из нее тоненькой струйкой бежала вода. Аля сразу почувствовала, как сухо в горле, будто туда горстями напихали жесткого, как наждак, песка. Она подошла, прополоскала рот, горло, но пить не стала – уж очень привкус болотный! «Не пей из лужицы, козленочком станешь». Потом умылась. Достала косметичку, зеркальце. Казалось, от лица остались одни глаза. Огромные, опушенные густыми ресницами. И губы. Сжаты так плотно, будто она боится сказать что-то невероятно тайное. Если бы так!

Порылась в сумочке. Денег было немного, но достаточно. Вышла на шоссе. Подняла руку. Затормозила первая же машина.

– Куда спешим, красавица? – осведомился веселый и бодрый водитель «жигуленка».

Для него рабочая ночь только начиналась.

- Уже никуда, – спокойно произнесла Аля. – В центр подбросите?
- Такую красотку – даже даром.
- Даром не нужно. Себе дороже станет, – Обижаете, девушка. Разве я похож на сексуального маньяка?
- А разве я похожа на ночную бабочку?
- Вообще-то нет. Забирайся, чего зря стоять. Говорю же: подвезу бесплатно, все равно в центр еду.

Бросил быстрый опытный взгляд на пассажирку, заметил и синеву под глазами, и красные, чуть припухшие веки...

- С парнем поцапалась?
- Ага. И не с одним.
- Не переживай, красавица. Не стоим мы этого.
- Да? А чего стоите?
- Любви.

Девушка сжала плотнее губы:

- А вот в это я не верю. Совсем. Водитель пожал плечами:
- Жизнь длинная. Даст Бог – еще встретишь. Всему свое время.

Автомобиль тронулся, набрал обороты. То, как за ним на почтенном расстоянии двинулся другой, Аля не заметила. Не заметил и водитель. Нажал клавишу магнитофона, и в салоне зазвучала песня:

Для меня нет тебя прекрасней, Но ловлю я твой взор напрасно – Как виденье, неуловимо
Каждый день ты проходишь мимо, А я повторяю вновь и вновь:

Не умирай, любовь... Не умирай, любовь... Не умира-а-ай, любовь...

Автомобиль мчался на предельной скорости. Аля смотрела в темное ветровое стекло; время от времени блики неживого люминесцентного света падали на ее лицо. Да. Ей нужно пересидеть эту ночь. Пережить. Но не одной. Нужно туда, где люди. Свет и много людей. Настоящий свет.

– Куда подрулить, лапуля? – отвлек ее водитель от невеселых мыслей. – Центр маленький, особенно на колесах. Свет и много людей...

– К «Валентину».

Ого! – только и произнес водитель, оценив респектабельность места. – Это я зря с тебя деньги не запросил!

- Да есть у меня деньги, расплачусь.
- Не разбираешься ты в людях, барышня. Шучу. На чашку кофе в этом паноптикуме хоть хватит? А то одолжу. Безвозвратно.
- Хватит, – улыбнулась Аля. – И даже на мороженое останется.
- Много не ешь, горло заболит... А ты действительно красивая. Не влетишь? А то – только скажи: к папе с мамой вмиг доставлю.
- Это вряд ли.
- Хозяин барин. А хозяйка в таком случае – барыня.
- Извините... Одна маленькая просьба...
- Да хоть две!
- Можно я... Можно я переоденусь в вашей машине? А то у меня наряд – совсем не для «Валентина».

– Конечно, зайка.

Девушка перебралась на заднее сиденье, стянула джинсы, нашла в сумочке колготки и коротенькую юбку-эластик, надела; кроссовки сменила на туфли. Заметила, что водитель поглядывает на нее в зеркальце. Спросила:

– Ну как?

– Отпад. С такими ногами, милое дитя, можно жить или хорошо, или очень хорошо.

– Мне кажется, вы порой хотите казаться циничнее, чем на самом деле.

– Это я от смущения.

– Вы верите, что я не...

– Верю. Такая красивая девчонка может убедить кого угодно в чем угодно. Если ты скажешь, что земля плоская, то у меня и сомнений никаких не возникнет. Плоская – значит, плоская.

– Нет, правда... Просто... Мне совсем нельзя сейчас домой. – Аля не знала, зачем говорит эти слова. Наверное, потому, что водитель был хороший. И ей хотелось...

Ей хотелось, чтобы она тоже осталась в его памяти не как ресторанный шлюшка... – Мне нужно просто побыть среди людей. Там, где светло.

– Я понимаю, девочка. Не грусти. Все перемелется – мука будет. Удачи.

– И вам тоже. Спасибо.

Аля вышла из машины и направилась к дверям заведения. Водитель вздохнул, щелкнул клавишей магнитофона.

Подумал я вслед – травиночка, Ветер над бездной ревет. Сахарная тростиночка, Кто тебя в бездну столкнет, Чей серп на тебя нацелится, Срежет рост-о-ок... – зазвучало из открытого окна автомобиля. «Жигуленок» развернулся и умчался в ночь.

Девушка шла к освещенному входу так, словно ступала по натянутой над пропастью проволоке. Она не думала ни о чем. Свет – вот что ей сейчас было нужно. Свет, и ничего, кроме света.

Часть вторая ГРУСТНЫЙ СОЛДАТ

Глава 14

Предают только свои. Мысль не новая, но от этого не легче. Или люди просто меняются со временем? Мы продолжаем считать их своими, а это другие. С тем же лицом, с тем же голосом. Ну да... Лицо меняется, а голос почти нет. Сколько бы времени ни прошло. Вот мы и ошибаемся. А люди... Словно их подменили на похожих, на чужих. Странно... Ты нужен людям, когда им плохо. Когда им становится хорошо, им не до тебя. Они тебя избегают. Как заразного. Особенно если тебе не везет.

Или просто невесело. Хотя и это понятно. Всем нравятся богатые, веселые и здоровые. Никому не нужны бедные и грустные. «Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться...»

Нет смысла оставаться... И негде.

Дома он находиться не мог. Вернее, дома у него не было. Так, жилище. Или обиталище. Нечто на «ще». Пепелище.

Два года он жил так. Сотни мелочей здесь напоминали ее, ее прежнюю... И еще то, как он был счастлив когда-то. А хуже всего... Хуже всего, наверное, то, что он уже не сможет любить. Он не сможет любить так, как любил ее. Никого и никогда.

Мужчина без любви – калека. А женщина? Женщина без любви – это даже не женщина, а просто существо никакого рода и никакого племени. Женщина – это или любовь, или никто. И ничто.

Любовь... Иписаны сотни, тысячи, миллионы страниц... «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно...» Все просто: постепенно она стала другой. Обособленной от него. Чужой. Наверное, ее тяготила его преданность. Или зависимость от него?

Такая вот странная закономерность: люди больше любят тех, кому помогают, чем тех, кто помогает им. Не все, но многие. Слишком многие. Может быть, благодарность кажется им чем-то унижительным? Гордыня бунтует. И ведет человека в омут. В бездну. Сначала... Сначала падение кажется просто яркой, расцвеченной огнями новогодней ледяной горкой, а потом... Снизу, из тьмы, выбраться вверх уже непросто. Особенно если нет ни сил, ни желания. И сотни, тысячи, миллионы индивидуумов остаются там, в самом низу, трактуя свое безволие и трусость как избранность непонятных. И катятся ниже. За край. Туда, откуда вернуться в люди уже нельзя.

Мужчина потрянул головой. Мысли бежали, будто дрессированные лошадки по кругу...

Все мы – пленники стереотипов. Каждый – своего. Как в той песне?

Кони бывают серые, кони бывают розовые, Кажется, каждый может выбрать по вкусу коня.

Но... кони меняют масти, могут наездника сбросить, А это людей тревожит: его, тебя и меня.

Вот почему кони алые, с огненно-рыжими гривами В дикой степи несутся вольно, без седоков...

Просто нам всем спокойнее, не торопясь, с перерывами, Ехать тихонько по кругу на розовом пони верхом.

Она тогда сказала Гончарову: «Не переживай».

Нужно пе-ре-жить. Перейти через эту жизнь в другую. Какую, он еще не знал, но в другую. Чтобы выжить. Выбери себе жизнь – и живи.

Мужчина наполнил бокал до краев и выпил до дна. Здесь вам не тут, как говаривают комментаторы нашей сорвавшейся с резьбы жизни. Хлобыстать бордо урожая семьдесят второго года фужерами, как воду... Там бы сочли за глупца или в лучшем случае за чудака. Там такую бутылку демонстрируют всем, чтобы, так сказать, предвкушали.

Там...

Да черт с ними и ихним «там»... Много у них действительно хорошо – хотя бы то, что любая склянка с пойлом выглядит так же красиво, как и на рекламной картинке... А вот по душам поговорить просто не с кем. И не о чем.

Жизнь замкнута рамками карьеры, бейсбола и хобби. Может это и хорошо. Но очень скучно.

У нас... Прямо по писаниям Льва Николаевича Гумилева – пассионарии всех типов и рангов столбят свое место под солнцем. И умирают, скошенные огнем разборок, ранними инфарктами, депрессиями... На их место заступают другие: умные, осторожные, интеллектуальные. «Мы со вторых печатаем портреты, хоть в этом, право, и не их вина...» Все нормально: нужно было встряхнуть этот гниющий муравейник, называемый «развитым социализмом». Встряхнули, как водится, в самом российском варианте. «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Мужчина долил остатки вина, сделал знак официанту. Ни официант, ни метр ничему не удивлялись. Хочется клиенту утолять жажду коллекционным вином по четыреста долларов за бутылочку? Да с нашим удовольствием, да хоть чайными стаканами, да хоть... Вольному – воля!

Официант вырос у столика:

– Еще бордо?

– Водки, – коротко бросил мужчина.

Он все ждал, когда комок в груди хоть как-то рассосется... На это способна только водка. Потом... Потом, когда комок растает, можно брести в свой грустный пустой дом. «Дома ждет холодная постель...» И добрать. Чтобы не было так холодно. Чтобы до полной черноты... Чтобы назавтра проснуться в скудной бездарности нового настоящего и ничего не желать... Нового? В сорок начинать жизнь сначала? Где оно, это начало? Все свое мы носим с собой. Всегда.

– Какую предпочитаете? – Официант открыл карту.

– Выпью-ка я померанцевой... Она полезная, – вспомнил мужчина горьковского Булычева.

Официант продолжал стоять. Мужчина добавил:

– Пол-литра, конечно. Закусить – на ваше усмотрение.

– Копченый угорь, балык, лососина свежайшая, со слезой, икра...

– Давай всего понемногу и компот.

– Что, простите?

– Компот. Из сухофруктов.

Компот из сухофруктов. Его варили в больших котлах и оставляли на ночь на улице: днем стояла жара, а ночи в Афгане холодные; утром компот пили, зачерпывая кружками, – после анаши жажда была зверская, неутоляемая... И еще – компот был с запахом дома. Того, куда хотелось вернуться. Это было важно.

Вернулись только трое. Из тридцати... Все были молоды и хотели жить, но повезло не всем. Так уж устроено: везет не всем, не во всем и не всегда.

– Извините, но из сухофруктов... Можем предложить персики в сиропе, ананасы, ассорти...

– Черт с ней. Неси кока-колу.
– Слушаюсь. Горячее?
– Эскалоп. И много зелени. Только потом. Позже. А пока... – Мужчина улыбнулся невесело. – Помнишь анекдот? Заходят двое в кабак, заказывают семь бутылочек водочки. «А что будете кушать?» – «Вот ее-то, родимую, и будем кушать».

Официант вежливо улыбнулся и исчез. Запотевший графин с померанцевой объявился на столе почти сразу; два блюда, с мясным и рыбным ассорти, тоже. Накатить большую рюмку и предаться буйству плоти. Поедая мясное и рыбное. Бред эта жизнь.

И ничего, кроме бреда.

Года три назад он осознал вдруг: у него нет ничего, кроме денег. Сейчас легче.

Гораздо. Потому что денег нет тоже. И «семейная лодка» не билась ни о какой быт.

Просто времени обратить на него внимание не было. Нужно было работать. Пахать.

Не замечая ни дней, ни ночей. Он и пахал. И тогда все было если не хорошо, то сносно. Все развалилось потом. Когда материальные проблемы ушли. Стало сразу пусто и ясно. Ибо материя вторична.

Просто они перестали понимать друг друга. И начали говорить на разных языках.

Это как китайский и вьетнамский: восточные люди поют. И ритм есть, и мелодия похожа... А языки разные. И говорящие на них не понимают друг друга. Совсем. И не хотят понимать. Такие дела.

А он... Он любил свою жену. И верил. Верил, что все вернется, что она станет вновь такой, каких сейчас не бывает... Бред. Человек все себе придумывает сам. И счастье, и радость, и сказку. Когда сказка проходит, остается пустота. Полная. И пережить помогает только одно: в жизни сказки случаются куда чаще, чем можно себе представить. Правда, не со всеми. Только с теми, кто верит. Способность к счастью, как и способность к сказке, – внутри нас.

Хотя... Возможно, это тоже иллюзии. Вот только как решить, какой мир более иллюзорен: тот, что внутри нас, или тот, что вовне? Человек, взрослея, лишается иллюзий, жизнь отбирает их у него, одну за другой. Наверное, когда умирает последняя, умирает душа. Хотя некоторые при этом продолжают существовать. К жизни это не имеет уже никакого отношения.

А тогда ему, Олегу Гончарову, оставалось освободиться только от денег. Как часто бывает, ему помогли. С радостью. Брат жены влетел. В очень изрядные долги. А Гончарова даже просить не пришлось – он подставился сам. Как только он сделал это, то стал ей не нужен. Совсем. Она вспомнила, что жизнь прекрасна и удивительна. И ушла к другому. Тот казался ей веселее.

А он ждал. Год. Еще год. Работал как заведенный, но работа не клеилась. Он шел по инерции. На той крейсерской скорости, какую сумел набрать когда-то. Но без ветра в парусах Америки не достигнешь. Кортес не добрался бы уж точно. Да и какой он Кортес... Хотя...

Мужчина, любой нормальный мужчина – завоеватель. Главный вопрос, который серьезно его волнует, – это вопрос войны и мира. Овладения этим миром. Захвата его. Но... Разве можно покорить мир, если нет той, к чьим ногам ты смог бы сложить обретенные сокровища? Просто так, за один ласковый взгляд... Хотя... Как у Александра Сергеевича? «Я не люблю тебя, герой».

Пришло время, и его подставили. Круто. Он уже не удивился: это предательство было не первым в длинной цепи. Боливар – лошадка норовистая и своенравная, как и Буцефал: только для одного. «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех».

Вот и славно. В новую жизнь войти нелегко. Кредитка сегодня действует. Кредитка счета, которого де-юре не существует. Завтра, в десять часов утра, как только откроется банк, счет перестает существовать де-факто. Ну а сегодня... Сегодня он расплатится именно этими деньгами. И озадачит официанта чаевыми. Хорошими.

Смешно... Сейчас он как дервиш: все свое с собой. Весь капитал: пять зелененьких бумажек с портретом добродушного Франклина. Да и чего ему не быть добродушным?

Самый популярный мужчина на пространствах одной шестой земли... С названием кратким... Но содержательным.

А завтра... Да и... Стоит ли жить до завтра, если жуя такое дерьмо? Ведь уходить тоже лучше налегке. Лети как пух... «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей». Порой ему казалось, что он остался совсем один. Все его друзья подгадали уйти раньше. На той войне. Или после. Потому что война всегда.

«Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться...»

Нет... Завтра – это очень далеко. Так надолго лучше загадывать... Или завтра – это уже сегодня? Хм... Глубокая мысль... Как нас учит «Поляроид», великий и мудрый «Живи настоящим!»

А вот это правильно! Водочка уложилась на бордо классно. Только несколько смурно. Мужчина тряхнул головой. Теперь самое время для горячего. А то «сегодня» перестанет быть «завтра» и плавно перейдет во «вчера». А что было вчера? То же, что и позавчера: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет...»

Бессмысленный и тусклый... Тусклый и бессмысленный...

Мужчина посмотрел на стол. Водки осталось – на дне графина. Сделал знак рукой.

Официант материализовался немедленно.

– Подавайте, друг мой, горячее.

– Сию минуту. Еще водочки?

– Нет. Водки достаточно. Лучше коньяк.

– «Курвуазье»?

– Да. Маленький графин. И продумайте десерт.

– Сделаем.

За столиком на двоих Олег был один. И не желал ничьей компании. Ресторан постепенно наполнялся: он славился хорошей кухней, да и открыт был до пяти утра.

Отсюда можно было пройти на второй этаж, в казино или варьете. Да и в самом заведении было стильно: никаких полуголых девиц, никакого шума-гама от визжащих лабухов; группа музыкантов состояла всего из трех человек; фортепиано и акустическая гитара составляли основу программы. Да, третий музыкант был просто виртуозом: он импровизировал попеременно на трех саксофонах и деревянной флейте.

Очертания зала сделались зыбкими, мягкими. Бордо и водка и бордо... Просто стихи... Гончаров знал, что сидит здесь до утра. Возвращаться в пустую квартиру, в бессонницу или уходить в тяжелое глухое опьянение он хотел. Здесь был свет, и это главное. Свет – вот что ему о сейчас нужно. И ничего, кроме света.

Девушку он заметил сразу. Она вошла в сопровождении метра, готового выпроводить ее вон: проституток в этом с претензией на аристократизм заведении не жаловали.

Для был бар, тоже на втором этаже. Впрочем, иноземное слово «проститутка» к этим жрицам ночи подходило плохо – даже в сглаживающем вечернем освещении они выглядели теми, кем были: потаскухами.

Эта девчонка была не потаскуха. Она быстро, лихорадочно перебежала взглядом от столика к столику: все были заняты парами или компаниями. Встретилась взглядом с Гончаровым, робко улыбнулась, а глаза ее... Он никогда видел таких глаз.

Вернее... Такие были у Тани, когда еще не разучилась смотреть на мир с непреходящим удивлением, заставляя и его видеть свет и краски... Только этой девочки глаза были... Ну да... Уставшими. Смертельно.

Сразу вдруг он понял, зачем она здесь: ей не хотелось оставаться одной в ночи.

Ей хотелось света. Как и ему.

Он поднял руку и приветливо, словно старой знакомой, помахал девушке. Аля победно глянула на метра; тот принял ее вместительную спортивную сумку, а она двинулась к столику мужчины.

– Спасибо вам, – выдохнула девушка и спросила, присаживаясь и устраивая на коленях небольшую кожаную сумочку:

– Я очень помешала?

– Совсем нет.

Официант был уже рядом. Чиркнул спичкой, зажег перед девушкой свечу. Ненавязчиво помедлил...

– Пока – коктейль. Самый легкий из тех, что у вас есть, – не глядя на него, произнес Гончаров. – И карту вин.

– Вы понимаете, я не... – начала было девушка.

– Я вижу. Просто у меня особый вечер. И я хочу вас УГОСТИТЬ. Если вы не против.

– Я не против. – Девушка смотрела на скатерть остановившимся взглядом.

Произнесла только:

– У меня тоже особый вечер. Очень особый.

Официант был умен: с горячим не поспешил; коктейль и карта появились мгновенно; судя по всему, этот не очень молодой человек давно освоил все премудрости своей профессии, главной из которых была: сумей угадать клиента не скупого и готового легко расстаться с деньгами.

Девушка сделала глоток из принесенного бокала. Хотя коктейль и был совсем слабым, Аля, почувствовав на губах вкус алкоголя, попросила:

– А нельзя «спрайт»?

– Можно. Но нужно ли? Тем более если вечер особый? – спросил мужчина, выделив интонацией последнее слово.

– Нет. Не хочу.

В действительности Але очень хотелось выпить. Страшное напряжение, в котором она пребывала почти двое суток, стало тяжким, словно многодневная бессонница, когда человек уже не отличает сна от яви... Но она точно знала: стоит ей выпить хоть немного, и она разревется, разрыдается прямо здесь, а это может закончиться...

Да чем бы ни закончилось, расслабляться пока нельзя. Нужно пережить эту ночь.

Потом, днем, она найдет место, где отоспаться; к кому-то из девчонок она идти не хотела, чтобы не подставлять. Днем будет солнце, и тогда можно забраться на любой чердак и спать. Долго.

Подняла глаза на мужчину. Немолодой и очень усталый. Морщины у глаз. Но было в его взгляде что-то еще, кроме усталости. И это не неуверенность, нет...

Отсутствие наглой самоуверенности – вот что это. И грусть.

– Я вам действительно не помешала?

– Нет. Пить в благородном уединении – дело пустое. Не хочется, но надо.

– Почему?

Он пожал плечами, улыбнулся:

– Осень.

– И только?

– Помните анекдот? Приходит алкоголик к наркологу. На традиционный вопрос врача:

«На что жалуетесь?» – тот вскакивает, хаотично встряхивает руками: «Доктор, по мне постоянно ползают такие маленькие зеленые крокодильчики!» Врач вскакивает со стула, повторяя движения больного: «А что вы на меня их бросаете!» – Мужчина взял сигару закурил. – Зачем вам, милая девушка, мои «крокодильчики»? У вас своих мало?

– Как раз – с избытком. И они совсем не маленькие, – вздохнула девушка.

Официант снова материализовался и застыл рядом со столиком вежливым молчаливым изваянием.

– Так что заказать? – спросил Олег.

– Что-нибудь попроще, – произнесла Аля и тут только почувствовала, как проголодалась.

– Тогда... – Мужчина быстро указал блюда в меню официанту, и тот с достоинством удалился.

Через пару минут появился салат из крабов, красная икра в тарелочке, под которой в специальной посуде медленно таяли кубики льда. Несколько кусочков масла и блины, горячие, дымящиеся... В отдельной рюмке была принесена водка; рюмку официант поставил перед девушкой, рядом бокал со «спрайтом», в котором плавал пузырчатый лед.

– Вы все-таки заказали водку... – произнесла Аля.

– Да. Не обижайтесь, но, по-моему, вам сейчас просто необходимо.

– Может быть. Но я так устала, что, боюсь, сразу поплыву.

– Ну и попутного ветра. Плывите. Утонуть я вам не дам. И непременно закусите горячим блинчиком с маслом и икрой.

– Водку?

– Как говаривал профессор Преображенский, холодные закуски предпочитает только недобитая большевиками буржуазия. Человек понимающий оперирует закусками горячими.

Девушка улыбнулась. За ней так давно никто не ухаживал, что... Нет, приставать – приставали, это сколько угодно, а вот ухаживать...

– Спасибо.

Она взяла рюмку, выпила маленькими глоточками, не торопясь, положила масло на блинчик, сверху – икру, неловко поддела вилок, блинчик соскользнул и упал на стол.

– Ой! – Девушка посмотрела на скатерть, подняла глаза на мужчину. – А голова поехала...

– Лишь бы крыша устояла.

– У меня нет крыши. Я сама.

– Ну и как – самой? Аля пожала плечами:

– Неважно. Вы же видите. – Снова подняла на него глаза.

– Меня зовут Олег. Олег Гончаров.

– А я – Аля.

– Редкое имя.

– Редкое? – Аля засмеялась. – Алена, Лена.

– Алена – нежнее.

– Я привыкла к Але. А «Лена» мне не нравится. Когда ты – «одна из». Лена – это как просто «девушка».

Она поглядела на него снова, и взгляд ее на этот раз показался Олегу совершенно беспомощным – такой бывает у близоруких людей, вдруг оказавшихся без привычных, укрупняющих мир линз.

– Извините, Олег... Какую-то чушь несу... Я поем, ладно? А то действительно неприлично так пьянеть от рюмки водки. – Глянула на него лукаво. – Но простительно. У меня было трудное детство.

– На самом деле?

– Это как посмотреть. А вообще-то – поговорка такая. Пословица.

Гончаров закурил, чиркнув длинной спичкой. Принесли мясо в горшочке. Алена справилась с блинами и икрой и теперь быстро ложкой ела жаркое. Ему было приятно наблюдать, как она ест, что-то промелькнуло в памяти... Он улыбнулся даже, но улыбка вышла невеселой. Все просто в этой жизни: чтобы мужчина был мужчиной, а не особью мужского пола, даже с деньгами, ему необходимо о ком-то заботиться, думать, тревожиться, кого-то защищать...

Когда этого нет, жизнь становится лишь более-менее сносным функционированием, словно ты не человек, а биоробот. Всего лишь. И не более того.

– Уф... – Девушка откинулась на спинку стула. – По-моему, с едой я погорячилась.

– Это пройдет.

– Чувство излишней сытости?

– Чувство волчьего голода.

– Разве я похожа на волчицу?

– Скорее на загнанного волчонка. Который не понимает, за что его гонят.

Девушка посмотрела в глаза мужчине внимательно, пристально. Сейчас, немедленно ей нужно решить: она верит ему или нет. Иначе – пропала.

В глубине его глаз была только грусть. И еще – усталость. Такая бывает в глазах у больших добрых псов, преданных людьми. Им некого стало защищать: те, кого они любили, бросили их, оставив охранять пустой дом, в который никогда не вернуться.

А пес не способен поверить в предательство тех, кого любит. И умирает даже не от голода – от тоски. А вообще... Собаки – куда лучше людей. Нет, есть злые, ущербные псины: просто люди вывели и воспитали породу себе подобных. А по жизни Алена вообще давно заметила: все хорошие люди похожи на собак или на лошадей.

Только лошади порой еще грустнее. Но грустнее всех – люди.

– Вы чем-то обеспокоены, Аля? – спросил Гончаров тихо.

– Да. Обеспокоена.

Глава 15

Наблюдатель перезвонил в половине первого:

– Она у «Валентина».

– У Валентина? – не понял Крас. – У какого Валентина?

– Ресторан в центре города.

– Разве сейчас еще работают рестораны?

– Я неверно выразился. Комплекс. Ресторан, ночной бар, варьете, казино. Кукла в настоящее время в ресторане.

– Одна?

– Естественно, нет. Подсела за столик к какому-то субъекту.

– Что за субъект? Бандит? Авторитет? Деловой человек? Есть ли охрана?

– Охраны, судя по всему, нет, но...

– Что «но»?

– Это очень дорогой ресторан. Для самых-самых. И, скажем, как-то наехать на неизвестного здесь... Впоследствии могут быть неприятности. Очень большие неприятности.

– Они то ли будут, то ли нет. А те, что уже имеются по вине этой стервы, – совсем не маленькие. Вы контролируете ее?

– Да.

– Говоришь из зала?

– Да. По мобильному.

– Кто еще с тобой?

– Никого. Водитель здешний, по найму. Я его отпустил. Но машина осталась.

– Сможешь захватить девушку?

– Вот это вряд ли. Похоже, она не собирается расставаться со спутником в ближайшее время. А проводить какие-то силовые акции здесь – это... дурной тон.

Здесь люди отдыхают, и соответственно имеется своя служба безопасности.

– Квалифицированная?

– По этому варианту – да. К тому же «Валентина» контролируют и милиция, и государственная СБ – место уж очень видное. Похитить девчонку отсюда не проще, чем в Москве – Вовочку из мавзолея.

– Трупы, даже набальзамированные, никому не опасны. А эта девка... Хорошо.

Вызывай этих, частных... Оплата будет соответственная. Сможешь это сделать быстро?

– Да. На всякий случай я договорился заранее. Прибудут сразу по звонку.

– Ты общался с ними сам?

– Конечно нет. Кто ж с такими общается? Через посредника. Контакт-ответчик на телефоне.

– Они не устанавливают заказчиков?

– А, зачем им? Лишь бы деньги шли. У них полная предоплата.

– И они ни разу никого не кинули?

– А зачем? Репутация дороже. Да и они же не киллеры по персонам. Легионеры.

Пусть и разных... э-э-э... специализаций, но легионеры. А у них конкуренция.

Заказчиков меньше, чем охотников получать бабки за стрельбу.

– Утечек от них не будет? В службу безопасности, к примеру?

– Нет. Эти ребята занимаются слишком специфическим бизнесом. Любая утечка «направо» или «налево» поставит на их деле крест. Ну и на руководителях этой конторы – тоже. В прямом смысле.

– Убедил. Вызывай. Надеюсь, они не страдают излишними комплексами?

Человеколюбием, например?

– Нет. Мы их уже привлекали в прошлом году...

– Разве?..

– Решить таджикскую проблему... Грязную работу выполнили именно они.

– Вот как? Хорошо. Выпаси мне эту курочку. Чтобы к концу ночи она сидела на том насесте, какой я укажу.

– Постараюсь.

– Старайся. Сейчас, кроме тебя, Куклу кто-то контролирует?

– Никто.

– Уверен?

– Да. Я бы... почувствовал.

– Дьявол... – произнес Крас тихо, словно про себя, а мысли понеслись припороженными лошаадьми. Он оценил ответ. Именно не «заметил» бы, а «почувствовал». Наблюдатель – профи исключительный. И сейчас он, Крас, «метет пургу». Он предпринимает шаги не на то, чтобы действительно захватить Куклу, а ищет... будущие оправдания перед Лиром. Дескать, принято все возможное, но...

Чушь! Лир не примет никаких оправданий. Никаких! Если девки не будет завтра утром на объекте "А"...

Все тело который раз за сутки покрылось липким потом. Ну конечно! Он, Крас, единственный, оставшийся от старой команды. Единственный! Если, конечно, не считать Маэстро. Но Маэстро – это совсем особый случай. Он даже не профессионал, он поэт убийств! За много лет он не провалил ни одного активного мероприятия. У него, Краса, провалов тоже было немного, но они были: не ошибается тот, кто ничего не делает... Маэстро – делал и не ошибался никогда. По крайней мере в своем мастерстве, которое он давно считал искусством.

Неспешно, постепенно Лир поменял всех; раньше Крас не обращал на это внимания, было слишком много работы... Теперь... Малейший его прокол, и Лир примет фатальное решение. Или уже принял? Нет, вряд ли... Слишком многое и многие завязаны на него, Краса... Но если сейчас сработать неточно или халатно, Лир...

Вот именно!

Он почувствует это! По-чув-ству-ет! И тогда... Как он сам выражался: "Легче купить новую борзую, чем вернуть азарт старой. Только один человек может наплевать на меняющееся время – я сам. Остальные должны соответствовать.

Несоответствие времени – это больше чем преступление, это ошибка. А платить за ошибки каждый должен сам". Все эти мысли пронеслись стремительно, как комета. – Я еще раз тебя спрашиваю, Наблюдатель: ты полностью уверен, что нашу Куколку сейчас никто не контролирует? Подумай...

– Да. Я уверен.

– В таком случае... не будем огород городить. Захвати ее. Немедленно.

– Извините, босс, я же информировал вас: система охраны комплекса...

– Забудь об этом. С этого момента ты должен помнить лишь об одном: рано утром придет... Лир. У меня есть все основания полагать, что, если девка не будет схвачена и выдана ему головой, мы все, все, превратимся во «временную творческую группу». Хорошо, что ты вспомнил Таджикистан, мне нет необходимости объяснять:

Лир не оставляет концов, он зачищает всех!

Крас перевел дух. Единственное, что вызывало некоторое удовлетворение, – теперь не один не чувствует, как сердце летит вверх тормашками куда-то вниз, в бездну... Пусть Наблюдатель побеспокоится, если хочет жить!

– Ты хорошо меня понял?

– Да.

- И вспомнил Душанбе?
- Естественно.
- Тогда мы организовывали зачистку. Если теперь завалим это дело, зачистят нас.
- Понял.
- И времени у нас – только до рассвета. Где, ты говоришь, находится это заведение?
- Леонтьева, 3.
- Я буду сам. Так надежнее. Девчонку до моего приезда из поля зрения не выпускать.
- Есть. – Наблюдатель замялся. – Так что, «частников» не вызывать?
- Как скоро они будут на месте?
- Минут через десять.
- При стволах?
- Как положено.
- Вот и пусть едут. Чем больше мути, тем лучше. Поставь им задачу так, чтобы...
- Ты понял?
- Да, босс.
- Действуй.
- Есть.

Да, именно так. Сидеть в этом благоустроенном склепе и ждать, когда кто-то решит твою судьбу? И чувствовать, как убегает время, будто кровь из вскрытых вен? Нет.

Действовать. Самому. Тем более – действие рассеивает беспокойство.

Мужчина рассовал по карманам несколько ампул, баллончик с газом, два бесшумных пистолета. Задержался у зеркала: лицо его было непроницаемым и спокойным. И никакого шрама. По крайней мере, в вечернем освещении заметить его было невозможно. А в ночи – и подавно.

Настроение улучшилось. Он любил вечера и ночи. Ночь – время охоты. Губы скривились в усмешке, мужчина открыл дверь и шагнул во тьму.

Метрдотель Василий Васильевич Ковров служил в этой должности двадцать пять лет.

Клиентов привык распознавать по виду, хотя и разные они были в разное время.

Но в последнее время стал уставать. Гипертония? Да нет. Он уставал от другого – от мельтешения жизни. И ум его не желал принимать ее, эту жизнь. Хотелось устоявшегося. А то – вчерашний школяр с «гайкой» с полмиллиона на пальце покровительственно хлопает по плечу, при нем дама, да какая, к черту, дама! – шалава, профурсетка, шалащовка гнутая, только что в мехах да цацках. А завтра – нет уж его, крутого этого; в Америке, там колыт-миротворец уравнивал шансы живых, у нас – «Калашников»: и дырок больше, и пуля весомее! Взамен того – уже и новый гуляет, да с той же шалавой, чтобы пропасть через год или раньше... Не нравилась Василию Васильевичу такая жизнь. Покоя хотелось. Когда пули близко ложатся, какая-то излетная и тебя поцелует. Но бросить работу, и что делать?

Сон уже в старости не шел, и ночная работа Коврову нравилась: сидеть одному без сна в пустой квартире – дело горькое.

А так – домой он приходил утром, ужинал легко и читал кого-то из древних: были люди, были деяния! Не нонешним чета. Хотя... «Эти люди, никому не дававшие покоя, сами не ведали покоя, будучи подобны смерчам, которые все захватывают своим вращением, но прежде сами приведены во вращение и потому налетают с такой силой, что над собою не властны. Явившись на беду многим, они на себе чувствуют потом ту губительную силу, которой вредят другим» – вот что писал Луций Сенека о временах Гая Мария, Суллы, Цезаря. И добавлял:

«И не следует думать, будто кто-нибудь стал счастливым через чужое несчастье».

Да, это так... Ковров повидал немало людей выдающихся – у них было все, кроме счастья.

Ко входу подъехал роскошный джип, метр вышел встречать лично. Эту машину он знал. Молодой человек, вышедший из автомобиля, был правой рукой самого Ав-тархана. Теневого

хозяина города. И хотя власть эту он делил с двумя другими, Беней и Кондратом, метр знал: рано или поздно останется только один. Как мудро заметил Тацит, с некоторых пор любая борьба имеет только одну цель: единовластие.

Впрочем, Ковров был вежлив и ровен со всеми: это их игры. Но Снегова выделял.

Помимо прочего, Снегов прекрасно разбирался в людях; в отличие от бандитов был не только бесстрашен, но и умен; умел, что называется, вести светскую жизнь: встречался с политиками, актерами, литераторами, деловыми людьми, крупными чиновниками... В этой упряжке он себя чувствовал не менее комфортно, чем среди боевиков; возможно, Автархан в будущем вообще удалит Сергея от «людей действия» и прикажет сосредоточиться на легализации бизнеса, но прежде тот должен заработать непререкаемый авторитет среди братвы. Впрочем, не его это, Коврова, дело. А уж кто останется на щите, а кто со щитом – то только Господь Бог знает.

Сейчас Снегов выглядел уставшим и озабоченным.

– Ужинать? – вежливо спросил его метр.

– И это тоже. – Молодой человек секунду помедлил. – Да, Васильич, взгляд у тебя приметливый... – Снегов вынул из бумажника фото и предъявил метру. – Девочка эта у тебя не мелькала?

Тот только глянул на фото, расплылся в улыбке:

– У вас хороший вкус, Сергей Георгиевич. Она в зале. Ужинает. Если бы я был предупрежден...

– Что?! – резко переспросил Сергей.

– Ужинает. По правде сказать, вы же знаете, Сергей Георгиевич, у нас репутация... Я не хотел пускать эту девушку, но она убедила меня, что у нее встреча...

– Так она в зале?

– Естественно.

– Веди, покажешь. Только незаметно.

Метр провел Снегова в подсобку охранников; сквозь жалюзи было видно: Лена Глебова действительно сидит за столиком рядом с мужчиной средних лет и уплетает мясо в горшочке.

– Умопомрачительная девка! – произнес Снегов тихо. Надо же! Только что вылезла из жесточайшей разборки, а ест так, словно с утра посетила массажный кабинет, проплыла три кмэ в бассейне, повалялась в солярии, взбодрила себя сном и только к ночи вспомнила, что диета сегодня необязательна...

– Сергей Георгиевич, если бы я знал, что вы... В зале не было свободных столиков, да и не приветствуем мы появление в заведении молодых дам без спутников... Этот мужчина помахал ей рукой, как хороший знакомый, и я решил, что встречу ей назначил именно он... Хотя сначала он и произвел на меня впечатление одинокого...

– Волка? – быстро спросил Снегов.

– Не-е-ет. Как бы это сформулировать... Ветерана.

– Ветерана? – удивленно поднял брови Сергей. – На вид ему лет сорок.

– Я имел в виду... В римском понимании этого слова: ветерана-воина, живущего на выслуге. Не очень счастливого... Впрочем, все эти фантазии стариковские...

– Может быть, может быть... Ты по-прежнему увлечен римской историей? Метр пожал плечами:

– Тогда жили титаны.

– А сейчас?

– Сейчас... – Метр замешкался, пытаясь подобрать адекватное выражение. – Сейчас бал правят деньги. Увы, только деньги.

– Люди гибнут за металл. Знаешь, Васильич, я-то, грешный, думаю, и раньше так было. Это потом историки сказок насочиняли, чтобы красиво стало... Кому охота знать, что «чело-

век» звучит вовсе не гордо, что это и есть самая вредная живность на планетке, и не просто тля, а с претензиями... Ладно, Васильич.

Теперь не до философий. Раньше этот человек у вас бывал?

– Один или два раза. Но довольно давно.

– Кто он?

– Я не интересовался. Если бы я знал, что...

– Так. Кого еще ты в зале не знаешь? Быстро! Метр окинул зал скорым взглядом:

– Вон тот, у стены. Компания молодых людей – эти, полагаю, в первый и в последний раз: видно, быстрые деньги подвернулись, быстро и уйдут. Вот тот пожилой господин с дамой...

Василий Васильевич продолжал говорить, Снегов слушал внимательно, а сам цепко разглядывал людей. Судя по всему, девка – подсадка. Ее выставили живцом. Еще пороховой дым не рассеялся там, на Щербатова, а она уже в кабаке отдыхает с каким-то фраером! В их кабаке! Или это Кондрат с Беней решили сыграть свою игру?

Так, как поступает эта девчонка, могла бы поступить либо Мата Хари, либо полная дура! Впрочем, у нее могло не быть возможности выбирать. В любом случае ее должны пасти. Решать, быстро!

Указательный палец уже стучал по кнопкам мобильного.

– Снегов. Я у «Валентина». Наша подружка здесь. Все – Кентавр, Гога, Расик, Комар, Дуче – все ко мне! Вокруг «Валентина» – кольцо! Любого, кто объявится, с дури или еще как, мордой в грязь, мгновенно! Потом разберемся. Да, Автархану скажите. Все.

Дал отбой. В комнатку вошел начальник охраны.

– Что наверху? – спросил Сергей.

– Все спокойно, – пожал тот плечами. – Как обычно.

– Так. У тебя есть нормальные пацаны или только «бодигарды»?

– Есть.

– Нормальным раздай стволы. Если кто сейчас пальбу откроет, мочить без заморочек, ясно?

– Ясно, – А качки пусть маячат на входах-выходах. Остановить они вряд ли кого остановят, так хоть застопорят, пока братва подтянется. Выполнять.

Мужчина исчез.

– Васильич... – позвал Снегов застывшего перед дверьми метра.

– Да, Сергей Георгиевич.

– Что-то вид у тебя озабоченный. Или еще чего надыбал?

– У нее, у девчонки этой, сумка с собой была. Большая спортивная. В гардеробе сейчас. Я сразу не сказал, думал, как вы к ней по другим делам...

– Дела, Васильич, все у прокурора. А у нас так, делишки. – В глазах Снегова уже плясал азарт. – Ну и что хорошего в сумке этой?

– Не смотрел. Прикажете принести?

– Прихрани. На потом. Да, пожелай удачи, старый! – Снегов широко улыбнулся. – Ну как, сойду за комильфо?

– Не без шарма.

– Вот и славно. Пора с этой пацанкой знакомиться.

– А если спутник ее возражать станет?

– Мне? – Снегов одним движением выхватил пистолет из наплечной кобуры, снял с предохранителя, засунул за пояс брюк сзади. – Возражать?

– Сергей Гергиевич... Вы же знаете, как мы к вам относимся. Seriously...

– Ну, если серьезно... Не успеет.

Глава 16

Когда молодой человек стремительной, раскованной походкой подошел к его столику и по-хозяйски плюхнулся на мгновенно принесенный официантом мягкий стул, Олег Гончаров первым делом вопросительно посмотрел на девушку. И заметил, что та не столько озадачена, сколько испугана.

– Снегов, – коротко бросил тот, – Сергей Георгиевич. Все происходящее в заведении Олег регистрировал боковым зрением: у заказанных столиков расположились спортивные парни, три входа, основной, запасной и тот, что вел в бар и казино, перекрыли несокрушимые «боди-гарды». Зал блокировали спокойно, ни от кого не таясь, но в то же время очень корректно: будь Олег один, он бы если и обратил на это внимание, то только как на часть пейзажа. Да... Если бы не испуг в глазах девушки...

– Давайте знакомиться... – искренне улыбнувшись, предложил Снегов.

– А зачем? – спокойно отозвался Гончаров.

– Я пойду, – быстро произнесла Аля, сделала попытку встать, оглянулась, встретила взглядом с накачанными «манекенами» и снова присела. – Так вот как...

– А что вас удивило, барышня? – осведомился у нее Снегов.

– Меня? – Девушка плеснула себе в бокал из-под «спрайта» коньяк и выпила одним духом. – Ничего. – Повторила, уставившись в одну точку:

– Ни-че-го.

Молодой человек сделал движение рукой, по его знаку к столу метнулся официант.

– Шампанское для дамы... Вы что предпочитаете? – посмотрел он на Гончарова.

– Чай. С сахаром.

– И чай с сахаром для джентльмена. – Снегов выдернул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой. – Вы не хотите представиться? Скажем, эту прекрасную девушку зовут Елена. Елена Прекрасная. По Гомеру – дама раздоров. Если помните, господин Никто, из-за нее погибла Троя. И очень много храбрых воинов. С той и с другой стороны. Вы не возражаете, если мы с милой девушкой отъедем пообщаться?

– Возражаю, – тяжело произнес Гончаров.

– Вы считаете, в сложившейся ситуации ваши возражения будут приняты во внимание?

Как мне удалось выяснить, с девушкой вы познакомились только что; мы не хотим лишних проблем: стоит вам только пожелать, и ваше уединение скрасит та, какую вы выберете. Поверьте, это исключительные модели, редкие. Хотите взглянуть на каталог?

– Слушай, молодой... У тебя странная манера общаться. Если бы я чего-то еще боялся в этой жизни... Но уж точно не тебя и не твоих отморозков...

– Это не отморозки.

– Помолчи. Учись слушать старших.

– Мужик... Зачем тебе чужие разборки? Или чужие войны.

– Чужой войны не бывает.

– Да?.. А ты не боишься, что...

– Слушай меня внимательно, молодой...

– Меня зовут Сергей Георгиевич.

– Сергей Георгиевич... Я давно ничего не боюсь. И никого. Устал.

– Действительно? – иронично приподнял брови Снегов.

– «Кого бояться мне? За злато отвечает честной булат», – хмыкнул Гончаров.

– Ладно. Пустой базар. У меня погибли четверо людей. По вине этой красавицы. Мне это тебе говорить и необязательно, но... Мужик ты крепкий, не порожняк, потому и базарю с тобой... Тебе нужны лишние проблемы? – Снегов помедлил. – Нет? Мне тоже. А потому я

намерен узнать у нее то, что мне нужно. Сейчас. – Затянулся, загасил сигарету одним движением. – Разговор – не для посторонних ушей. Если занят делами – должен просечь. Сейчас мы с дамой пересядем за другой столик и поболтаем. Ну а решишь дальше крутизну качать – умрешь. Без обид, такие расклады. Если ты чего-то не понял, переспроси сейчас.

– Он прав, Олег, – тихо произнесла Аля. – Тебе вовсе незачем влезать во все это.

– Она смотрела в стол, на ресницах висели слезинки. – Значит, судьба моя такая.

– Милая барышня... Если накатывают на меня, я могу и потерпеть. Если на такую милую и усталую девочку – не могу. И не проси.

– Ты что, дурак? – совершенно искренне удивился Снегов.

– Я идеалист. Чего и не хватает сейчас по такой жизни, так это идеалов. Не так?

– Господин Никто... По-моему, ты принимаешь плохое решение. Совсем плохое. А люди не столько действуют, сколько решают. Плохое решение куда хуже неудачного действия. Ибо влечет за собой целый ряд действий неудачных, никчемных или губительных. Не сочти за нотацию, земляк... Но лучше для тебя – отваливай.

– Что для меня лучше, я решу сам. Да и решение я принял давно, – усмехнулся Олег, – по жизни. С тех пор я ему просто следую.

Снегов пожал плечами. Лицо его закаменело. Девушка, казалось, совершенно не слышала их разговора. Пока мужчины пикировались, налила себе еще коньяку, выпила, закрыла лицо руками, посидела так несколько секунд...

– Вас прислал Сиплый? – спросила она Снегова еле слышно.

– Сиплый? – мгновенно отреагировал тот.

– Я не знаю, как его зовут; Ну тот, со шрамом...

– Со шрамом, значит? – заинтересованно повторил Снегов. – Нет, не он. Девушка потянулась за графином, Снегов перехватил ее руку:

– погоди наливать. Нам есть о чем поговорить.

В кармане Снегова тревожным прерывистым зуммером запищал мобильный. Тот резко поднес трубку к уху:

– Да?

– Это Кентавр. Мы подъехали.

– Понял.

– Тут какие-то странные типы крутятся.

– Чьи?

– В том-то и дело, что непонятка.

– Чем заняты?

– Тем же, чем и мы. Маячат. Мы глядим на них, они – на нас.

– Менты? ОМОН?

– А пес их знает! На ментов схожи, но те торчать бы до дури не стали, ты же знаешь: мордой в грязь, и вся недолга... И эсбэшники так вроде не работают...

Скорее всего, охранники какие-нибудь, из бывших...

– Никого не признаешь?

– Да их щас развелось, волков, как грязи... Может, и з города, приехали откуда-то по чью-то душу... Но на киллеров тоже не похожи... Уж больно маячат внаглую. И стволы у них по нахалке заныканы: слепой заметит. Значит, разрешение есть. Что делать-то, а, Снег?

Тот задумался... Если развести здесь, в центре, «мочилово», менты точно «Гарпун» с «Неводом» на братву опустят. И Бенья с Кондратом будут к Автархану в большой претензии... Черт! Девку нужно колоть, быстро! Она готова расколоться, он чуёт!

И еще: непонятка действительно угадывается полная, сейчас бы сесть и подумать...

Что-то маячит в башке, а что – не понять... Может, это менты подставу работают?

Не похоже на них: мозгов не хватит работать; тут Кентавр прав, у них проще и понятнее: «Мордой в грязь, а там разберемся!» Тогда кто? СБ? Вопросов, как всегда, больше, чем ответов... и времени нет совсем...

– Стволы – на взвод; проверьте этих козлов на вшивость. Если не в делах, а наемные, очко сыграет, оно не железное...

– Не, Снег, – рассудительно возразил Кентавр, – может и не сыграть. Шас есть конторы, из полных отморозков составленные, из тех, кого в Карабахе, Приднестровье, Абхазии или Чечне почему-то не добились. В крышах у них – полный протек, все на наркоте подсаженные, им пострелять, как мне – пописать... Таким лишь бы мочить, а кого и когда – вопрос левый... А ну как мы их пужать начнем, а они по серьезу?

Снегов прикусил губу. Кентавр прав. Нужно или «огорчать» этих «маяков» по-крупному, или... отвалить. «Стрелы» с ними не было. Чего гнать тогда?..

– О'кей. Сейчас я выйду. Не один. Держать их на мушке, только кто дернется – кончать! Стволы у вас «тихие»?

– Да всякие.

– Работайте «тихими». Не хватает еще всю мусарню сюда завлечь... Все понял?

– А чего тут понимать?.. – неуверенно произнес Кентавр и дал отбой.

Снегов выпил залпом рюмку коньяку, выдохнул. Кентавр прав. Понимать тут нечего.

Потому что непонятно все. Когда на стрелку едешь, все как в тире: или ты, или тебя. Лучший вариант – «мочилово» обойти, по понятиям поговорить... Но не со всеми. А здесь... Ладно, рассуждения – потом, сейчас – действие!

Снегов мельком глянул на Гончарова, произнес вслух:

– Времени больше нет. Разговор у нас с пацанкой конфиденциальный. У тебя последний шанс: уйти.

– Нет.

– Сам создал себе проблему. Твое дело, – произнес он и повернулся к девушке:

– Что за люди подъехали сейчас к кабаку?

– Я... Я не знаю. Правда.

– Где твоя сумка? Рюкзачок?

– Тоже не знаю.

– Ты знаешь, что в ней?

– Теперь да.

– Как порошок попал к тебе в сумку? – медленно, тщательно выговаривая слова, произнес Снегов. – Говори спокойно, но только правду; если соврешь – тебя порежут на ремни вместе с кавалером!

– Я не знаю! Вы понимаете, не знаю! Мне его подложили!

– Да? И кто же такой щедрый?

– Тоже не знаю! Сиплый, наверное. Они зачем-то засунули порошок в мой рюкзачок, а он пропал. Они решили, что это я взяла. Решили накатить, приехали ко мне домой... А я уже боялась говорить, что сумку у меня украли, они бы меня просто убили, и все! Только... Они бы все равно меня убили... Они уже убили одну девчонку, просто так... – Теперь Аля плакала вовсю, не сдерживая слез.

– Не реви! – жестко сказал Снегов, встал, схватил с ближнего стола бутылку минеральной, открыл одним движением, налил полный стакан, протянул девушке:

– пей Быстро!

Та сделала глоток, поперхнулась, попыталась поставить стакан, но Сергей удержал его у губ девушки:

– пей до конца! Живо!

Аля осушила стакан до дна, поставила на стол, перевела дух, огляделась так, словно не сразу сообразила, где находится. Произнесла:

– Извините... Я много выпила... – Улыбнулась беспомощно. – Это от страха.

– Говори! Дальше! – поторопил ее Снегов.

– А что говорить? Дальше ввалился здоровый парень, помощник Сиплого... Я его ранила...

– Чего?

– Я стрельбой занималась, у меня пистолет был, «марголин». Вот, из него... А что, дожидаться, пока он меня?

– Дальше, дальше...

– Выбежала в коридор... Да, у этого здорового тоже пистолет был... Я его взяла и решила бежать... Выскочила в коридор, а там... Кто-то летел снизу, ботинки грохотали, я рванула наверх, там – еще человек с пистолетом, он начал стрелять... Я... Я тоже выстрелила, сама не знаю как... Побежала... Наверх...

Слышу: кто-то догоняет... Развернулась и выпустила всю обойму наугад, чтобы отстали... Потом на чердак и – сбежала... Все.

– Все... – повторил про себя Снегов. – Все...

Мысли его летели; складывалась картинка, хорошая картинка! Итак, Ворон «прислонил» рюкзачок, а в него некто заныкал накануне наркоту. Девку использовали втемную, как случайный «баул». Когда сумка пропала, эти решили, что девчонка сама припрятала героин и хочет скачать бабки – по молодости и по жадности. Решили сначала вывести пацанку на «момент истины», потом – мочить, а тут наехал он. Снегов, с братвой. Да и девка подарком оказалась еще тем: завалила пару козлов! Она хоть и котенок, и не в делах, а... Если котенка до крайности довести, он барсом становится! Гены! Все складно.

– Так. Быстро опиши мне этого... со шрамом.

– Значит, вы не с ним...

– Это наш враг.

– Сиплый?

– Это его кликуха?

– Да нет, голос у него просто такой. Когда говорит громко – словно кастрат, когда тихо – голос сиплый становится и неприятный очень...

– Он что, сифилитик?

– А я ему не доктор. Скорее псих буйнопомешанный, вот кто он!

– Какой он?

– Ну какой... Крупный, грузный... Физически очень сильный, но сволочь последняя!

Еще там, в «Юбилейном», он с девчонкой... Он ей шею сломал, двинул просто руками, и все...

– Выглядит как? Ты говорила – шрам у него...

– Ну да... Вернее, не шрам, а... Как бы это сказать... Лицо у него – как зеркало разбитое, из двух половинок... – Девушка руками в воздухе обозначила овал и показала, как проходит уродующая лицо Сиплого полоса. – Наверное, был когда-то шрам, потом он пластическую сделал... На лице – полоска едва различима, но...

Две половинки словно от разных людей прилеплены, и от этого... еще жутче.

– Так, – произнес Снегов.

Налил себе коньяк, выпил с удовольствием. Почувствовал, как по лицу покатился пот – сказывалось нервное напряжение последних часов... Картинка действительно сложилась. Да еще и как нельзя лучше. Пацанка с перепугу намутила этим, они решили... Неизвестно, что они решили, скорее всего, то, что за девчонкой стоят люди. Она при «крыше», а не случайная овца на этом поле... Больше она не нужна: сказала все, вот только... Девку надо поиграть

втемную: пусть Сиплый с компаньонами думает по-прежнему; вызвать бригаду из Кострова, нездешних, будут ее возить по городу и мутить дальше... А он, Снегов, на эту наживку Сиплого и словит Хорошее дело. И еще хорошо, что непонятки больше нет. Отец будет доволен.

Надо поставить раком Сиплого со товарищи и прибрать дельце. Денег там – немерено. Так что все – тип-топ.

– Сейчас поедешь со мной, – сказал Снегов девушке, – мы будем тебя охранять.

– А кто – вы?

– Тебе это надо знать?

Аля пожала плечами.

– Это надо знать мне, – произнес молчавший до этого Гончаров.

– Тебе, господин Никто, тоже придется поехать с нами: ты нашел себе проблему, и как ее вытащить, решать уже не мне. Выбора у тебя нет.

– Думаешь?.. – спокойно спросил Олег. Лицо его было безмятежно, но что-то в нем неуловимо изменилось...

– Уверен.

Снегов крепко взял девушку за запястье, привстал, свободной рукой сделал знак охране и... Неловко, боком, медленно завалился на стол и тяжело рухнул навзничь, сметая за собой скатерть вместе с посудой.

Аля метнулась взглядом: похоже, Олег был озадачен не меньше ее. Боевики уже спешили к ним, на ходу выхватывая оружие; старший службы безопасности быстро говорил что-то в мини-рацию...

Гончаров подхватил стол и бросил его навстречу бегущим. Наклонился к неподвижному телу Снегова, провел руками вдоль, выхватил у него из-за пояса пистолет, щелкнул предохранителем... Набегавший боевик отреагировал мгновенно: двумя руками направил ствол на Олега и из всех сил жал спусковой крючок, забыв о флажке предохранителя... Гончаров выстрелил сразу, пуля попала нападавшему в голову, он опрокинулся назад и замер...

В зале началась паника. Самые умные и не слишком хмельные уже успели убраться, узнав Снегова, угадав, что за напряженный разговор он ведет и обратив внимание на перемещения охраны. Но большинство не заметили ничего: уровень заведения был достаточно высок, и о каких-то разборках прямо здесь многие не могли и подумать... Теперь люди заматались по залу; боевики Снегова и охрана мчались с оружием в руках, пытаясь прорваться к столу у стены, рядом с которым теперь лежал их главарь, сшибали на ходу мужчин и женщин, падали вместе с ними...

Грохнуло несколько выстрелов: боевики пытались навскидку завалить Гончарова, но тот, крепко схватив девчонку за запястье, прорывался к запасному выходу.

«Бодигард», маячивший там с несокрушимым видом, с началом перестрелки испарился, словно он был фантом, а не стокилограммовый увальень «ни грамма жира».

Гончаров крутился как волчок, угрожающе дергая стволом и стараясь прикрывать собой девчонку. Наконец нашел то, что искал: распределительный щит, наполовину скрытый портьерой. Три выстрела прозвучали как короткая автоматная очередь; яркая вспышка – и зал погрузился во тьму. Крики, брань, визг женщин, вспышки и грохот «слепых» выстрелов... Вспыхнули фонарики, их лучи повисли в сигаретном дыму; пространство зала расчертили тонкие нити лазерных прицелов. Сквозь беспорядочные крики публики слышались команды; кто-то пытался придать происходящему хоть какой-то смысл... Все перекрыл истошный крик:

– Снегова завалили, волки! Мочить козлов! Всех!

Автоматные очереди загрохотали при входе и на улице. Следом густая сыпь пистолетных выстрелов, снова автоматы...

Бойня продолжалась минут десять... Взыли сирены, темный зал наполнился фиолетовым мигающим светом маячков служебных машин, автоматы загрохотали слаженно, управля-

емые опытной рукой командира... Боевики, еще оставшиеся в зале или оттесненные сюда с улицы, огрызались на рокот автоматов одиночным тьяканьем «глоков», «Макаровых», «тэтэшек», пока не полыхнуло несколько раз бело и ярко и фиолетовую тьму не заволокло удушливо-терпким газом.

Глава 17

Лицо Автархана словно закаменело. Так он сидел несколько минут, играя желваками на скулах... Сережа убит. Убит. И ничего исправить уже нельзя.

Стоявший у стола громила по кличке Тюлень переминался с ноги на ногу.

– Ну, я пойду? – неуверенно спросил он и тут же опустил глаза, опасаясь встретиться с Автарханом взглядом. Напрасно, в глазах авторитета, казалось, не осталось ничего, кроме боли.

– Да.

– Братве что-то передать?

– Отдыхайте до утра. Мне нужно подумать.

Тюлень кивнул и удалился, осторожно прикрыв за собой дверь.

Автархан остался сидеть неподвижно. Потери были значительные. Катастрофические.

Казалось, какой-то злой рок в считанные часы разрушил, разметал все, что он, Автархан, кропотливо возводил шесть лет. Его невидимая империя если и не рухнула, то ощутимо зашаталась. «Невод» накрыл город. Две вооруженные разборки за несколько часов – многовато даже для человека такого уровня, как он.

«Валентин» закрыли надолго, если не навсегда. По всем точкам пройдутся железной метлой... Нет, такое бывало и раньше, но теперь... За несколько часов погибли двенадцать боевиков. Погибли на непонятной войне, ибо противника он даже не нащупал.

Братва начнет роптать. Беня и Кондрат уже звонили; они, конечно, предъявят претензии по поводу «Невода» и «Гарпуна», но пугало не это... Снова пойдут слухи... Слухи о том, что он, Автархан, словно змей, переживший свой яд... что он принимает немотивированные решения, которые оборачиваются гибелью пацанов.

Что ему пора на покой.

Ни один король не в силах правом удержать свое королевство. В их системе роль права играл авторитет. Но авторитет перестает чего-либо стоять, когда идет огонь на уничтожение. Пацанам не хочется умирать. Им хочется жить. А потому... Любую власть подпирают штыки. Или мечи. Без этой опоры она – ничто, пустой звук, носимый ветром. Во все века правили только две вещи: меч и золото. А выбирать властителям приходилось лишь одно – что сделать раньше: мечом захватить золото или за золото купить воинов, способных захватить еще больше золота. Замкнутый круг. Змея, вцепившаяся в собственный хвост смертельной, неразжимаемой хваткой.

Змея, яд которой не иссякает никогда. Круг мироздания.

Автархан встал, подошел к шкафу... Лицо его походило на маску: громадным усилием воли он заставил все эмоции уйти глубоко внутрь; но, казалось, это нечеловеческое напряжение окончательно сокрушило его. Автархан глянул на себя в зеркало: на него смотрел изможденный старик, измотанный, усталый. Глаза взирали на окружающее тускло и безнадежно... У самого Автархана не было иллюзий: жизнь прошла, и то, ради чего стоило жить, осталось далеко позади. Ему осталось два года до семидесяти, вроде и не срок, но... Жить незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.